

Crème de la Crème

Джослин Брук

ЗНАК ОБНАЖЕННОГО МЕЧА

Перевод Ольги Гринвуд

KOLONNA PUBLICATIONS

ББК 84 (4 ВЕЛ)

Jocelyn Brooke
THE IMAGE OF A DRAWN SWORD

Редактор: Дмитрий Волчек
Руководство изданием: Дмитрий Боченков
Верстка: Сергей Фёдоров
Обложка: Алексей Кропин

© The Bodley Head, 1950
© Mark Rawlinson, 2001
© Ольга Гринвуд, перевод, 2008
© Kolonna Publications, 2008

ISBN 978-5-98144-115-8

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	Лис, его тотем	9
Глава 2	Прямой пробор	12
Глава 3	Не отмечен на подробной карте	21
Глава 4	Как листья на ветру	28
Глава 5	Между небом и морем	33
Глава 6	Двойственный образ	43
Глава 7	Годен к военной службе	53
Глава 8	Темнеющая даль	62
Глава 9	Словно горемычный призрак	67
Глава 10	Чудные дела	72
Глава 11	Первое декабря	80
Глава 12	Кустик смиренный	91
Глава 13	Бутоны нарциссов	96
Глава 14	Раздетый перед схваткой	108
Глава 15	Знак обнаженного меча	119
Глава 16	Кисти миндалевидного молочая	133
Глава 17	Римский лагерь	141
Глава 18	В каком-то другом мире	151
Глава 19	Смертельный бой	160
Глава 20	Жизненный миг	165

Марк Роулинсон. Дикие солдаты: Джослин Брук и военизированный английский пейзаж	173
--	-----

Nu is se ræd gelang
eft æt þe anum. Eard git ne const,
frecne stowe, ðær þu findan miht
felasinnigne secg; sec gif þu dyrre!

*Beowulf**

* И вновь на тебя лишь мы уповаем!
Подвигнись на поиск, если отважен,
найди злоторящую
в землях неведомых, в краю неизвестном!
Беофульф (пер. В. Тихомирова)

I

Лис, его тотем

Осенние сумерки сгущались над низиной, когда Рейнард Лэнгриш соскочил с автобуса, идущего из Глэмбера, и зашагал по тропинке к деревне. С одной стороны тропинку окаймляли буки: между их прямыми, стройными стволами, блестя, как вода, просвечивало закатное небо; с другой ее стороны поля плавно спустились к низине, где, укрытая среди деревьев, в дымке речных испарений смутно виднелась деревня.

На той стороне низины, чуть повыше уровня других домов, сквозь надвигающийся сумрак ярко сияло освещенное окно. Вид его Рейнард был приятен: он знал, что мать уже, должно быть, накрывает на стол и что через какие-нибудь десять минут он сам войдет в гостиную и его в который раз поглотит безмятежный, объятый теплом очага комфорт дома. Однако приятное это чувство умаялось полусознанным пониманием его обманчивости; желание скорее прийти домой было по большей части привычкой, уцелевшей от прежних, более счастливых времен. Сейчас, торопясь к дому, он внезапно уступил смутной, произвольной неохоте: остановился на середине пути и оперся о калитку, ведущую в поля. До конца себе в том не признаваясь, он в последнее время стал испытывать необъяснимый ужас перед ежедневным возвращением домой. Он знал, что, не пробыв там и десяти минут, начнет досадовать на присутствие матери, на теплую, замкнутую атмосферу гостиной, на знакомые предметы, незыблемо застывшие на своих местах. Рано или поздно он сбежит отсюда на бесцельную вечернюю прогулку вдоль опустевших

улочек и проселочных дорог, охваченный неодолимой тягой оказаться как можно дальше от дома.

В Глэмберском банке, где он работал, ежедневная рутина заглушала это беспокойство; он сознавал его в полной мере лишь вечерами. Опираясь сейчас о калитку, он ощутил, как сама сельская местность словно бы незримо, неопишимо на него давит, порождая в усталом мозгу невыносимое чувство плена. В то же время очертания пейзажа приобрели странную нереальность, будто он видел их сквозь искажающую линзу или на плохой фотографии.

Подобное ощущение, при всей его малоприятности, Рейнарда не удивило: вот уже несколько недель он страдал от этого тревожного чувства «нереальности» и отчасти с ним свыкся. Ему казалось, что он живет под стеклянным колпаком, позволяющим воспринимать нормальные свойства мира, но не дающим вступить с ним в непосредственный контакт. Иллюзию усиливало действительное притупление чувств, незначительное, но безошибочное: ухудшилось обоняние – возможно, из-за хронического катарра, – и слух тоже был слегка нарушен. Привыкнув в последние годы к проблемам со здоровьем (его комиссовали из армии во время войны, после приступа ревматизма), он до сих пор не озаботился тем, чтобы обратиться к врачу; у него, казалось, и правда не было на это особой причины: симптомы были чуть серьезней ощущения легкого недомогания; и все же состояние здоровья на самом деле беспокоило его сильнее, чем ему хотелось бы признать.

Он устремил взгляд на землю у своих ног, где в сгущающихся сумерках едва виднелась поросль робертовой герани: ее изящные розовые цветки смутно выделялись на фоне более темной массы листьев. Это, такое знакомое ему растение, со столь естественной грацией укоренившееся в насыпи живой изгороди, принесло ему некое мимолетное утешение. Словно бы желая подтвердить свою связь с внешним миром, он вытащил сигарету и закурил; однако сигарета была безвкусной – с некоторых пор он утратил способность ощущать аро-

мат табака – и привычные движения казались ему странно нереальными, будто он смотрел на кого-то за этим занятием в старом дерганом фильме.

Он снова поднял глаза к освещенному окну на той стороне низины, но последние остатки удовольствия от этого зрелища уже растаяли, и теперь он осознавал лишь невыносимое чувство плена, ожидающее его в теплой комнате, озаренной светом камина.

Он резко отбросил безвкусную сигарету, посмотрев, как она, брызнув искрами, ударилась о дорогу. Затем, не найдя утешения, продолжил спускаться с холма. Когда он подошел к деревне, какой-то рабочий про-
шаркал мимо в полутьме, приветствовав его на ходу:

– Вечер добрый, мистер Рейнард!

Это обращение по имени неожиданно доставило ему наивное удовольствие, напомнив о том, что он, служащий банка, принадлежит к этой сельской местности и, более того, воедино связан с ней остатками тех отношений, которые можно было бы назвать почти феодальными. Лэнгриши веками владели здесь землей, а его двоюродный дед (от которого он унаследовал имя Рейнард) жил в особняке; за два поколения семья рассеялась: землю распродали, сыновья пошли в коммерцию или на службу – но среди работников постарше феодальная традиция была еще жива.

Рейнард вдруг живо прибавил шаг, чувствуя непривычную гордость за своих предков и за необычное имя, перешедшее к нему от последнего владельца особняка. Рейнард – то была эмблема его хитрости, символ-тотем*, служащий ему подспорьем в герилье против угнетающих его сил. Он пересек деревенскую улицу и со вновь обретенной уверенностью двинулся к дому, обнадеженный покровительством лиса – его тотема.

* «Роман о Лисе» (Roman de Renart) – памятник французской городской литературы, получившей распространение в XII–XIII веках. Произведение состоит из 27 ветвей, или независимых рассказов, написанных попарно рифмующимися стихами. Объединяющим сюжетом является борьба лиса Ренара с его заклятым врагом, волком Изенгрином (триумф хитрости над силой). Здесь и далее прим. пер.

2

ПРЯМОЙ ПРОБОР

- 12 Пока он шел к дому, быстро стемнело: тяжелая масса облаков сгустилась в зените, и с неба посыпались крупные капли дождя – их наискось бросал ему в лицо поднимающийся юго-западный ветер. За несколько секунд ветер, казалось, усилился до урагана, набросившись на величественные каштаны у церкви, – их древние ветви отчаянно скрипели вверх, когда Рейнард проходил мимо. Когда он добрался до дома, дождь лил вовсю. Он толкнул дверь и шагнул в озаренную теплым светом комнату; мать, седовласая и безмятежная, подняла голову, и он, наклонившись, поцеловал ее, по обыкновению, молча: вот уже много лет миссис Лэнгриш была абсолютно и неизлечимо глуха.

Она невозмутимо продолжала накрывать стол к ужину: расставляла чайные принадлежности, выкладывала холодное мясо и столовые приборы, с безмолвной сноровкой сосредоточившись на этом занятии. Рейнард бросился в кресло и, взяв дневную газету, рассеянно пробежал взглядом заголовки, едва осознавая смысл прочитанного. В последнее время чтение газет стало для него почти невыносимым трудом – периодически, стыдясь своей глубокой неосведомленности о текущих событиях, он решал начать новую жизнь и прочитывал «Таймс» от корки до корки – однако часом позже едва ли мог вспомнить хоть одну новость. Приемника в доме также не имелось, поскольку миссис Лэнгриш, при всей своей глухоте, воспринимала радиоволны несколько болезненно, а Рейнард был преисполнен го-

товности отказаться от чего угодно, лишь бы не нарушать материнский комфорт, и жалел о том, что не может ощутиее скрасить ее недуг.

Отложив газету, он бесцельно обвел взглядом комнату, в очередной раз отметив до боли знакомые предметы, находящиеся строго на привычных местах: эстампы Анжелики Кауфман, бенаресскую медь, фотографию отца в парадной форме... С проблеском интереса заметил он одно небольшое изменение, произошедшее со вчерашнего вечера: в кованом медном горшке вместо виргинских астр стояла высокая, раскидистая ветка бересклета. Ягоды сияли в мягком свете необычайно ярко, будто подсвеченные изнутри. Увидев устремленный на них взгляд сына, миссис Лэнгриш сделала неопределенный поясняющий жест и коротко улыбнулась.

13

– Это Джон Квестед принес, – сказала она.

Чуть погодя мать с сыном молча сели за ужин. Ветер с нарастающей яростью бушевал вокруг дома, и дождь злобно плевался в окна. Еще до конца ужина Рейнард понял, что не в силах оставаться на месте; он сознавал, что отправляться на привычную вечернюю прогулку в такую погоду – чистое безумие, и все же чувствовал решимость сбежать как можно скорее из слишком уютной комнаты, от стесняющего присутствия матери. Однако миссис Лэнгриш ела медленно, и обыкновенная вежливость требовала дождаться, пока она закончит. Лишь после того, как она проглотила последний кусок, он начал нетерпеливо убирать со стола; когда же она добралась до кухни, он уже перемыл половину посуды. Быстро покончив с этим, он знаком предложил матери вернуться в гостиную. Войдя туда вслед за ней, он по привычке двинулся к фортепьяно и, усевшись за него, сразу же начал играть сонату Моцарта, механически и почти без выражения.

Его мать, заключенная в тюрьму глухоты, могла, однако, опытным глазом следить за движениями его

пальцев. Сама бывшая некогда прекрасной пианисткой, она порой даже критиковала его исполнение, замечая, что такой-то пассаж следовало сыграть более *легато* или что он взял неправильный темп. Этим вечером, впрочем, она не прервала его игру ни единым словом. Вскоре музыка ему прискучила, и он вернулся в свое кресло у камина.

14 Расслабившись физически, он опять с беспокойством ощутил, как им завладевает чувство «нереальности», уже испытанное по дороге к дому: индийская чаша, фотография отца, бересклет, казалось, подрагивали, будто тающий мираж; словно бы личность Рейнарда – или же чувственные образы, придающие ей форму и плотность – переживала некий процесс дробления; словно бы отдельные части его самого оказались разбросаны по периметру постепенно растущего круга... Ему также казалось (как это случалось в последнее время уже не раз), что, если он не совершит неимоверное усилие и не вберет обратно в себя эти *disjecta membra**, то обнаружит – слишком поздно, – что процесс уже вышел из-под его контроля... И не впервые он задавался вопросом, а оправданы ли, в конце концов, его усилия: имеет ли, в итоге, эта драгоценная «индивидуальность», за которую он, как оказалось, цепляется столь упорно, такую уж редкостную ценность?

Он привычно обнаружил, что неотрывно смотрит на первый же попавшийся его ленивому и неизбирательному взгляду предмет. На сей раз это оказалось выцветшее изображение отца в дешевом паспорту. Он вяло отметил висячие усы эпохи Эдуарда, выступающий подбородок, кисть, сжимающую рукоять шпаги...

Вдруг, так громко, что он вскочил на ноги, на весь дом прогремел звонок входной двери. Неслыханный в этот час и в такой вечер звук дошел даже до сознания миссис Лэнгриш – или так показалось Рейнгарду, хотя ее внимание, возможно, было привлечено его собст-

* Разъятые части (лат.).

венным испуганным движением; так или иначе, ее безмятежное лицо впервые за вечер заметно оживилось. Мать и сын мгновение смотрели друг на друга, встретившись взглядами во внезапной общности опасения. Рейнард несколько секунд стоял недвижно под фотографией отца; его охватило необъяснимое искушение не отвечать на призыв, притворившись перед матерью, что его вспугнул некий примерещившийся шум. И в тот же миг, острее, чем когда-либо, его поразило чувство грядущего колоссального разрушения: словно бы у него в мозгу зарождалось сейсмическое возмущение, некий природный катаклизм, которому он не в силах был сопротивляться. 15

Нетвердо, будто сама земля колебалась у него под ногами, он двинулся в коридор, включив по дороге свет. Когда он проходил через прихожую, снова раздался звонок, и к его раскатам прибавился громовой стук. С опаской, словно его действие было исполнено какого-то огромного, чреватого мировым потрясением смысла, он откинул щеколду входной двери...

И тут же отшатнулся, с трудом удержавшись от падения. В тот миг, когда он откинул щеколду, особо яростный порыв ветра обрушился на дом, и под его ударом дверь распахнулась с неудержимой силой. Натиск ворвавшегося воздуха был таким мощным, что ваза с дальями рухнула со столика в прихожей и циновка приподнялась над полом, словно в нее вселился некий демонический дух.

Свет пролился в открытый дверной проем и зажег внезапным блеском косые острые иглы дождя. На фоне этого сверкающего металлического занавеса высилась фигура молодого мужчины – в обрамлении узкого проема он казался огромным, непомерным: видение, вызванное из ночной пустыни. Его подпоясанный светлый макинтош влажно поблескивал, бусины дождя сияли в белокурых волосах, подобно бриллиантам, щеки светились ярким блеском омытых дождем осенних ягод.

Несколько секунд мужчины стояли, безмолвно глядя друг на друга. Затем, внезапно овладев собой, Рейнард отступил назад.

– Заходите, не стойте под дождем, – пригласил он.

16 Незнакомец в конечном счете оказался не демоническим видением, а вполне обычным молодым человеком. И все же первое впечатление отчего-то не покидало Рейнарда, и он ощущал странную экзальтацию, смешанную со смутным безотчетным страхом. Этот человек, подумалось ему, наделен властью; какой именно, он угадать не мог, но все же был уверен в точности своего впечатления.

Мужчина шагнул вперед.

– Э-э, простите меня ради Бога, – произнес он с запинкой, дружелюбно улыбнувшись. – По-моему, я заблудился.

Рейнард снова встретился с ним взглядом: эти глаза отличались необычайной глубиной и блеском и, казалось, отражали всю пустынную темноту и влажность ночи.

– У меня тут машина на улице, – сказал посетитель. – Я ехал из Глэмбера, завернул в Стеллинг Миннис повидаться с одним парнем и, похоже, проскочил свою дорогу. Знаете старый «Пес» в Клэмберкрауне? Я, наверное, на том перекрестке не туда свернул... Мне, собственно, надо в Ларчестер – я там должен быть в половине восьмого.

– Времени у вас полно, – уверил его Рейнард слегка нетвердым голосом. – Заходите.

– Понимаете, мне ужасно неудобно к вам врываться... Но здесь, похоже, свет только у вас и горит – в этом местечке, как видно, рано ложатся. Как оно, кстати, называется?

– Прайорсхолт. Отсюда до Ларчестера всего мили три – дорогу я вам могу показать. А там добраться уже легко. Зайдите на пару минут, погрейтесь.

– Правда, мне в самом деле неудобно...

– Заходите же, – настойчивость Рейнарда удивила его самого. Ему вдруг показалось важным познакомиться с пришельцем. – Давайте я вам помогу снять плащ, – добавил он гостеприимно.

Он помог молодому человеку освободиться от промокшего макинтоша, и на миг их взгляды встретились вновь. И тут их осенило взаимное узнавание.

– Да вы же мистер... то есть капитан Арчер, – воскликнул, запнувшись, Рейнард.

– Да, моя фамилия Арчер – Рой Арчер. Я вас где-то видел, только не помню где... 17

– Я работаю в «Юнайтед Мидленд», в Глэмбере, – пояснил Рейнард.

– А, конечно – я вас узнал в лицо, как только вы мне открыли. Извините, не знаю, как вас зовут.

Рейнард сообщил.

– Ах да, Лэнгриш, – тихо проговорил тот, устремив на Рейнарда странно испытующий взгляд. Его следующие слова прозвучали столь неожиданно, что Рейнард показалось, что он ослышался:

– Я ждал, что мы когда-нибудь столкнемся.

– Ждали? – эхом откликнулся изумленный Рейнард.

– Ну, в общем... – Голос Арчера зазвучал вдруг неопределенно; он издал мягкий дружелюбный смешок. – Никогда не знаешь наверняка, – прибавил он без особого смысла. Но Рейнард уже уловил замешательство, промелькнувшее в его взгляде, словно те слова вырвались у него ненароком.

Рейнард провел его в гостиную и быстро объяснил матери, что случилось, говоря на низких тонах, которые ей легче всего было понимать. Он представил их друг другу: Рой Арчер приветствовал хозяйку с тактом и выдержкой, однако миссис Лэнгриш, с непредсказуемостью очень глухого человека, уже погрузилась в одно из тех состояний, в котором казалась более, чем обычно, отрезанной от внешнего мира, и, похоже, едва осознавала присутствие посетителя.

– Мама совсем ничего не слышит, – объяснил Рейнард, – но не надо напрягаться и кричать – лучше всего она читает по губам.

Подойдя к буфету, он достал бутылку хереса (хранимого для торжественных случаев) и три бокала. Наливая вино, заметил, что руки дрожат. Его не покидало необычное чувство экзальтации, вызванное появлением Роя Арчера; кроме того, он сознавал, хотя и повторял себе, что это абсурд, некое присутствие опасности, таящейся в их встрече, – опасности неопределимой и все же странно волнующей.

– О, страшно признателен, – воскликнул посетитель, когда Рейнард протянул ему херес. – Ночка сегодня ненастная – меня чуть в кювет не сдуло на холмах. Знаете тот кусок дороги у Римского Лагеря?

Рейнард кивнул.

– Там ураган задувает изо всех сил – старый автобус чуть было не опрокинулся. Напрасно я там поехал – хотя эту часть дороги я знаю отлично.

– Лагерь вообще-то не римский, – сказал Рейнард, чтобы как-то поддержать разговор.

– Да, я знаю. Но так его называют. Может, он датский или саксонский.

– Британский, – возразил Рейнард.

Собеседник встретился с ним взглядом.

– Интересуетесь такими вещами?

– Да, я этим немного занимался, – признался Рейнард.

Арчер обернулся к хозяйке, и, пока он с ней говорил, Рейнард изучал его с пристальным интересом. Высокий, атлетического сложения, гость явно был очень силен, хотя мягкие его движения и сдержанные манеры как будто нарочно это скрывали. Та же потаенная телесная сила отражалась и в его чертах: на вытянутом, довольно хищном лице сохранялась не слишком подобающая ему мягкость. Вот и сейчас на губах под короткими белокурыми усами играла чуть ли не по-женски милая улыбка;

однако создавалось впечатление, что тем же самым губам, при иных обстоятельствах, вполне достанет и твердости, и решимости. Его волосы, все еще блестящие каплями дождя, выглядели примечательно: светло-соломенные и слегка вьющиеся, они были очень коротко подстрижены и разделены прямым пробором.

Вскоре Арчер поднялся, собираясь уходить.

– Теперь мы чаще будем видеться, – заметил он спокойно, точно констатируя очевидный и бесспорный факт. 19

И вновь на Рейнарда накатило странное волнение, уже испытанное в момент появления Арчера.

– Жаль, что вам надо идти, – сказал он.

– Это да – дело в том, что я обещал заглянуть на турнир по боксу – кое-кто из нашего полка будет драться. Не знаю, заинтересуетесь вы этим или нет, но один из них – Спайк МанDEVИЛЛ, наш классный тяжеловес – боксирует отлично, на него-то уж точно стоит посмотреть... Ого! – оборвал он себя, вдруг заметив фотографию отца Рейнарда. – Послушайте, не сочтите за дерзость – он вам, случайно, не родственник?

– Это мой отец.

– Господи, ну да – я ведь помню его с тех пор, как поступил в полк. Он, конечно, давно уже в отставке, но с нынешним полковником они были друзья, это факт, и мы его не раз видали.

Он повернулся к миссис Лэнгриш и, как мог, повторил ей только что сказанное. Затем, снова обернувшись к Рейнаpду, дружелюбно ему улыбнулся.

– Ну конечно, – пробормотал он, – поэтому-то командир так хотел, чтобы мы – то есть я... – Он внезапно умолк, и Рейнаpд снова, озадачившись, уловил тень смущения на его лице, будто последние слова были оплошностью. – Ну что же, – сказал он с неожиданным воодушевлением, – не буду вас задерживать. Вы меня не проводите до дверей?..

– Если хотите, я с вами немного проеду и покажу дорогу.

– Да нет, что вы, не стоит.

– Я правда готов, – настоял Рейнард. – Все равно я выхожу воздухом подышать примерно в это время. И лить перестало, судя по звуку.

– Ну что ж, спасибо за выручку. Я полагаю... – он сделал паузу и устремил на Рейнарда пристальный взгляд блестящих глаз, темных, как дождь. – Я полагаю, ты не против сгонять в город и посмотреть на бокс?

У Рейнарда забилося сердце; его вдруг охватило необъяснимое счастье. Он встретился взглядом с новым приятелем и безмолвно согласился.

– Если ты уверен, что с мамой все будет в порядке, – спокойно сказал Арчер.

Склонившись над материнским креслом, Рейнард быстро объяснил, что уйдет на час-другой и попросил его не дожидаться. Миссис Лэнгриш безмятежно кивнула: она не была нервной и привыкла оставаться одна.

Мужчины вышли из дома. Снаружи ветер утих и шел тихий дождик. В низине залаяла собака, и издаleка, откуда-то со стороны Глэмбера, еле слышно донесся звук горна.

Рейнард прислушался к нему с некоторым удивлением.

– Впервые слышу оттуда горн, – заметил он.

– Да? – переспросил Арчер, придерживая для него дверцу машины.

– Глэмбер ведь далеко – горн оттуда вряд ли услышишь.

– Откуда ты знаешь, что это из Глэмбера?

– Ну, ближе солдат здесь нет, насколько я знаю.

– Надо думать, ты прав, – как-то вдруг сразу согласился Рой. – Ну неважно. Залезай – а то мы уже опаздываем.

3

НЕ ОТМЕЧЕН НА ПОДРОБНОЙ КАРТЕ

Турнир по боксу проходил в Военном манеже городка. Рейнард с приятелем заняли места у арены: когда они пришли, матч уже начался, но Арчер заверил его, что самое интересное еще впереди. 21

Происходившее было Рейнард у новинку: на боксерские матчи он, в общем-то, не ходил и знал о них очень мало. Вскоре, однако, зрелище полностью его захватило. Обнаженные фигуры под сверкающими лампами наступали и отступали, сцепляясь, делая обманные выпады, нанося внезапные удары; они то застывали неподвижно, как статуи, то вдруг впадали в буйство. Толпа подбадривала их криками, воздух все больше густел от дыма; Рейнард у казалось, что бой становится яростней с каждой схваткой. Вместе с возбуждением толпы росло его собственное; если бы ему пришлось в голову задуматься над этим, он вряд ли узнал бы в себе того Рейнарда Лэнгриша, который всего несколько часов назад, тем же самым вечером, мучился боязнью «распада» или потери того, что считал своей «индивидуальностью»...

В один из коротких перерывов он повернулся к Арчеру, охваченный внезапной признательностью.

– Здорово, что ты меня сюда привез, – сказал он.

– Рад стараться, – ответил Арчер, дружески усмехнувшись.

Оглядывая переполненный зал, Рейнард проникся необычным ощущением того, что теснящуюся здесь публику связывают какие-то глубинные и неназванные

узы, которые он не мог определить – казалось, это было нечто иное, чем просто интерес к боксу. Он сообщил об этом впечатлении своему спутнику – тот бросил на него быстрый взгляд и улыбнулся.

– Ты сегодня кой-чему научился, а? – усмехнувшись, сказал он. Затем – следующий поединок должен был вот-вот начаться – отвернулся к арене, уже не впервые за этот вечер оставив Рейнарда в легком недоумении.

22 Настал черед выступать Спайку МанDEVИЛЛУ, парню из полка Арчера. Ему предстояло драться со знаменитым местным тяжеловесом – схватка обещала стать гвоздем программы.

Спайк МанDEVИЛЛ оказался плотным, очень мускулистым мужчиной лет тридцати, с рыжеватыми волосами, красным лицом и малость щербатым ртом. Он выглядел типичным профессиональным боксером старой школы. Его противник с одного из местных угольных рудников был выше ростом, не так мощно сложен, смугл и темноволос.

В первом раунде оба боксировали осторожно; шахтер, казалось, нервничал. Во втором раунде солдат пошел в атаку, нанеся противнику серию точных ударов. Это наконец-то подхлестнуло шахтера – он неистово начал третий раунд, и на гладкой белой коже солдата вскоре запылали красные пятна. Лицо Спайка походило на лишенную выражения маску – он выжидал.

– Погоди немного, – пробормотал Арчер сквозь зубы. – Вот сейчас он как выдаст свой хук левой... Ну что я говорил! Ух, молодчина! Нет, ты глать! Нокаут! Все, ему крышка!

Толпа ревела; рука рефери, словно цеп, отбивала счет: пять, шесть, семь... Шахтер поднялся на ноги, лицо у него было в крови, тусклые темные волосы свисали на глаза. С яростным отчаянием ринувшись в атаку, он пробил защиту солдата и пару раз ударил Спайка по голове. Однако было ясно, что шахтеру конец – дело

быстро двигалось к развязке. Спайк будто играл с ним, как кошка с мышкой: представление продолжалось почти до конца раунда, когда внезапно, словно устав от своей забавы, солдат впечатал прямой удар левой в подбородок шахтера. Толпа взревела; шахтер снова лежал распростершись на полу, грудь его вздымалась, а темные спутанные волосы покрывали лицо в синяках и крови. Рефери отбил похоронный такт; Спайк встал перед толпой, подняв руку. Глядя на него, Рейнард со странным чувством отметил чем-то значимую деталь – татуировку на его предплечье: красно-синяя змея обвилась вокруг обнаженного меча.

23

После бокса Арчер предложил зайти выпить в паб неподалеку.

Непривычно взбудораженный зрелищем, Рейнард вскоре обнаружил, что пиво ударило ему в голову. За последнее время он отвык от алкоголя, да, возможно, и нервное напряжение предшествующих недель подорвало его силы. Во всяком случае, оказалось, что к новому своему приятелю он обращается с непринужденностью, удивившей его самого. Он уже несколько раз успел поблагодарить Роя – которого теперь называл по имени – за его любезное приглашение, и как раз повторял это снова.

– Рад, что тебе понравилось, – ответил Рой по обыкновению спокойно. – Надеюсь, не в последний раз... Сдается мне, – переменял он тон, – сдается мне, ты ведь служил – в войну, я имею в виду?

Рейнард согласно кивнул.

– В армии?

– В армии, а то как же. Я был в Н-ском полку. Понимаешь, я... я был солдатом. Не в офицерском составе.

Рой кивнул.

– Да, понимаю, – негромко проговорил он. – Я хочу сказать, – он располагаясь улыбнулся, – ну, ты понимаешь, что я хочу сказать. От офицерства, вообще-то, одна морoka.

Снова озадачившись реакцией Роя и осмелев от выпитого пива, Рейнард решился отважиться и спросить кое-что напрямую.

– Хотелось бы мне знать, – сказал он, – что ты тогда имел в виду – перед тем как мы вышли из дома?

– Да? А что я сказал? – Рой улыбался так простодушно, что выглядел чуть ли не дурачком. – Надеюсь, ничего обидного?

24 – Нет, ты что-то такое сказал – о командире – о том, что ты и я...

– Да? Ну, по крайней мере, никакого криминала. Но что *именно* я сказал? Хоть убей, не припомню.

– Что-то о командире, который говорил, что ты и я... – Рейнард в замешательстве умолк: странное замечание Роя не давало ему покоя весь вечер – уже не раз он пытался собраться с мужеством, чтобы спросить, что тот имел в виду, а теперь, в нужный момент, память начисто ему отказала. Бесполезно было ломать голову: загадочные слова Роя от него ускользали. Может быть, в конечном итоге, тот и вовсе их не произносил; возможно, он сказал что-нибудь вполне обычное, а Рейнард его совсем не так понял...

Сознавая, что Рой может счесть его поведение глупым, он помотал головой и вдруг рассмеялся.

– Черт побери, и я не помню, – сказал он.

Рой фыркнул.

– Ну тогда не особо важно и было. – По-прежнему улыбаясь, он, однако, смотрел на Рейнарда необычайно внимательно. Чуть погодя он перевел взгляд, и, глянув в ту же сторону, Рейнард увидел, что Рой разглядывает мужчину, только что подошедшего к стойке. Тот был без пиджака, и руки его покрывала замысловатая татуировка.

– Никогда не пробовал? – внезапно спросил вполголоса Рой.

Рейнард вздрогнул.

– Что не пробовал? – переспросил он.

Рой кивнул на мужчину у стойки.

– Татуировку – вон как у того парня, – пояснил он.

– Вот еще. Зачем это мне? – Произнеся эти слова, Рейнард вдруг с особой ясностью вспомнил знак на руке боксера Спайка Мандевилла, замеченный им в конце схватки: змею, обвившую меч.

– Ну, не знаю – у многих ребят она есть. – Рой на миг умолк, затем небрежно обронил: – Снова записаться не думал?

25

– В армию? Вот уж точно не думал. – Рейнард сознавал, что голос его звучит слишком громко: пиво, без сомнения, ударило ему в голову – следовало быть осмотрительней.

– Ну знаешь, бывают вещи и похуже, – сказал Рой.

– Но меня тогда комиссовали, – пояснил Рейнард. – У меня был ревматизм.

– Да, я знаю... то есть понимаю; могу себе представить – но теперь-то ты снова в форме, так ведь?

– Э, ну, наверно, да – вообще-то, скорее в форме.

Рой заказал еще по пинте.

– Я так напьюсь! – воскликнул Рейнард, с неловкостью сознавая, что говорит громче, чем следует.

– Иногда можно, это не смертельно, – Рой заплатил за пиво и протянул Рейнарду стакан. – Но придется, знаешь ли, заняться твоей физподготовкой, если ты к нам вернешься, – сказал он вдруг серьезно.

Рейнард уставился на него в изумлении.

– Да не собираюсь я возвращаться! – воскликнул он почти сердито, во власти внезапного раздражения.

Рой рассмеялся.

– Ладно, старина – не злись. Я только хотел сказать – ну, в общем, ты знаешь, – и его худое хищное лицо снова расцвело любезной улыбкой.

– Не знаю – понятия не имею, к чему ты клонишь, – отрезал Рейнард. Озадаченный и раздраженный поведением Роя, он рассеянно гадал, в чем тут дело: гово-

рил ли тот всего лишь бессвязную чушь, или же его слова имели какой-то скрытый смысл?

– Я хочу сказать, – продолжал ходить вокруг да около Рой, – мне просто в голову пришло, что служба тебе ведь, наверное, по душе, и – в общем, дело в том...

26 – Но я не... – снова начал Рейнард и замолчал: в бар вошел молодой мужчина и громко приветствовал Роя. Их с Рейнардом наскоро представили друг другу – слишком уж наскоро для Рейнарда, не расслышавшего, как того зовут, но он решил – как оказалось, правильно – что молодой мужчина – младший офицер из полка Роя. Тот тоже был на турнире по боксу, и на несколько минут разговор стал узкоспециальным. Рейнард, которого пиво привело в состояние мирной терпимости, молча слушал. Молодой офицер был низким коренастым мужчиной с твердыми, довольно суровыми чертами лица и черными усами. Рейнард заметил, что его темные волосы были, как и у Арчера, разделены прямым пробором: необычное совпадение для нынешних времен, когда такая прическа в общем-то вышла из моды. Вскоре разговор переключился на армейские дела: Рейнард, слушавший без особого интереса, уловил упоминания о какой-то учебной операции и заметил, что Рой (уже второй раз за вечер) сослался на «Пса» в Клэмберкрауне – давно заброшенный паб в сельской глуши за Прайорсхолтом. Какой-то отряд, похоже, разместили там на время интенсивных учений... Необычное название пробудило у Рейнарда смутное воспоминание детства: он припомнил, как неоднократно пытался найти это место, всякий раз дни напролет бродя по пустынным, поросшим лесом холмам, – увы, безуспешно. Уже в то время постоянным двором, именуемым «Пес», давно никто не заправлял, а название Клэмберкраун было, пожалуй, самым неясным из возможных указаний, обозначая не что-либо определенное, вроде деревни или села, а всего лишь некий участок лесистой местности, без установленных границ, не отмеченный на подробной карте. Рейнарду

показалось странным, что «Пес» в Клэмберкрауне служит теперь ориентиром для армейских маневров.

В пабе было накурено и душно, и Рейнард почувствовал, что явно напился; до него дошло, что оба офицера к нему обращаются, однако он потерял нить разговора и отвечал «да» и «нет» с видом напускного понимания, который, как ему казалось, вряд ли кого-либо мог обмануть.

Однако Роя и его приятеля эти ответы, похоже, вполне устроили.

– Ну и прекрасно, – воскликнул темноволосый молодой офицер. – Значит, скоро увидимся.

Предполагая, что, должно быть, принял какое-то приглашение, не уяснив, в чем дело, Рейнард сильно покраснел и, чтобы скрыть смущение, ретировался в уборную. Когда он вернулся, темноволосый уже ушел, и вскоре Рой сказал, что пора собираться обратно. К тому времени пиво нагнало на Рейнарда сонливость, и по дороге домой, в машине, он впал в полудрему. Тогда он этого не осознавал, но на следующий день только так смог объяснить навязчивое странное воспоминание – замечание, сделанное Роем в тот самый момент, когда машина остановилась у ворот материнского дома: «Надо будет решить насчет начала твоих тренировок». Он предположил, что, должно быть, задремал перед тем, как машина затормозила, и абсурдные слова были частью какого-то короткого, увечного сна.

– До скорого, – сказал на прощание Рой. По тону его было понятно, что это не просто светская вежливость: он и правда говорил искренне. – Я зайду в банк – может быть, завтра, – добавил он, отъезжая.

Рейнард послушал, как затихает шум мотора, пока его приятель ехал вверх по холму и затем прочь, к Глэмберу. В тишине, последовавшей за последним слабым отзвуком, он вдруг услышал еще кое-что: отдаленную пульсацию самолетного мотора, далеко к юго-востоку – там, где за лесистыми холмами лежала загадочная местность под названием Клэмберкраун.

КАК ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ

- 28 На следующее утро Рейнард проснулся в отличном настроении. Объяснить это ощущение было трудно: случайный знакомый взял его на турнир по боксу – едва ли такое событие могло изменить ход его жизни; и все же, если бы он влюбился или унаследовал состояние, настроение его вряд ли могло быть намного лучше.

После ночного дождя утро было чудесным; поездка на автобусе в Глэмбер, через высокое холмистое плоскогорье, на сей раз доставила Рейнарду вполне осознанное удовольствие. В банке он работал усердно и необычайно эффективно. По натуре он был не в ладах с цифрами, и в обычный день работа стоила ему гораздо больших усилий, чем большинству коллег; он был напрочь лишен той умственной гладкости, что составляет главное достоинство клерка, и ему приходилось проверять и перепроверять каждую операцию с тяжелой медлительностью, за что его нередко удостоивали презрения. Однако этим утром работа у него, что называется, спорилась. К тому же он почувствовал необычный прилив расположения к своим сотрудникам, с которыми, в целом, отношения у него были довольно прохладные: он имел с ними мало общего вне работы и не выносил того замысловатого снобизма, что отличал их отношения друг с другом. В особенности Рейнард невзлюбил одного из них – претенциозного юнца по фамилии Гарнетт: во время войны тот дослужился до офицера в военно-воздушных силах и

имел склонность подражать манерам «джентльмена» (или, скорее, бессознательно их пародировать). Сегодня, впрочем, даже молодой Гарнетт казался ему сносным напарником, и Рейнард удивил его (как, впрочем, и себя), предложив пообедать вместе в «Чайной Шэмрок» – дешевом ресторанчике, облюбованном персоналом банка.

После обеда Рейнард стал со все возрастающим нетерпением поглядывать, не появится ли Рой Арчер. Он был абсолютно уверен, что его новый приятель 29
зайдет в банк сегодня, хотя, на самом деле, определено Рой этого не обещал. До без десяти трех он все ждал; и только когда двери банка наконец закрылись, неохотно вынудил себя признать, что Рой уже не придет. Он почувствовал горькое разочарование – и все же затруднился бы объяснить, отчего это было для него столь важно. Казалось нелепым, что случайный знакомый за одну ночь приобрел в его жизни такое значение, – и все же это было так. Поездка в Ларчестер уже окуталась в сознании Рейнарда налетом романтической ностальгии, хотя, коли уж на то пошло, припомнить о ней он мог совсем немного. Под конец вчерашнего вечера он, без сомнения, был довольно пьян – обстоятельство, о котором он не без некоторой пижонской гордости поведал Тэду Гарнетту. Пиво – непривычное для него удовольствие – было, возможно, ответственным за тот романтический ореол, которым он наградил Роя Арчера; и, безусловно, именно воздействием пива объяснялись некоторые нестыковки, все еще смущавшие его сознание. Кое-какие мелкие детали отказывались логически вписываться в ту схему вечера, которую он помнил: к примеру, какое-то странное замечание, которое Рой сделал про своего полковника да так толком и не объяснил, – по правде говоря, таких замечаний было несколько; был еще тот эпизод с загадочным сигналом горна – конечно, ничего существенного, но (поскольку в пределах слышимости Пра-

йорсхолта казарм не имелось) все это озадачивало и слегка тревожило Рейнарда, склонного излишне беспокоиться из-за подобных пустяков.

30 Даже и после закрытия банка Рейnard пару раз с надеждой глянул в окно, на тот случай, если Рой вдруг придет с опозданием. Благодаря тщательности, с которой он сегодня выполнил свою работу, и тому факту, что дела в последнее время шли более вяло, чем обычно, он смог уйти из банка сравнительно рано. Ближе к вечеру, в автобусе, его вдруг охватила непривычная жажда деятельности, и, вернувшись домой примерно за час до ужина, он прошел в сад. Там он обнаружил, что на пятачке, где они обычно жгли костры, скопилась большая куча осеннего мусора: обрезанные ветки розовых кустов, сухие растения с клумб, забракованные овощи и картонные коробки. Повинуясь внезапному импульсу, он направился к сарайчику с инструментами, взял грабли и лопату, несколько старых газет и жестянку с керосином. Потом, вернувшись к куче мусора, выкопал крест-накрест две неглубокие канавки, насыпал в их центр обрывки бумаги и неплотно навалил сверху мусор посуше – коробки и ветки. Побрызгал на эту грудку керосином и бросил в середину зажженную спичку. Взметнулось пламя: сухой мусор вспыхнул с веселым треском; по мере того как костер прогорал, Рейnard понемногу добавлял топливо посырее, и в неподвижном воздухе вырастал столб густого белого дыма.

Вечер, безветренный и погожий, плавно перешел в сумерки; в наступающей темноте языки пламени, то и дело вздымавшиеся вверх, сияли все ярче. На лугу позади сада, под бронзовой сенью огромного каштана, с мычанием прошло стадо, направляясь на соседнюю ферму; в небе, как листья на ветру, кружили грачи – угольно-черные в тающем бледном свете. Аккуратно подкармливая пламя и почти что с жадным нетерпением ожидая следующего огненного столба, Рейnard

ощутил, как его наполняет необычайное счастье. Вот уже много недель он не разводил костра и не занимался другими простыми делами по хозяйству, которые некогда выполнял регулярно. Сегодня вечером ему казалось, что костер, более чем когда-либо на его памяти, дарит ему чувство особенного удовлетворения: будто он совершал некий личный ритуал, необходимое для его образа жизни действие, слишком давно им заброшенное или позабытое.

Пламя взметнулось выше; от его жара и теплого воздуха Рейнард вспотел – он снял пальто, затем галстук и расстегнул рубашку. Прикосновение его собственной теплой и обнаженной плоти показалось ему странно чуждым: это было напоминание о жизни тела, в последние месяцы почти не игравшего роли в его существовании. Вышагивая взад и вперед у костра, сгребая мусор в кучу, он проникся новым ощущением чисто физического благополучия и почувствовал сожаление (хоть уже и достаточно проголодался), услышав, что мать зовет его ужинать. 31

Он быстро умылся холодной водой и, сев за стол, принялся за еду с охотой, чего с ним в последнее время не случалось. Мать отметила это с удовольствием и предложила ему добавки. Он почувствовал себя еще лучше и после ужина закурил сигарету, слабо надеясь, что сможет вновь насладиться ее ароматом. Сигарета, однако, оказалась по обыкновению безвкусной, и он испытал мимолетное разочарование. Способность ощущать вкус табака превратилась для него в последнее время в своеобразный показатель самочувствия: возвращение аромата значило бы, что он наконец оправился от своего недомогания.

Сигарета не принесла ему удовлетворения; однако этим вечером он почувствовал большую, чем прежде, уверенность в том, что его «выздоровление» уже не за горами. К тому же, эта убежденность помогла ему свести к минимуму и другое разочарование – то, что Рой

Арчер не пришел в банк. В конце концов, Рой и не обещал зайти определенно; он, несомненно, появится завтра или через день.

32 Закончив ужинать, Рейнард вернулся к костру и какое-то время продолжал поддерживать огонь, пока не сжег всю кучу. Он задержался в саду, глядя на угасающее пламя и прислушиваясь к слабым ночным отголоскам: лаю собаки, далекому свистку поезда, грому ханию глэмберского автобуса по шоссе. Внезапно, в промежутке полной тишины, он уловил отличный от других звук: тот доносился не от Глэмбера, как можно было ожидать, а с противоположной стороны – необъяснимый, покрытый тайной: слабый, далекий сигнал горна, играющего отбой.

5

МЕЖДУ НЕБОМ И МОРЕМ

Прошел еще день и еще, а Рой Арчер в банке так и не появлялся. Может быть, думал Рейнард, его обещание было, в конечном итоге, не более чем данью обычной вежливости; однако до конца ему в это не верилось, а поскольку Рой имел в банке счет, то должен был рано или поздно зайти. 33

Наконец, четыре дня спустя после своего визита в Прайорсхолт, Рой объявился – неторопливо вошел в банк за десять минут до закрытия, когда Рейнард его уже и не ждал. Он никак не показал, что узнал Рейнарда, и прямоком направился в другое отделение, где им занялся Тэд Гарнетт; когда двери закрылись, они все еще беседовали. Сдерживая нетерпение, Рейнард ждал, пока закончится разговор с Гарнеттом: он был уверен, что Рой по пути к выходу остановится, чтобы поболтать с ним и, быть может, договориться о встрече на вечер. Но, к его изумлению, Рой сразу же вышел из банка, даже не обернувшись в его сторону.

Первым побуждением Рейнарда было кинуться вдогонку приятелю и потребовать объяснений; вторым – тут же выяснить у Тэда Гарнетта, не оставил ли Рой для него сообщения. В действительности он не сделал ни того, ни другого: к нему как раз подошла клиентка, и ему пришлось на несколько минут сосредоточиться на деле, а к тому времени, как посетительница – вездливая дамочка из мещан – наконец ушла, он обнаружил, что его первое возмущение утихло. Им овладела уверенность в том, что странному поведению приятеля

34 должно быть какое-то объяснение; он также не мог заставить себя поверить (хоть эта унижительная мысль и пришла ему в голову), что Рой проигнорировал его из чистого снобизма. Если бы Рой принадлежал к иному классу, он, вероятно, мог бы счесть Тэда Гарнетта (из-за его офицерского чина, полученного на войне) более подходящим для публичного общения, чем Рейнард, однако Рой совершенно точно не был способен на такое мелкобуржуазное предубеждение. Наверняка, думал Рейнард, они вскоре встретятся снова, и тогда мнимое отступничество приятеля получит достойное объяснение... А пока он поспешил доделать свою работу, чтобы пораньше успеть домой: он хотел перекопать одну из заросших травой клумб в саду.

Часом позже, идя по Хай-стрит к мэрии, где он обычно садился на автобус, Рейнард уже почти забыл о визите Роя. Тем больше было его удивление, когда знакомый голос окликнул его из машины, стоявшей у тротуара.

– Ну наконец-то – а я тебя жду, – воскликнул Рой. – Залезай, поехали перекусим.

– Я... мне домой надо – правда, – запинаясь, выговорил Рейнард, от удивления утратив связность речи.

– Ничего, я тебя потом довезу. Залезай и не спорь, – велел Рой с добродушной угрозой.

Рейнард без дальнейших возражений повиновался, в глубине души со смутной униженностью сознавая, что эта скорая уступчивость осталась в нем от солдатской выучки. Когда машина тронулась с места, он готов был спросить своего приятеля о причине странного поведения в банке, но его удержала внезапная деликатность: если у Роя имелась причина (а она, несомненно, имелась) его проигнорировать Рейнарда, весьма вероятно, что она не из тех, которые тот желал обсуждать.

Рой молча вел машину по узким улочкам за мэрией и затем вверх по крутому склону холма к вершинам утесов.

– Куда мы едем? – спросил Рейнард.

– Я подумал, можно перекусить в «Храбром солдате», – объяснил Рой. – Потом можем там чего-нибудь выпить, и я тебя отвезу домой. Бензина у меня полно*, – добавил он с усмешкой. – Они, как видно, думают, что моя задача вполне того стоит.

«Храбрый солдат» был маленьким постоянным двором, уединенно расположенным на вершине утеса. За ним, вглубь материка, тянулись к Прайорсхолту и Ларчестеру высокие меловые холмы; внизу, раскинувшись как попало в воронке долины, лежал Глэмбер, затянутый дымом и туманом с моря. Напротив, в долине, с другой стороны городка, тяжело нависали над узкими улочками мрачные серые казармы; время от времени в спокойном вечернем воздухе переливался еле слышимый сигнал горна.

35

В маленькой гостинице «Солдата» еду им подала неопрятная женщина; лицо ее было обезображено багровым родимым пятном огромной величины, и заказ у них она приняла молча, словно их присутствие было ей не совсем по нраву. Рейнард уловил ее враждебность и, когда она от них отошла, сказал об этом Рою.

– О, это неплохое местечко, – заметил Рой, – и Матушка Тэнтрип на самом деле ничего. Я довольно часто здесь бываю, это удобно для... – Он оборвал себя, ухмыльнулся и сказал:

– Бери еще тостов.

Пока они ели, наступили сумерки; потом они вышли в садик сзади паба, чтобы, как предложил Рой, дожждаться там открытия бара. Садик тянулся до кромки утеса, и от пропасти его отделяла всего лишь ненадежная ограда. Все здесь показалось Рейнарду каким-то неустойчивым: маленький мирок, зыбко повисший между морем и небом, не имеющий прочных корней в земной тверди. В это время года мало

* Нормирование бензина в Великобритании продлилось с 1939 по 1950 гг.

кто заглядывал в паб перекусить, и у садика был жалкий, запущенный вид: на клумбах засыхало несколько вялых астр да к ограде прижался куст октябрин – приглушенные огоньки цветков слабо брезжили в гаснущем свете.

36 – Хорошая погода, – заметил Рой, с удовольствием вдыхая приятный воздух. Небо было безоблачным; под утесами лежало гладкое, как блюдо, море, окрашенное меркнувшими оттенками заката; чайки лихорадочно кружили внизу – их пронзительные крики приглушал далекий шепот волн. Несколько минут Рой стоял, безмолвно глядя на море; затем внезапно повернулся к Рейнарду.

– Так ты подумал насчет тренировок? – спросил он.

В сумраке лицо Роя виднелось неотчетливо и прозрачно; даже голос его на этой пустынной высоте над морем звучал, казалось, нечетко и бестелесно. Его неожиданные слова оставили у Рейнарда странное впечатление, будто они были не столько произнесены, сколько переданы телепатически в его собственное сознание. Он промолчал и, когда Рой чуть погодя повторил вопрос, от неожиданности вздрогнул.

– Что ты сказал? – неуверенно переспросил он.

– Насчет твоих тренировок. Ну, о которых мы тогда говорили в «Королевском Дубе».

– Но что за тренировки? О чем ты? Я не помню.

Рой фыркнул.

– Да помнишь ты – соберись. Я бы связался с тобой раньше, но мы сейчас все силы бросили на этот план, и времени для друзей у меня маловато. Кстати, продвигается все, скажу я тебе, просто отлично: у нас столько сверхсрочников из местных, что прямо не знаем, куда их и девать. В бараках ополчения мест не хватает, так что последний набор пришлось разместить в палатках. Приятного мало, но ребята не жалуются: большинству к походным условиям не привыкать, да и платят им, естественно, неплохо. К тому времени,

как ты прибудешь, у нас все уже должно маленько утрястись.

Все это Рой произнес с обычной своей деловой интонацией, но в речи его Рейнард уловил нотку растущего энтузиазма. В замешательстве он промолчал, и после паузы Рой продолжал, уже более откровенно и доверительно:

– Одна важная вещь: если хочешь на этот раз податься в офицеры, нужно тебе позаботиться об этом сразу. Пока что это несложно, но сам знаешь, как бывает: чем дальше, тем с начальством труднее. Слава богу, я свои офицерские курсы* прошел вовремя – тем ребятам, которые после меня были, ждать пришлось чертовски долго.

37

– Но я не понимаю, – вставил наконец Рейнард. – Я правда не понимаю, почему... – Он замолчал, не в силах выразить словами овладевшее им замешательство. Было ясно, что во время той их встречи Рой и его приятель, по всей вероятности, склонили его – возможно, что и хитростью – к некоему обещанию или уговору, которых он не помнил; быть может, виной тому было пиво. Ему очень смутно припомнился разговор об «учениях» – но какого рода учениях и в какой связи, он вспомнить не мог. Наверняка, решил он, это что-то по части территориальной армии.**

Между тем Рой снова принялся говорить с неприужденностью, которая, как казалось ошеломленному Рейнарду, подразумевала целый ряд невысказанных условий, ему, Рейнарду, предположительно уже из-

* Officer Cadet Training Unit – учебная воинская часть по подготовке офицеров (во время 2-й мировой войны).

** Территориальная армия Великобритании является резервом первой очереди сухопутных войск. В ее постоянный состав входят кадровые офицеры, инструкторы и другие лица, находящиеся на действительной службе. Основную массу приписного состава составляют лица, отслужившие по закону об обязательной воинской повинности двухгодичный срок в регулярных сухопутных войсках и зачисленные на 3,5 года в территориальную армию, а также добровольцы.

вестных. Сейчас Рой довольно подробно описывал саму программу учений: туда входил бег (длинная и короткая дистанция), рукопашный бой («это ты помнишь по войне»), поэтапный курс физических тренировок, строевой подготовки и плавания; не забыты были также борьба и бокс. («Бокс тебе будет в удовольствие – я бы даже мог устроить, чтобы Спайк Мандевилл тебя малость потренировал».) Слушая друга, просто и деловито излагавшего ему план, Рейnard почувствовал, как первоначальное его недоумение уступает место некой гипнотической убежденности в том, что он наконец-то постиг (или почти постиг), к чему клонит Рой. В школьные годы (о которых он до сих пор иногда вспоминал со стыдом) с ним бывали случаи, когда, неоднократно выслушав разъяснение какого-нибудь алгебраического уравнения, он убеждал себя, испуганно кривя душой, в том, что в итоге все понял, хотя на самом деле вопрос оставался для него столь же темным, как и прежде. И вот теперь опять, слушая разъяснения Роя по поводу «программы», он обнаружил, что одной лишь силой своего желания понять начинает действительно кое в чем разбираться (или же так ему казалось). Неотложная необходимость «тренировок» и эта идея записаться в какое-нибудь «территориальное» подразделение уже представлялись ему не пугающей загадкой, а вполне разумным и четким планом. И в самом деле, стоило ему преодолеть свое первоначальное недоверие, как он стал находить эту перспективу необычайно привлекательной. За последние несколько дней возродившаяся тяга к садоводству поразительно улучшила состояние его здоровья; быть может, ему как раз и требовалась эта магия тяжелых физических нагрузок; так или иначе, слушая в сгущающихся сумерках голос друга, он ощутил растущее желание узнать, когда же должна начаться «программа» и в какой день ему следует явиться за инструкциями.

Чуть погода, воспользовавшись паузой, он расспросил Роя о деталях.

– Я сам тебя потренирую первые несколько недель, – пообещал Рой. – Просто устроим тебе небольшую разминку – бег, спарринга чутков и всякое такое. Если хочешь, можем начать прямо завтра – я обычно в это время свободен. Могу забрать тебя у мэрии, как сегодня, – пару часов позанимаемся, а потом домой.

Почти совсем стемнело: моря уже было не видно, но городок под утесами ярко светился огнями. Вдалеке, по ту сторону бухты, маяк мерцал с одинокого мыса; на безоблачном темно-лиловом небе зажглись звезды, и месяц скользил в вышине над потемневшим проливом.

39

– Пора бы заглянуть к Матушке Тэнтрип и чего-нибудь выпить, – предложил Рой.

Они зашли в бар, теперь уже ярко освещенный, и Рой заказал две пинты горького. Здесь было еще несколько мужчин, по большей части молодых, тренированного вида – возможно, военные в штатском; Рой, похоже, их знал: он кивнул им запросто через бар.

– Не пожалеешь, точно тебе говорю, – сказал Рой. – Я о тренировках. Я, с тех пор как начал, форму набрал не поверишь как. Никто, конечно, не знает, сколько эта чрезвычайка продлится, но, так или иначе, все на пользу.

Рейнард заметил, что в речи приятеля уже не в первый раз промелькнуло слово «чрезвычайка»; сначала оно его озадачило, но он уже потерял охоту доискиваться значения терминов, которые употреблял Рой. Он предположил, что под «чрезвычайкой» Рой подразумевал просто общую ситуацию со времени войны; и в самом деле, официально «чрезвычайное положение» существовало до сих пор: никто его не отменял. Он ощутил мимолетную вину за свою неосведомленность в международных делах, вспомнив, как халтурно читал «Таймс», заголовки которой, даже когда он на них смотрел, будто расплывались бессмысленными

пятнами. Ему казалось, что «кризис» стал уже чем-то вроде перманентного состояния умов: его принимали, как принимают погоду или часы работы банков, не подвергая сомнению и не ожидая ничего иного.

За второй пинтой Рой стал еще доверительней. Он говорил понизив голос, почти заговорщицки; его глаза сверкали необычайным возбуждением.

40 – Между нами говоря, – шепотом сказал он, – очень похоже, что события назревают быстрее, чем думает большинство. Я тут общался недавно с парой «шишек» – они, конечно, ничего не говорят, но мы и между строчек читать умеем.

Рейнард, ставший, как обычно, от пива более восприимчивым и менее критичным, слушал с возрастающим интересом. Даже сейчас он не понимал всего того, на что намекал Рой в своей речи, однако полагал, что довольно хорошо представляет себе основные детали. Уже в тот вечер, когда его друг впервые появился в Прайорсхолте, Рейнард ощутил необычайную убежденность в авторитете Роя; тогда он, конечно, не ведал о природе этого авторитета, но даже в самую первую их встречу сердце его и так дало внутреннее согласие, обет верности, не требовавший для подтверждения никакой формальной клятвы.

– И я догадываюсь, – говорил Рой, – что те тоже укрепляются – не в открытую, конечно; официально это просто рутинная операция – но, судя по тому, что видно и слышно, похоже, что к Блэдбину и Клэмберкрауну стягивают крупные силы. Может, это, конечно, просто блеф, но кое-кто из наших ребят уверен, что те ничего хорошего не замышляют...

Захмелев со второй пинты, Рейнард почти не вникал в то, что говорил Рой; ему довольно было смотреть вблизи на лучащееся здоровьем, обветренное лицо, на темные заводи глаз и подвижные губы под короткими щетинистыми усами. Пришло время уходить. Они вышли из бара и направились к машине Роя; стоял

очень тихий вечер, шоссе почти вымерло, и крика чаек было не слышно. Рой сел в машину, не проронив ни слова, и Рейнард вслед за ним. Ему показалось, что он, должно быть, ошибся насчет местонахождения паба, так как до материнского дома они доехали необычайно быстро.

От настойчивого приглашения зайти чего-нибудь выпить Рой отказался вежливо, но твердо.

– Дел полно, – улыбнулся он. – Значит, не забудь – завтра вечером, в то же время на том же месте. Захвати шорты и – спортивная обувь у тебя есть? Отлично, ну тогда до встречи. Бывай!

41

Он завел машину и отъехал. Зайдя в дом, Рейнард подумал, что вернулся сегодня гораздо позже обычного, и виновато признался в этом матери. Однако миссис Лэнгриш восприняла его задержку с обычной безмятежностью; и действительно, когда он взглянул на часы в гостиной, то увидел, что еще вовсе не так поздно, как он вообразил. Он решил, что, должно быть, ушел из банка раньше, чем ему тогда показалось.

Ближе к ночи, перед сном, он ненадолго вышел в сад подышать воздухом. В тишине ему опять почудился далекий сигнал горна, и он припомнил, что Рой сказал что-то про «Блэдбин и Клэмберкраун». Тогда он оставил это замечание без внимания; теперь же вновь поймал себя на мысли, преследовавшей его уже несколько дней. Загадочный район, известный как Клэмберкраун, лежал за холмами к юго-востоку – и именно с той стороны, как ему казалось, доносились звуки горна. Рейнард безуспешно попытался вспомнить, что конкретно Рой сказал об этой местности; но он устал, выпил две пинты пива, и слова Роя – в чем бы они не состояли – совершенно изгладились из его памяти. И все же, пока он стоял в саду, напряженно вслушиваясь в темноту, ему на память пришел один случай, когда-то давно приключившийся с ним самим: он снова вспомнил дни раннего детства, когда исхаживал мили

по лесистым холмам в поисках заброшенного постоянного двора под названием «Пес». Он так его и не нашел – но как-то в жаркий августовский день, пробираясь сквозь плотные заросли, вдруг выбрался на поляну и увидел вокруг себя солдат. То был, как он потом узнал, пехотный батальон, вставший лагерем в этом уединенном месте для каких-то особых полевых учений... Испугавшись багровых, ухмыляющихся рож, он развернулся и бросился наутек по той же тропинке, по которой пришел, – вслед ему неся хохот и свист. Это происшествие так его поразило, что он на годы оставил поиски Клэмберкраунского «Пса»; когда же он перерос этот нелепый страх, то обнаружил, что и давняя его мечта найти постоянный двор тоже исчезла.

6

ДВОЙСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

На следующее утро Рейнард проснулся во власти странного и неотступного волнения, причину которого несколько минут не мог себе уяснить. Внезапно он вспомнил: сегодня ему предстояло начать «тренировки». 43

Его волнение было наполовину приятным, наполовину смешанным со страхом, и он испытывал некоторое облегчение от того, что, несмотря на свое обещание пройти курс, который его приятель неоднократно называл «переподготовкой», он пока что не связал себя обязательством определенно записаться по контракту. Он отчего-то посчитал невозможным рассказать обо всем матери и, прежде чем уйти в банк, предупредил ее, что он, вероятно, задержится на работе и ей не стоит ждать его с ужином. У него не было особых причин выдумывать эту отговорку, и он также мог бы обойтись и без объяснений, что армейская сумка ему понадобилась, чтобы отнести кое-какие бумаги, над которыми он работал дома, – на самом же деле в ней лежали футбольные шорты и парусиновые туфли для бега, оставшиеся у него от военного обмундирования. В «тренировочной программе» Рейнарда не было, безусловно, ничего предосудительного – и все же ему казалось необходимым держать это от матери в секрете: кроме всего прочего, это могло причинить ей «беспокойство» – она, возможно, вообразила бы, что не сегодня-завтра начнется война...

То, что его инстинктивная скрытность, похоже, была не напрасной, выяснилось, когда этим утром в банк

пришел Рой. На сей раз Тэд Гарнетт был занят с клиентом, и Рой направился прямо к отделению Рейнарда. Они обменялись вежливыми приветствиями; Рой протянул чек на десять фунтов и, пока Рейнард выдавал ему наличные, обронил несколько замечаний о погоде (она оставалась теплой и безоблачной), о новостях дня и о фильме в местном кинотеатре. Он как будто куда-то спешил и, сосчитав деньги, тут же собрался уходить. Помня о том, что они не назначили точного времени для вечерней встречи, Рейнард собрался с мужеством и окликнул Роя – довольно громко, так как тот уже отвернулся от стойки.

– Послушай, – позвал он вслед удаляющейся фигуре, – я забыл сказать – я, может быть, сегодня немного задержусь.

Рой повернулся кругом, обратив к Рейнарду лицо, на котором, кроме обычной благожелательности, читалось довольно бестолковое непонимание.

– Извини, приятель, это ты мне? – переспросил он. – Я что-то не расслышал...

Зная, что произнес свои слова совершенно отчетливо и к тому же опасаясь привлечь внимание коллег, Рейнард виновато опустил глаза.

– Нет-нет, прошу прощения, – чуть слышно проговорил он, – это я другому.

– А, тогда извини – я думал, ты со мной говоришь. – Он любезно улыбнулся и вышел из банка молодежливой походкой атлета.

Конечно, подумал Рейнард, можно было и догадаться, что Рой не захочет говорить в банке о «тренировочной программе». Глупо было упоминать о сегодняшней встрече: его друг, несомненно, приехал бы в обычное время и подождал бы его. В будущем ему надо будет делать вид, что Рой просто обычный клиент, с которым он никогда не общался (и не мог общаться) вне банка. Рой явно ожидал, что он и сам до этого додумается – и мысль о собственной неосмотрительности

мучила Рейнарда весь остаток дня, внушая ему несо-
размерное чувство вины.

Получилось так, что в этот раз Рейнард ушел из
банка несколько позже обычного. Он шел к мэрии,
в душе опасаясь (и в то же время надеясь, так как
нервничал из-за предстоящего испытания), что Рой
его не дождет. Однако машина стояла на том же
месте, и Рой встретил его приятной и довольно без-
личной улыбкой.

– Залезай, – окликнул он. – Время поджимает.

– Прости, что я так поздно, – извинился Рейнард. –
Я хотел тебя тогда предупредить... Долго ты ждал?

Рой покачал головой.

– Я сам только что приехал, – сказал он.

Рейнард забрался в машину, и они двинулись в том
же направлении, что и прежде, вверх по крутому скло-
ну холма к вершинам утесов и «Храброму солдату». Это
озадачило Рейнарда, ожидавшего, что его повезут
к казармам на западной окраине города; однако он
благоразумно хранил молчание, опасаясь, что Рою мо-
гут не понравиться лишние расспросы.

Рой молча миновал «Храброго солдата», затем по-
вернул прочь от моря по узкой меловой дороге, шед-
шей вверх по высокому изгибу холмов. Дорога сузи-
лась сильнее, стала проселочной и в конце концов
совсем исчезла у группы нежилых ниссеновских ба-
раков⁷. Не останавливаясь, Рой поехал напрямик по
неровному дерну, отчего машину сильно закачало и
затрясло; местность круче пошла в гору, затем выров-
нялась в широко расстилавшееся плато. Рейнард не-
ожиданно его узнал.

– Так это же Римский Лагерь, – воскликнул он.

7 Сборно-разборный барак полуцилиндрической формы из гоф-
рированного железа; во время первой мировой войны использовался
в качестве временной армейской казармы или хозяйственной по-
стройки; назван по имени автора конструкции – подполковника
П. Ниссена.

Рой удивленно повернулся к нему вполоборота.

– Конечно, – сказал он. – А ты как думал?

Он резко остановил машину на границе «лагеря» – тот представлял собой нечетко очерченную систему земляных укреплений, расположенных вокруг уплотненной центральной площадки.

– Он, конечно, такой же римский, как и я, – заметил Рой.

46 – Точно все равно никто не знает, – сказал Рейнард, в свое время изучивший местные археологические находки. – Лет тридцать назад тут кое-где покопали, только вот обнаружили не особо много. Кое-какую утварь из бронзы и что-то вроде амулета – он у них в Глэмберском музее.

Рой кивнул.

– Знаю, видел – змея и кинжал. Он вроде как «друидский», только это все, небось, чушь собачья. О друидах все равно никому ничего не известно... Уж каких только басен не услышишь.

У Рейнарда было странное впечатление, что Рой нарочно прикидывается невеждой и что его интерес к предмету гораздо больше, чем он хочет признать.

– Мне все же думается, что лагерь, в любом случае, точно доримский, – менторски заметил Рейнард, в душе сознавая, что слова эти были попыткой выиграть время и отдалить начало ожидавшего его испытания.

Рой, вероятно, об этом догадался: он вдруг сделал нетерпеливый жест.

– Пора за дело, – сказал он. – Вылезай. Для бега все взял? Отлично – тогда раздеваемся. Сейчас не холодно.

Под укрытием машины Рой быстро сбросил одежду и натянул шорты из хаки. Рейнард, не столь живо, последовал его примеру: вечер был достаточно погожий, но, отвыкнув за последнее время от такого закалывания, он ощутил, как его пробирает осенний холод. Рой, на своей стороне, уже шагал на месте, поднимая колени, и махал руками перед грудью. Его крупное те-

ло, хоть и крепко сложенное и мускулистое, было гладким и белым, как у ребенка; Рейнард с удивлением заметил у него на левом предплечье татуировку: офицерской касте это было несвойственно. В наступающей темноте рисунок был виден смутно, и Рейнард не мог разглядеть, что на нем изображено; в памяти у него зашевелилось смутное воспоминание о какой-то недавней встрече – он не мог припомнить где и с кем, – когда он видел похожий знак, и точно в таком же месте на левом предплечье.

47

– Готов? – нетерпеливо гаркнул Рой. – Тогда вперед – просто пробежимся вокруг площадки, чтобы ты размялся.

Он пустился бежать, размеренно и легко двигаясь маховым шагом; Рейнард, нагоняя его, попал в ногу, запыхавшись от непривычного усилия и слегка дрожа от ветра с моря, со всей силой обдувавшего его оголенное тело. Их пробежка шла вдоль границ мелового плато – области примерно в двадцать пять акров, огороженной поломанной проволочной оградой. За оградой местность наклонно спускалась к более ровным полям, в основном пахотным, – там кое-где виднелся кустарник и заросли буков. Чистое небо над головой казалось огромным – воздушный вакуум, под которым земля выглядела не более чем съежившимся островком, парящим среди пропастей пустоты. Расстояния исчезли в сгущающихся сумерках, обманчивый закатный свет скрыл или исказил знакомые ориентиры. Высоко в небе запоздалый жаворонок посвистывал неясно и прерывисто, словно непрочно привязанный к земле тонкой нитью своих трелей. Неземными казались и отзвуки горнов из далеких казарм, не видных за вершинами утесов. Все на этой глухой возвышенности казалось нереальным и бестелесным: звук сливался с видом, колыхавшиеся травы были воплощением самого ветра, деревья нависали над горизонтом, как облака. Рассеянно и без особого удивления Рейнард

48 осознал, что, кроме них, по высокому сумеречному плато бегут по кругу и другие люди. Их силуэты, безмолвные и сосредоточенные, двигались мимо; одни, видимо, были солдатами из казарм, другие, заключил Рейнард, возможно, как и он сам, просто добровольцами на предварительном этапе учений. Никто никого не приветствовал: было очевидно, что бегунов свело в этом труднодоступном месте не тривиальное желание пообщаться, а слитный порыв, чувство преданности некой высокой цели. Упорно и безмолвно, поодиночке и парами, пробегали они мимо в густеющих сумерках – будто участники некоего эзотерического племенного обряда, сообщество, связанное обетом аскетизма и самоотречения...

– ...Они почти все в курсе, – тяжело дыша, прерывисто выговаривал Рой. – Конечно, нельзя – ждать, что они – во всем разберутся. Эти парни – не из ученых – по большинству – хотя мы их отбираем строго. Умники – как раз не лучшие солдаты – вся эта образованность – ну, знаешь, с гражданки в ополчение и все такое – чушь собачья. Слава богу, это уже кое до кого доходит... Нам нужен солдат на все сто, по старинке – чтобы он крови жаждал – и к чертям все эти ваши розы-мимозы про образование...

Рейнард у казалось, что они бегут уже несколько часов кряду: поначалу он задышался и страдал от колотья в боку, но потом наконец обрел второе дыхание и освоился с легким, размашистым бегом своего спутника. Живой жар согревал его тело, а ум был непривычно ясен, хотя границы сознания, казалось, странно раздвинулись. Его чувство времени словно бы неуволимо изменилось: он, к примеру, не мог сказать, сколько уже длится речь Роя, – короткие, задыхающиеся реплики казались словно бы продолжением его собственного потока мыслей, но вряд ли он смог бы ответить, когда именно его размышления слились со словами, произносимыми другом.

Он также не мог с уверенностью сказать, сколько раз они уже обежали лагерь; свыкнувшись с движением, он перестал замечать ориентиры, и без того почти слившиеся с темнотой. В конце концов Рой решил, что хватит, и они вернулись к машине. Накинув верхнюю одежду, несколько минут они молча отдыхали; показались первые звезды, и из ближних кустов раздался пронзительный крик какой-то ночной птицы, внезапный и тревожный.

– Ладно, – сказал после паузы Рой. – Ну еще немного спарринга, и на этом, я так думаю, все. Боюсь, придется нам драться без перчаток: у меня лишней пары нету... О'кей, значит, я тебе просто покажу, что к чему... А потом надо будет передать тебя Спайку... Ладно, начнем с исходной стойки – нет, руки вот так, понял? Нет, смотри на меня – как у тебя ступни стоят – позиция – это важно. Хорошо, а теперь – поехали! Нет, так ты мне подставляешься – просто сосредоточься на защите, не думай об контрударах – дать сдачи еще сто раз успеешь...

Неуклюже, нервничая, устав после бега, Рейнард покорно осваивал движения под терпеливые наставления Роя. Горящие фары создавали мирок яркого света в окружающей тьме – мирок, единственными обитателями которого были два их раздетых тела. Рейнард и правда казалось, что вне освещенной области простирается безднами ничто, небытие: реальным было лишь это безмолвное единение борьбы, двойственный образ реальности, то неясно размытой (когда они отскакивали друг от друга), то сфокусированной в точке ясности, когда они внезапно входили в клинч.

Рой, в качестве инструктора пока что нанеший ученику всего один-два слабых удара, вдруг быстро и сильно врезал Рейнард в грудь и сразу же сбоку по голове. Судорога чисто физической ярости подхлестнула Рейнарда к обороне: он сразу же собрался и напрягся, с пылким воодушевлением ожидая следующего удара.

50 Он отпарировал его неловко, и костяшки пальцев Роя больно задели ему кожу над правым соском. Еще и еще удар обжег и без того саднящее тело – его охватило бешенство, он страстно желал причинить боль крупному обнаженному телу своего инструктора. Он бил как попало, без техники, ослепнув от ярости; его противник, защищаясь с непринужденной легкостью, отмахивался от ударов, как от мух. Когда Рой шагнул в область яркого света, Рейнард на миг увидел его лицо: сильное и хищное, как у волка, но совершенно спокойное и бесстрастное – рот изгибался в привычной, довольно глупой улыбке. Это зрелище вызвало у Рейнарда новый приступ бешенства: он бросился в атаку и на секунду застиг Роя без защиты. Он нанес еще удар, вложив в него всю силу, и с дикой радостью увидел, что попал Рою кулаком прямо в губы. Рой глухо хмыкнул и внезапно схватил руки Рейнарда словно в тиски.

– Вы только гляньте! – Он хохотнул.

Все еще кипя от ярости, Рейнард мгновение сопротивлялся – затем, сознавая огромное превосходство Роя в силе, ослабил мускулы. Ярость его утихла; он вдруг почувствовал, как им овладевает непомерная слабость. Это ощущение было странно приятным, напоминая пробуждение после анестезии у зубного врача; ему хотелось громко расхохотаться, закричать, сморозить какую-нибудь чушь. К его удивлению, Рой все еще его не отпускал; подняв взгляд к лицу друга, он увидел темные, как водоем, глаза и полные губы, изогнутые, как и раньше, в приятной безликой усмешке.

Внезапно устыдившись, Рейнард опустил глаза.

– Извини, – сказал он, – я сорвался.

Рой на мгновение усилил хватку и фыркнул.

– Этого-то я и ждал, – сказал он.

– К-как? – запнулся Рейнард.

– Хотел убедиться, что ты дашь сдачи – я *хотел*, чтобы ты разозлился. Знаю, это неправильный бокс – тебе

еще надо все правила усвоить – но штука в том, что тебе надо научиться драться, а это не выйдет, коли у тебя кишка тонка. Без злости никакая техника тебя не спасет.

Последние слова Рой произнес странно приподнятым тоном. Внезапно он отпустил хватку и напоследок хлопнул Рейнарда по плечу.

– С тобой все в порядке, парень, у тебя выйдет.

Он отошел и принялся искать свою одежду.

– Надо нам поторапливаться, так что давай одевайся, – сказал он. – Выпьем по кружке в «Солдате», и я тебя отвезу домой... Пиво тебе теперь придется урезать, раз уж ты взялся за тренировки... С курением тоже бы неплохо завязать. Тебя это вообще не заботит?

– Я много курю, – признался Рейнард.

– Я бы на твоём месте постарался бросить, – Рой говорил, как показалось Рейнарду, с излишним нажимом. – Дело не в каком-то там физическом вреде – дело, знаешь ли, в психологическом эффекте. – Полуодетый, в незаправленной рубашке, он пристально смотрел на Рейнарда. – И вообще, курение – отвратная привычка, – добавил он, натягивая носки, – а потворствовать себе в этом проще простого... Для мальчишек еще сгодится, но раз ты теперь один из нас, – и снова он как будто слишком уж подчеркнул эти слова, – тебе хорошо бы суметь без этого обходиться. Я знаю, это трудно – я сам черт-те сколько бросить не мог – все время срывался, сам понимаешь, а потом стыдно было, хоть убейся. Но, по большому счету, оно того стоит.

– Я, наверное, брошу, – отозвался Рейнард. – Все равно я вкуса сигарет не чувствую толком – в последнее время. Может быть, это из-за того, что я разбитый какой-то.

Рой кивнул.

– Вот именно, – сказал он. – Сам убедишься, что он вернется – вкус, я имею в виду. Брось на время – и ты потом от этого гораздо больше удовольствия получишь. Мой тебе совет, – добавил он мимоходом, – мне, по

крайней мере, это помогло, – никогда не курить в постели или когда ты один... Ну что – готов? Ладно, тогда вперед за обещанной пинтой.

Он забрался в машину, и Рейнард за ним. Плато опустело: остальные участники «тренировки» (если они ими были) исчезли. В слабом свете луны ровный ритм меловых холмов нарушали смутные неровные контуры насыпей и укреплений, составляющих так называемый «лагерь» – вновь заброшенный и бесхозный, обитель ветра.

ГОДЕН К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

53

В течение нескольких следующих недель тренировки Рейнарда продолжались довольно регулярно, следуя программе, намеченной Роем Арчером. Рейнард казался, что Рой скорее доволен его успехами; самого же его поражало то, как тренировки его изменили. Он чувствовал, что у него улучшилась не только физическая форма – состояние ума тоже стало более стабильным; тревожное чувство «распада», ощущение, что его «индивидуальность» вот-вот от него ускользнет, почти ушло в прошлое: оно было сродни некой зазорной привычке, от которой он уже почти избавился, и хотя, подобно привычке, оно все еще жило в глубине его сознания, искушение ему уступить ослабевало, по мере того как проходили недели.

Вдобавок, повинаясь настоятельному совету Роя, он почти бросил курить. Редкие моменты слабости сопровождались у него такими невыносимыми муками вины, что его стала сдерживать сама боязнь угрызений совести. К тому же, когда он, не удержавшись, закуривал, то обнаруживал, что вкуса табака по-прежнему не ощущает, и это тоже помогало уменьшить искушение.

Миссис Лэнгриш, если и обнаружила в нем перемену, ничего не сказала. Рейнард уже какое-то время старался понять, заметила ли она, что состояние его здоровья улучшилось: раскрывать истинную причину этого ему не хотелось так сильно, что он, даже дома, нередко прибегал к уловкам, стараясь скрыть свое

хорошее самочувствие и время от времени напуская на себя прежний унылый и апатичный вид. Его все более поздние приходы домой с вечерних тренировок также не вызвали никаких нареканий; и действительно, он всегда с удивлением обнаруживал, что еще совсем не так поздно, как ему казалось. Это, несомненно, объяснялось тем, что домой он обычно приезжал на машине с Роем, а не на автобусе.

54 Тщательно скрывая от матери истинную природу своих вечерних занятий, он тем более ревностно утаивал свои «тренировки» от остальных. На работе он ни словом не обмолвился о дружбе с Роем; и когда тот заходил в банк – что случалось частенько – ни словечком, ни единым жестом они не выдавали, что их связывают тесные узы. Более того, Рейнард для общения с Роем усвоил отрывистый и чуть ли не грубый тон и иногда про себя осуждал друга за его слишком уж дружелюбный вид.

Однажды вечером, когда они ехали вверх к тренировочной площадке, он почувствовал, что Рою прямо-таки не терпится добраться до места.

– У нас сегодня для тебя сюрприз, – Рой коротко рассмеялся. – На все нужно время, – добавил он с загадочным видом, – но мы потихоньку обустроиваемся, а раз на носу холода, то немного комфорта не помешает.

Эти загадочные слова отчасти разъяснились, когда они подъехали к лагерю: один из стоявших неподалеку заброшенных ниссеновских бараков выглядел обитаемым. Ярко светились окна, у входа двигались фигуры, изнутри доносились приглушенные голоса. Рой припарковал машину сбоку от барака и не без гордости провел Рейнарда внутрь.

Помещение превратилось в гимнастический зал: были установлены «кони» и брусья, с потолка свисали канаты и трапеции. Небольшая площадка для бокса была огорожена веревками; в одном конце зала стоял на козлах стол, а на нем – титан с чаем и поднос с бутербродами. От коксовой печки в центре исходило

тепло, а в углу установили двухъярусные койки с одеялами и соломенными матрасами. Десяток-другой молодых мужчин уже тренировались – Рейнард был почти уверен, что узнал в одном из них Спайка МанDEVИЛЛА, боксера. Рой начал не спеша переодеваться в спортивную форму, и Рейнард последовал его примеру. Вскоре один из мужчин, явно наделенный некими полномочиями, отдал краткую команду, и все остальные, включая Роя и Рейнарда, выстроились в три шеренги. Затем последовали полчаса интенсивных физических упражнений и двадцать минут строевой подготовки, после чего участники разошлись по залу: одни к брусам, другие к канатам, кое-кто направился к боксерскому рингу.

55

– А теперь давай-ка спаррингом займемся, – предложил Рой, и вскоре Рейнарда отрядили в ученики к грозному Спайку МанDEVИЛЛУ. Тот проявил себя превосходным инструктором, и Рейнард порадовался возможности улучшить свои навыки; однако, у его наставника не всегда выходило смирять собственную силу, и пару раз Рейнард крепко досталось от его знаменитого хука левой, за что Спайк потом вполне любезно извинился.

– Что, кореш, подумываешь о контракте? – спросил он позже, за чаем. – Ну и правильно: дела нынче такие, что на гражданке ловить нечего; все мы сюда вернемся рано или поздно, так лучше уж записаться, пока тут все путем – вот что я тебе скажу.

Большинство других мужчин, с которыми разговаривал Рейнард, были, как видно, того же мнения; кое-кто, как Спайк, уже записался и был привлечен к работе инструктором; остальные, как и он сам, проходили предварительное обучение. Многие из них отличались крепким телосложением и выглядели бывалыми бойцами; у некоторых, по странному совпадению, имелась такая же татуировка, что и у Спайка, со змеей, обвившей обнаженный меч.

Под конец вечера всех призвали к тишине, чтобы сделать особое объявление. Его зачитал мужчина (возможно, сержант или уоррент-офицер*), командовавший физподготовкой и, похоже, бывший здесь кем-то вроде неофициального распорядителя.

56 – Слушай сюда, ребята, – начал он. – У меня поручение от командира огласить вам объявление: «Весь личный состав, прошедший шестинедельное обучение к 16-му ноября» – это будущий понедельник – «будет считаться годным к зачислению 1-го декабря на срочную или сверхсрочную военную службу на контрактной основе. Годный личный состав, желающий воспользоваться этой возможностью, должен явиться в этот день, до 16:30, на призывной пункт, отдел X.19. При себе иметь удостоверение личности, продовольственные и промтоварные карточки и бритвенный комплект».

Выступающий сделал паузу – раздались аплодисменты и одобрительные выкрики.

– В общем так, – добавил он, – это, ребята, относится ко всем – так что теперь вы в курсе. Объявление я сейчас зачитаю еще раз, чтобы вы всё запомнили как следует.

Он повторил объявление медленно, как на диктовке; последовали новые выкрики, свистки и очередной залп аплодисментов.

– Вот что, парни, – завершил свою речь выступающий. – Запомните, на сверхсрочку вас никто не гонит – передумать еще не поздно. (Здесь его прервал взрыв хохота.) Но если хотите послушать моего совета, – продолжил он, – то идти на попятный не стоит. Жизнь тут высший класс, и работенка у вас тоже будет по высшему классу; и не забудьте еще вот что: если запишетесь сейчас, получите отличный шанс продвинуться по службе. Так что первого декабря милости просим – карточки только не забудьте.

* Промежуточная категория между сержантским и офицерским составом.

Снова раздался взрыв смеха, и с окончанием речи собрание стало расходиться: все спешно начали переодеваться, тут же назначенная рабочая команда убрала чайную посуду, гимнастические снаряды привели в порядок и под конец лампы «Тилли»* были погашены и огонь в печке залит остатками чая. Все исчезли на удивление быстро, и вскоре Рейнард уже ехал обратно в Прайорсхолт в машине Роя.

Большую часть дороги Рейнард молчал. Он, вместе с остальными, был признан годным к зачислению на сверхсрочку – через три с небольшим недели. Объявление застало его врасплох: он смутно предполагал, что период обучения продлится еще несколько месяцев или, может, бесконечно и не был готов к необходимости принять решение столь поспешно. Да, никакого принуждения не было – и все же он чувствовал, что безо всяких устных обещаний уже согласился пойти по контракту. Еще с того первого вечера у Римского Лагеря – или, коли уж на то пошло, с самой первой их встречи с Роем – он инстинктивно это понимал, но до сих пор ухитрялся, за счет некой замысловатой умственной двуличности, не отдавать себе полного отчета в своем обязательстве. Было бы довольно легко уклониться от явки в пункт первого декабря – однако он знал, что в этом случае уже никогда не сможет посмотреть Рою в глаза. Ему будет стыдно всякий раз, когда его друг станет заходить в банк, дальнейшие их отношения сделаются невозможными – и вскоре он опять вернется к прежней нездоровой жизни, и «ощущение распада», выжидающее своего часа, снова его одолеет. Нет, ему придется довести дело до конца прямо сейчас; как сказал выступавший, «идти на попятный» нельзя.

– Ну что, – сказал Рой, словно Рейнард размышлял вслух, – решил ты или как?

* Модель керосиновой лампы.

Рейнард, обернувшись, в смятении бросил на него взгляд. Они подъезжали к деревне; через несколько минут Рой уедет, и он останется наедине со своей проблемой. Перспектива принятия решения в одиночку, без ободряющего присутствия друга, вдруг показалась ему невыносимой. Он должен решиться прямо сейчас, раз и навсегда, пока Рой рядом, прежде чем машина остановится. Но он продолжал молчать, ощущая царящую в голове пустоту и кляня себя за врожденную нерешительность.

– Ну что? – спокойно повторил сидящий рядом Рой. – Будешь с нами?

Вдруг у Рейнарда будто упала с сознания пелена: ему внезапно открылась череда нечестных маневров, ложные предположения и все, что он, не сумев постигнуть, принял на веру в последние несколько недель. В единственный миг прозрения до него дошло, как пугающе мало знает он о «плане» Роя и обо всех этих загадочных делах; он с болезненным смущением осознал, что, стыдясь собственного невежества, убедил себя в мнимом и кажущемся понимании; вспомнил намеки, произнесенные слова и неопределенные жесты и то, как, непоправимо кривя душой, притворялся, что ему ясен их смысл. На мгновение он возненавидел Роя – возненавидел за чрезмерную самонадеянность и подавляюще властный вид; возненавидел даже за его грубую, животную энергичность; и более всего возненавидел за способность внушать иррациональную и постыдную личную преданность, которой требовала его волчья гордыня.

Машина остановилась у улочки у дома, и Рой снова прервал молчание.

– Ну? – сказал он лаконично.

Рейнард сидел неподвижно. Теплый свет лился из дома на кусты в палисаднике, на приоткрытую калитку. Внезапно Рейнард в отчаянии повернулся к другу.

– Как будто ты не понимаешь, – громко воскликнул он, – что я не знаю – и не знал никогда, *что вообще происходит?* Я тебе поверил на слово во всем – про «план», про «чрезвычайку», о которой ты вечно толкуешь, про войну или что там еще – а ты мне так ни разу ничего и не объяснил. Почему я должен записываться? Что все это значит? Ты мне можешь хоть раз сказать правду, так чтобы я понял?

Во время этой вспышки Рой сидел молча. Теперь он повернулся к другу и смотрел на него со знакомой неопределенной улыбкой, приоткрывавшей зубы.

59

– Ну, что опять за напасть? – спросил он чуть ли не со смехом.

– Напасть? – Рейнард почти кричал. – *Напасть*, как ты это называешь, всего лишь в том, что я не знаю, во что, черт подери, ты меня впутываешь и во что я сам впутываюсь, раз уж на то пошло. Эти тренировки, и все эти разговоры про запись, и занятия боксом, и – и...

– Да – и что? – подбодрил его Рой, так как голос Рейнарда прервался.

– О, *ты сам* знаешь – знаешь так же хорошо, как и я. – Рейнард чуть не плакал: ему хотелось ударить это безмятежно улыбающееся лицо.

– Именно, – спокойно возразил Рой. – Я знаю так же хорошо, как и ты – ты сам это сказал. А тебе не кажется, что, если я знаю так же хорошо, как и *ты*, то и *ты*, вероятно, знаешь так же хорошо, как и я? Логично ведь, правда?

Рейнард молчал; миг просветления прошел, и пелена застлала все снова. Обессилев, он откинулся назад; он понимал, что выставил себя дураком и все впустую; он также понимал – с чувством обреченности, скрутившим его, как спазм, – что необходимость принять решение довела над ним, как и раньше.

– Логично или нет? – настаивал Рой. Его голос звучал мягко, убеждающе, и в нем все еще слышался отголосок смеха.

– Что логично? – устало прошептал Рейнард.

– Ладно, забудь – ты устал. Вечер сегодня был непростой. Может, тебе тренировку-другую пропустить? Перенапрягаться ни к чему, сам понимаешь. И не трать ты на все это нервы – еще изведешься да угодишь на больничный, а нам такой парень, как ты, до зарезу нужен. Запомни – к первому декабря ты должен быть здоров.

Пелена на миг исчезла.

60 – Рой, скажи мне, ради Бога, – что все это значит?

Рейнард почувствовал руку Роя на своей: пожатие внушало странную тревогу, словно внезапное прикосновение зверя в темноте.

– Послушай, Рейнард: я тебе скажу – без дураков, честно-пречестно, чтоб мне сдохнуть и все такое. – Он остановился, все крепче сжимая пальцы Рейнарда.

– Ну? – буркнул Рейнард.

– Ты в самом деле хочешь правду? Ладно, я тебе скажу – правда в том, что *никто* ничего не знает. Я не знаю, командир не знает – как и любой прохожий с улицы. Ты же читаешь газеты («Нет», – слабо возразил Рейнард, но Рой не обратил на него внимания) – и знаешь об общей ситуации ровно столько же, сколько и мы. Но дело вот в чем – мы *точно* знаем, что те *что-то* замышляют, но что именно, нам не известно; мы даже предполагаем – хоть уверенности у нас и нет – на какие территории они глаз положили; но при этом сделать мы сейчас ничего не можем: руки у нас связаны. Нам просто-напросто приходится полагаться на шефов – то бишь на прямое начальство: я полагаюсь на командира, командир – на командующего генштабом, и так далее. Понятно, что об этом особо не разболтаешься – вот и приходится набирать этот новый батальон более-менее скрытно. Я так предполагаю, что те делают ровно то же самое, что и мы...

– Но *кто* они, эти те? – перебил его Рейнард.

Рой фыркнул.

– Хотелось бы мне это знать, – ответил он. – Если бы мы знали, то были бы уже отсюда далеко. Мы только знаем, что они там и что мы должны быть готовы, когда все начнется.

Рейнард вдруг почувствовал страшную усталость.

– Мне надо идти, – произнес он безжизненно. – Я и так задержался.

– И я, черт побери! – воскликнул Рой. – Пора мне уже возвращаться в Глэмбер: в полдесятого собрание в столовой... Ну, до завтра тогда.

61

Когда Рейнард вылез из машины, Рой вдруг протянул ему руку. Рейнард неохотно ответил на пожатие.

– Послушай, старина, – тихо проговорил Рой, и в кои-то веки на лице его не было и тени улыбки. – Я тебе серьезно говорю: я хочу знать наверняка, присоединишься ты к нам или нет. Я не хочу у тебя вытягивать обещание или припирять тебя к стенке – уж точно не сейчас. Но мне бы хотелось это знать в ближайшее время. Как по-твоему, сможешь ты мне завтра ответить?

Рейнард мгновение размышлял, сжимая руку друга; затем снова поднял глаза и встретил вопрошающий темный и пристальный взгляд.

– Да, – сказал он. – Завтра я тебе отвечу.

ТЕМНЕЮЩАЯ ДАЛЬ

- 62 На другое утро Рейнард проснулся с головной болью и воспаленным горлом. Спал он плохо и, едва открыв глаза, ощутил, что его гнетет мысль о вчерашнем обещании Рою; физические симптомы были словно бы продолжением его душевного смятения. Да, он не дал окончательного обязательства записаться при первой же возможности, но пообещал Рою принять решение к вечеру и знал, что стоит ему оказаться в обществе друга, и он будет уже бессилён противостоять влиянию этой энергичной и властной личности.

Позже утром его подавленность усугубилась – и вместе с ней физическое недомогание. К обеду стало ясно, что вечернюю тренировку ему не осилить; безусловно, было бы лучше совсем отменить и встречу с Роем. Это решение принесло ему глубокое облегчение: если бы он смог избежать свидания с Роем, то получил бы возможность оттянуть и исполнение своего вчерашнего обещания. Чувство облегчения и надежда на отсрочку на самом деле не были сформулированы им сознательно – они так и остались подспудными, хотя он, со смутным чувством стыда, отчасти и сознавал, что прибегает к самообману... Достаточным оправданием (так ему казалось) было его действительное нездоровье: Рой наверняка отнесется к этому с пониманием: он ведь и сам не далее как вчера предлагал Рейнарду пропустить тренировку-другую...

Отменить встречу с Роем оказалось, однако, труднее, чем он предполагал. Он решил, что лучше всего будет

позвонить в казармы, но, едва вознамерился это сделать, как перед ним выросла масса мелких препятствий. Во-первых, было ясно, что из банка звонить ему нельзя; ближайший телефон-автомат, как выяснилось, не работал; когда же он, пройдя еще дальше, наконец отыскал другую будку, то обнаружил, что забыл вынуть двухпенсовик из первого автомата. Вдобавок, ему не сразу удалось разменять деньги, а к тому времени, когда он добыл мелочь, будка была уже занята, что создало очередную задержку. Наконец, зайдя в будку, он принялся искать в справочнике номер Роя, но столкнулся с очередной проблемой: поскольку он никогда раньше не звонил Рою, то не был уверен насчет его части и дислокации. Оказалось, что в казармах размещалось два полковых батальона, и он со смущением понял, что забыл (или, возможно, так и не озаботился спросить), в каком из них служит Рой. Его первый звонок не принес результата: о капитане Арчере никто не слышал. «Попробуйте второй батальон», – предложил голос в трубке. Рейнард так и сделал; ему ответили с задержкой и невнятно: нет, капитана Арчера во втором батальоне нет. Или ему нужен *майор* Арчер?

63

Он засомневался: может, подумал он, Роя повысили в чине; вполне вероятно, что прошлым вечером этот факт прошел для Рейнарда незамеченным. В конце концов он попросил соединить его с майором Арчером. Последовала очередная задержка, и в трубке раздался другой голос.

– Алло! Майор Арчер слушает – кто на проводе?

Голос показался Рейнарду похожим на голос Роя, хотя из-за помех на линии он не мог утверждать наверняка.

– Алло, – осторожно откликнулся он. – Это Рейнард Лэнгриш. Я звоню сказать, что я простыл – сегодня я прийти не смогу.

Трубка разразилась треском; наконец голос послышался снова.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Лэнгриш, – повторил Рейнард и произнес свою фамилию по буквам.

– *Лэнгриш?* Извините, не знаю такой фамилии. Вам, наверно, нужен кто-то другой. Это Рой Арчер. Что? Не слышу – как вас зовут? Нет, извините, я такого не знаю. Вы, должно быть, не туда попали.

Раздался щелчок: майор Рой Арчер повесил трубку.

64 Рейнард вышел из будки, сразу ощутив себя слабым и больным. Он на минуту опустил на сиденье у автобусной остановки, стараясь унять дрожь, сотрясавшую его конечности. В голове у него царило полное смятение: говорил он с Роем или нет? Голос, подозрительно похожий на голос друга, отчетливо произнес «Рой Арчер» – возможно ли тогда, что есть два Роя Арчера? Или же Рой так и не расслышал его фамилию? Без сил, в растерянности и все сильнее чувствуя себя больным, Рейнард поднялся на ноги и направился к банку. Ему пришло в голову еще одно возможное объяснение: может, притворное «незнакомство», которое они с Роем так долго изображали, было теперь обязательным не только в банке, но и за его стенами? В таком случае Рой наверняка бы его предупредил; хотя, решил Рейнард, полной уверенности в этом быть не могло, так как о молчаливом уговоре скрывать их отношения в банке они ни разу не обмолвились ни словом.

Не чувствуя из-за болезни никакого желания обедать, Рейнард вернулся на работу; к несчастью, в банке было больше посетителей, чем обычно, и ко времени закрытия стало ясно, что уйти удастся лишь под вечер. И снова Рейнард ощутил в глубине души постыдное облегчение: если ему придется задержаться в банке достаточно долго, Рой, несомненно, устанет ждать... Возможно, отчасти именно эта полуосознанная надежда подвигла его работать медленнее и усерднее, чем обычно; отчасти же, несомненно, затормаживал его

действия все усиливающийся жар. Так или иначе, было уже полседьмого, когда он ушел с работы – гораздо позднее обычного и слишком поздно (решил он), чтобы торопиться на встречу с Роем.

Выйдя из банка, Рейнард, по привычке, зашагал вдоль Хай-стрит, к автобусной остановке у мэрии. Неожиданно он свернул в сторону и, срезав путь по боковой улочке, вышел к следующей остановке автобусного маршрута: он вспомнил, что ему нужны были бритвенные лезвия, а магазин, в котором он обычно делал покупки, находится неподалеку. Мысль о том, что Рой, возможно, все еще ждет его у остановки рядом с мэрией, беспокойно зашевелилась у него в глубине души, но он ее проигнорировал, уверив себя, что ему и правда нужны лезвия и чуть более дальняя, чем обычно, прогулка, возможно, пойдет ему на пользу.

65

К тому времени, когда он дошел до автобусной остановки, почти стемнело. Увидев неподалеку табачную лавку, он решил нарушить свои обеты и купить сигарет. Со странным чувством морального падения он приобрел упаковку «Голдфлейк» и коробок спичек и, ожидая автобуса, вытащил сигарету и закурил. Табак был еще более безвкусным, чем обычно, – несомненно, из-за болезненного состояния Рейнарда; он отбросил сигарету и нетерпеливо встал на краю тротуара, высматривая автобус.

Пока он ждал, мимо проехала машина – достаточно медленно, чтобы привлечь его внимание. Машина вдруг показалась знакомой; Рейнарда охватил приступ дрожи, и он чуть было не отвернулся, но что-то его удержало, и прежде чем он успел двинуться, водитель повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

Это был Рой Арчер.

Рейнард тоже глядел на него, будто попав под гипноз знакомого темного взгляда. Это продлилось всего миг; лицо отвернулось, и машина быстро поехала к светофору, где как раз переключался свет. Мгновением

позже у тротуара остановился автобус, и Рейнард шагнул внутрь. Большой, весь дрожа и еле осознавая где он и что с ним, он сел и принялся шарить по карманам в поисках билета; его парализовал страх, равного которому он не ведал и не испытывал – страх, что он, возможно, сходит с ума.

66 Ибо Рой *посмотрел сквозь него*; ни одним движением он не выдал, что заметил присутствие Рейнарда. Недели товарищества, «план учений», чай и выпивка в «Храбром солдате», «гимнастический зал» на холмах – все это словно превратилось в ничто, в смутные воспоминания, далекие, как память о детстве или о некоем туманном предсуществовании. Быть может, в отчаянии думал Рейнард, все это никогда и не происходило: быть может, все его сложные отношения с Роем были иллюзией; и все же он не мог в это поверить – вспоминая рукопожатие Роя, привычные обороты его речи и дружелюбную дурацкую улыбку.

– Что стряслось, приятель, – нездоровится? – спросил кондуктор, беря у Рейнарда билет.

– Неважно себя чувствую – простыл, – еле слышно пробормотал Рейнард. – Сейчас я в себя приду...

Он выпрямился и уставился в окно, стараясь хоть немного упорядочить хаос в сознании. Автобус качнулся и, набрав скорость на окраине городка, размеренно покатил вперед, мимо огородных участков, спортплощадок и участка новой застройки, в темнеющую даль.

9

СЛОВНО ГОРЕМЫЧНЫЙ ПРИЗРАК

Случившийся у Рейнарда грипп (а это оказался он) продержал его дома следующие десять дней. Двое суток болезнь протекала в острой форме, и, казалось, могут начаться серьезные осложнения; однако малопомалу, на пятый день, температура спала, и Рейнард стал медленно поправляться. 67

Болезнь странно затуманила в его сознании недавние события, и в течение нескольких дней воспоминания о Рое, да и обо всем времени их знакомства, оставались подспудными и неясными, словно это был сон. Вышло так, что вспомнить обо всем его невольно побудила мать. В начале болезни он слегка бредил и, по словам миссис Лэнгриш, беспрестанно повторял имя Роя Арчера; она сказала, что Рейнард будто бы вел какой-то нескончаемый телефонный разговор, в котором пытался доказать капитану (или порой майору) Арчеру, кто он такой. Она говорит ему об этом, добавила миссис Лэнгриш, лишь потому, что не уверена: вдруг это было что-то важное, по работе, о чем ему, возможно, следует напомнить.

Ему разом пришли на память все непостижимые происшествия того последнего дня в Глэмбере; однако сейчас, с этого расстояния, реальные события казались странно несущественными. Пронизавшее их, как ему тогда казалось, ощущение кошмарного сна можно было списать на то, что его уже одолевала серьезная болезнь. Даже странный телефонный разговор имел, вероятно, какое-нибудь

довольно простое объяснение; а то, что Рой якобы проигнорировал его на автобусной остановке, за просто могло быть вызвано легкой близорукостью, которой, как было известно Рейнард, страдал его друг.

68 – Это было совершенно не важно, – заверил он мать. – Я в тот день – когда я заболел, – пытался поговорить с Роем Арчером по телефону, но не смог дозвониться. Помнишь Роя – капитана Арчера – он зашел к нам как-то, вечером, спросить дорогу, а потом отвез меня в Ларчестер, на бокс.

– На бокс? – переспросила миссис Лэнгриш. – Про бокс я не помню.

– Ну ты ведь помнишь Роя – ну, Роя Арчера, – настаивал Рейнард. Ему вдруг показалось важным, чтобы мать вспомнила тот случай.

– Картер, ты сказал? – с сомнением уточнила она.

– Да нет, не Картер – Арчер, – нетерпеливо повторил Рейнард. – Рой Арчер.

Мать покачала головой.

– С таким именем я что-то никого не припоминаю, – пробормотала она.

– Но ты не можешь не помнить, – настаивал Рейнард. – Это было-то всего месяца полтора назад – он зашел в тот вечер, когда еще поднялся ураган и черепицу сорвало, помнишь? И он узнал отца на фото.

На лице миссис Лэнгриш все еще читалось сомнение; и чем больше настаивал Рейнард, тем труднее было ей, похоже, восстановить в памяти события той ураганной ночи.

– Но ты его точно должна помнить, – раздраженно воскликнул Рейнард. – Не так уж много народа у нас бывает.

– Я помню кого-то – но это было давно – из банка?..

– Ну да – он один из наших клиентов.

– Я помню, он мне показался странным, – задумчиво произнесла миссис Лэнгриш.

– Не сказал бы, что он такой уж странный. Вполне обычный парень – скорее офицерского типа. Со светлыми волосами, довольно высокого роста – с прямым пробором. Ну теперь-то вспомнила?

Миссис Лэнгриш покачала головой.

– Высокий, ты говоришь? – переспросила она.

– Да, довольно высокий. – Рейнард повторил описание еще раз, так как мать, словно бы из упрямства, казалась более непроницаемо глухой, чем обычно. В итоге, после того как он описал наружность Роя во второй и даже в третий раз, по-прежнему казалось сомнительным, что она все поняла; ему также не удалось добиться, чтобы она признала, что помнит человека, в точности отвечающего этому описанию.

69

Рейнард повторил атаку несколько раз: провал в памяти матери не давал ему покоя все время его выздоровления. Наконец он оставил свои попытки: подобные провалы были, насколько он знал, не столь уж редки: миссис Лэнгриш, в конце концов, было за семьдесят – и ему не хотелось незаслуженно донимать ее из-за такого пустяка. И все же полная ее неспособность припомнить его друга поселила в Рейнарте томительное беспокойство, связавшись в его сознании с неудачным телефонным звонком и безучастным неузнающим взглядом Роя на автобусной остановке.

В целом, Рейнард не огорчился, когда доктор разрешил ему вернуться на работу: все было бы хорошо, но атмосфера дома, и прежде довольно тягостная, стала почти невыносимо гнетущей в последние дни его выздоровления. Провалы в памяти матери и ее усиливающаяся глухота начали раздражать его нестерпимо, и возвращение в банк вызвало у него чуть ли не отпускнутое возбуждение.

Стоял пасмурный зябкий день, когда в середине ноября он в первый раз отправился в Глэмбер. Последние листья опадали с почти голых деревьев, и сам городок,

когда он туда приехал, выглядел на редкость безлюдным, словно население сбежало из него, спасаясь от мора или перед угрозой войны.

70 Дела в банке шли довольно вяло – к счастью для Рейнарда, которому не сразу удалось втянуться в утомительный рутинный труд. Весь этот первый день он был постоянно настороже, ожидая, что объявится Рой Арчер: посматривал на двустворчатые двери всякий раз, как они распахивались, надеясь и в то же время страшась увидеть, что к стойке широким шагом приближается высокая атлетичная фигура. По причинам, о которых ему не хотелось задумываться, мужества эта перспектива ему не прибавляла; и все же он ощущал, что один лишь вид друга хоть как-то бы его успокоил, подтвердив реальность отношений, обретших, со времени его болезни, некую странную иллюзорность и призрачность.

Рой, однако, в этот день не заглянул. Когда пришло время идти домой, Рейnard, как обычно, направился к автобусной остановке у мэрии, опасаясь и одновременно надеясь, что машина Роя будет стоять на привычном месте. Как и следовало ожидать, ни Роя, ни его машины он не увидел: было маловероятно, что Рой знал о его выздоровлении, поскольку изначально был не в курсе его болезни. Рейnard, питавший безрассудную надежду, испытал, не увидев друга, столь же безрассудное разочарование; однако к этому разочарованию примешивалось и некоторое облегчение. Если Рой решил больше не приезжать к остановке, Рейnard не в силах был что-либо изменить. Во время выздоровления ему пришло в голову, что он мог бы написать Рою, но болезнь сделала его апатичным, и, в любом случае, он по-прежнему не был уверен, каковы нынешнее звание друга и его батальон, не говоря уже о точном адресе.

И все же, по дороге домой в автобусе, Рейnard продолжал размышлять о возможных способах снова на-

ладить отношения с другом. Ему не хотелось опять от-
важиваться на телефонный звонок; казалось также
маловероятным, что Рой снова появится на обычном
их месте встречи. Он, без сомнения, зайдет в банк, но
нет никакой уверенности в том, что он посчитает бо-
лезнь Рейнарда достаточной причиной нарушать уста-
новленные правила их взаимоотношений. Тем не ме-
нее, это представлялось единственной надеждой,
и Рейнард решил, что в следующее посещение Роя изы-
щет какой-нибудь тайный способ с ним пообщаться.
Он, например, мог бы (особенно если другие служащие
будут заняты с клиентами), ухитрившись, передать
через стойку записку, или же, если это не удастся, под
каким-нибудь предлогом выйти из банка вслед за Роем.

71

Между тем до даты, назначенной для записи на служ-
бу, – первого декабря – оставалось меньше двух недель.
Дата Рейнард у запомнилась, четко отпечатавшись в мозгу,
однако остальные подробности объявления улетучились
у него из памяти – в частности, время и место явки при-
зывников. Насколько он знал, в Глэмбере призывного
пункта не имелось – ближайший находился в столице
графства, милях в тридцати отсюда. Конечно, не исклю-
чалась вероятность, что каким-то образом будет спе-
циально организована запись на месте, но, не связав-
шись с Роем или другими призывниками, Рейнард,
похоже, не удалось бы выяснить это наверняка.

Позже вечером, шагая по тропинке к деревне, он
вдруг заметил, что вечер пронизан странным беспок-
ойством: птицы без умолку щебетали и пронзительно
кричали в кустах и деревьях, и где-то далеко на ферме,
словно предчувствуя опасность, выла собака. Луна,
поднимаясь над холмами, сверкала серным сиянием
сквозь буроватую завесу облаков, и налетевший с юго-
запада ветер, холодный и напитанный дождем, судорожно
вздыхал в голых буковых ветвях, словно горе-
мычный призрак.

ГО ЧУДНЫЕ ДЕЛА

72 Несколько дней Рейнард с беспокойством ждал, что Рой зайдет в банк, однако тот не появлялся; на прежнее место встречи у мэрии он тоже больше не приезжал.

По мере того как постепенно приближался день, когда он мог бы (если все еще желал) записаться в новонабранный батальон Роя, Рейнарда терзали разнородные чувства. Преобладал страх – сжимавший внутренности и напоминавший ему о детстве и ужасе перед походом в новую школу. В то же время, представься ему такая возможность – и он бы почти с готовностью пошел призывником: это было не столько актом сознательной воли, сколько чем-то вроде глубинной, бездумной тяги. Этот скрытый порыв сопровождался странным эмоциональным возбуждением, сравнимым со смутным брожением сексуальности у подростка; он был связан с идеей капитуляции, обречения себя на некий опыт, который, вероятно, окажется неприятным и даже опасным, но все же откроет путь к бегству. Гнет дома, монотонная и утомительная служба в банке, тусклое и ограниченное существование, которое он еле выносил и все же заставлял себя терпеть, – от всего этого странные предложения Роя Арчера сулили некое избавление. Не исключено, что он всего лишь сменит одну тягостную рутину на другую: предыдущий армейский опыт лишил его иллюзий насчет солдатской службы – и все же ему казалось, что он обрадовался бы любой перемене, какой бы неприятной она ни была.

Подвернись ему при таком настрое подходящий шанс – и он бы не долго думая записался; но отсутствие возможности и даже информации о положенной процедуре сдерживало его импульс; перспектива отдаться во власть жесткого, грубого, неуютного солдатского мира внезапно наполняла его ужасом, страх с новой силой сжимал внутренности – и, вновь прибегая к будничному здравому смыслу, он говорил себе, что предполагаемая «запись» – безумный поступок.

На день-два «здравомыслие» брало верх, а потом какое-нибудь слово или происшествие снова оживляли этот абсурдный порыв обречь себя на жизнь, которой он страшился и все-таки страстно желал.

73

Как-то вечером, когда он вышел из банка, колонна солдат прошагала мимо него походным порядком по Хай-стрит. Рейнард остановился посмотреть: они были в рубашках с закатанными рукавами (день стоял не холодный) и явно возвращались в лагерь после трудного марша. Глядя на них, он снова почувствовал, как в нем разгорается возбуждение и утверждается прежний импульс: на сей раз, решил Рейнард, «на попятный» он не пойдет – нужно немедленно найти призывной пункт, пока его намерение не ослабло.

Пылая решимостью, он зашагал к мэрии. Его опять охватила безрассудная надежда, что Рой, быть может, его там ждет. Убедившись, что друга нигде не видно, он в нерешительности помедлил мгновение на тротуаре. Внезапно его осенило: не став дожидаться автобуса на Прайорсхолт, он перешел улицу и сел на автобус, готовый отъехать в противоположном направлении... Рой, как видно, его покинул; явка на запись предстояла чуть больше чем через неделю; оставался единственный выход – он должен снова отправиться в загадочный «гимнастический зал» у Римского Лагеря.

Однако обнаружить его без провожатого, темным ноябрьским вечером, оказалось не так легко, как Рей-

нард предполагал. Он сошел с автобуса там, где, по его мнению, был поворот на Римский Лагерь, но не успел отойти далеко, как понял, что дорога не та. Вернувшись к шоссе, он прошел дальше, до другого поворота. Этот путь, похоже, был правильным, однако Рейнард все еще сомневался: прежде он всегда приезжал к «лагерю» в машине Роя и почти не обращал внимания на ориентиры. Он, правда, приходил сюда и до знакомства с Роем, но это было много месяцев назад и, естественно, в дневное время.

74

За ближним полем он вдруг увидел нечто напоминающее группу ниссеновских бараков и, не без риска сбиться с пути, устремился к цели напрямик, по отходящей от дороги тропинке. Бараки, однако, оказались до странности труднодостижимыми; с тех пор как он свернул с шоссе, сумерки сгустились почти до темноты, и над холмами стал подниматься легкий туман. Он шел оступаясь, обдирая голени о сломанную изгородь и спотыкаясь о кроличьи норы и незаметные пряди колючей проволоки. Вскоре он добрался до того, что посчитал бараками; к его разочарованию, строения оказались кучкой сараев вокруг небольшой фермы. Свет в доме не горел; однако, когда Рейнард проходил мимо, раздался яростный собачий лай и в одном из сараев захлопала крыльями и расшумелась домашняя птица.

Обойдя ферму, он очутился на более открытом месте и внезапно, к своей радости, почти с уверенностью узнал плато, окружающее Римский Лагерь. Он вообразил, что может даже разглядеть смутные очертания земляных укреплений и насыпей, и заспешил вперед, но ниссеновских бараков, похоже, нигде не было и следа. Он остановился, чтобы сориентироваться, потом двинулся вокруг края плато, не выпуская из вида центральную возвышенность. Так, подумалось ему, он неизбежно выйдет к баракам, если они там есть, – и через пять минут ходьбы его настойчивость была вознаграждена.

Группа бараков стояла слегка в низине – это, несомненно, и делало их почти невидимыми даже с близкого расстояния. Окно в одном из них слабо светилось; сердце у Рейнарда заколотилось от внезапной надежды – он поспешил вперед и, осторожно ступая по неровной земле, приблизился к темной, скученной массе строений. После мгновенной задержки он определил, из какого барака пробивается тусклый свет, и, решительно прошагав ко входу, толкнул дверь и вошел внутрь.

75

Поначалу он испытал горькое разочарование. Слабый свет одинокой свечи мерцал во мраке, делая очевидным тот факт, что барак был практически пуст. Канаты, брусья и «конь» исчезли; ничто внешне не напоминало о «гимнастическом зале», и можно было, в сущности, подумать, что сюда никто не заглядывал уже много месяцев.

За мерцающим пламенем свечи Рейнард едва смог различить нечто вроде кучи старых мешков и соломы; и пока он стоял в дверном проеме, жадно вглядываясь в сумрак, его неожиданно вспугнул звук человеческого голоса:

– Ты кто?

Слова прозвучали резко, с нотой угрозы: исходили они, по-видимому, из темной бесформенной груды за свечой. Рейнард шагнул вперед и увидел фигуру мужчины, сидящего, подавшись вперед, на груде мешков. У него было грубое небритое лицо; рваная, грязная рубашка распахнулась на груди, открывая черную волосяную поросьль; блестящие пронзительные глаза уставились на Рейнарда с настороженной враждебностью.

– Ты кто? Чё те надо? – повторил он.

– Простите, – нервно отозвался Рейнард. – Я искал – я думал...

– Ща, кого тебе искать-то? – грубо прервал мужчину. – Нету тут никого, я один, и компанейщиков мне не надобно, понял?

– Я искал зал, – с запинкой проговорил Рейнард, понимая, как нелепо должны звучать его слова.

– Сказал? Чевой-то ты сказал? – грубо отозвался мужчина.

– Спортзал я ищу, тренировочный центр. Я здесь был пару недель назад, в этом бараке войска обучение проводили. Я подумал – мне показалось...

Явно посчитав Рейнарда каким-то безобидным полудурком, мужчина посмотрел уже не столь враждебно.

76 – Ну, войсков-то тут нынче нету, – сказал он. – Глянь вона, коли хошь. Пряма в кондрашку вогнал – я-то думал, ты мусор. Мне-то, слышь, мусора бы и ничё, да тока я – бродяга, завернул сюда прикорнуть, ясно?

– Да, я понял, – прошептал Рейнард до странного безжизненным голосом, еле вслушиваясь в его слова. – Прости, что потревожил.

Внезапно его внимание привлекла вещь, лежащая на полу, рядом со свечой.

– Это твои? – спросил он бродягу и протянул ему для осмотра пару армейских тренировочных шорт.

– Неа, не нашенское. Никак, от солдат осталось. Слышь-ка, приятель, – голос его вдруг зазвучал дружелюбно и уговаривающе, – а у тебя полкроны лишней, часом, не найдется? А то у меня, вот ей-богу, один несчастный фартинг.

Рейнард сунул руку в карман и протянул ему полкроны.

– Ох, ну ты прям молодчина – вот спасибо те, кореш. Ты меня выручил будь здоров... Прости уж, помочь я те не могу – ты, видать, не туда притопал... Сам-то ты куда путь держишь?

– Я – никуда, – пробормотал Рейнард. Он вдруг почувствовал огромную усталость, будто перенес долгое и изматывавшее его нервы физическое испытание.

– Ну видок-то у тя, будто ты отмахал порядком, – заметил мужчина. Внезапно он протянул левую руку, чтобы поправить свечу, с которой почем зря капало

на пол. Перед напряженным, пристальным взглядом Рейнарда со странной галлюцинаторной отчетливостью предстала голая рука; в нем проснулось незапное возбуждение, едва он узнал впечатанный в белую кожу рисунок, идентичный тому, который, как ему вспомнилось, он видел у Спайка Мандевилла и некоторых других мужчин в «гимнастическом зале»: си-не-красная змея, обвившая обнаженный меч.

– Присел бы ты, что ль, – пробурчал мужчина. – Видок-то у тебя больно неважнецкий. Я тут какавы собрался сварганить – дак и те плесну, коли хошь.

77

Уступив неборимой слабости, Рейнард опустил на грудь мешков. Мужчина встал и принялся готовить ужин. Должно быть, Рейнард задремал, потому что, когда он снова очнулся, его знакомец протягивал ему кружку с дымящимся какао.

– Держи-ка, кореш, – сказал он с грубоватым добродушием.

Рейнард его поблагодарил: голос ослаб, говорить удавалось только шепотом.

– Да ну, друган, ты ж мне подсобил, а я таких делов не забываю. Видок-то у тебя больно чудной – чевоы ты такое говорил там про спортзалы да про войска? Ты послушать – дак прям чудные дела – я уж думал, ты с приветом, чесслово.

Выпив какао, Рейнард почувствовал, как к нему разом вернулись силы. Им овладело странное ощущение благополучия: сидя на груди мешков и хлама, в обезлюдевшем остове «гимнастического зала», за компанию с бродягой, он впервые за последнее время испытывал такое довольство и покой.

– А кого-ты искал-то? – с любопытством повторил мужчина: его неужоженное, но не отталкивающее лицо, склонившееся над Рейнардом в тусклом свете, выглядело испытующим, однако же добродушным. Рейнард испытал внезапный порыв довериться бродяге. Вреда в этом не было; да и его знакомец (меченый

изображением, которое, как уверился Рейнард, было отличительным знаком учебного батальона), вероятно, мог и сам кое-что знать об условиях записи или даже о местонахождении Роя.

78 Сбивчиво, с многократными остановками и повторами, он начал излагать свою историю; он понимал, что она, должно быть, звучит как бред сумасшедшего. Однако, усвоив основные детали, бродяга, похоже, счел ее понятной и вразумительной. Обретя уверенность, Рейнард рассказал ему о своей болезни («То-то я подумал, видок у ты неважнецкий»), об исчезновении Роя и о приближающемся дне записи.

– Первого декабря, говоришь? – эхом откликнулся мужчина. – Э, кореш, по мне, дак бросил бы ты это дело. Они и меня заполучить хотели, да я уж шесть годков отвоевался – в Африке, в Италии, в Германии и черт-те где, – так что с меня довольно. Мне и на гражданке-то не худо, хоть бы и шляться, как щас – работенка-то есть, для охочих, а мне впрягаться пока не к спеху... Слышь, кореш, коли те податься-то некуда, можешь хоть тут ночлежить – на двоих-то нам места хватит.

Рейнард представил себе, как будет шагать в потемках к шоссе, возвращаться в Глэмбер и долго ехать домой в Прайорсхолт, – предложение бродяги казалось необычайно заманчивым. На него мертвым грузом навалилась усталость: даже поднять руку и посмотреть на часы казалось непомерным усилием.

– Ну дак чё? – повторил его странный хозяин.

– Ладно, – слабо согласился Рейнард. – Я останусь.

– О'кей – вместе-то оно теплее будет, – радушно пообещал бродяга. Мешки и солому переложили заново; Рейнард снял пальто и галстук, и, загасив свечу, мужчины улеглись бок о бок.

Какое-то время они бессвязно переговаривались, обмениваясь короткими фразами: Рейнард снова сонно поинтересовался насчет записи, в робкой надежде,

что его знакомец, быть может, все же сообщит ему нужную информацию. Однако бродяга, похоже, ничего не знал ни о призывном пункте, ни о процедуре записи. Мало-помалу мысли Рейнарда перетекали в сновидения: он снова брел, спотыкаясь, по темнеющим лугам в поисках барака; снова толкал дверь и видел одинокую свечу и неясную фигуру за ней – но на сей раз окликнувшим его мужчиной был не бродяга, а Спайк Ман-девилл, боксер... Потом ему снилось, что он вернулся домой и обнаружил мать на кухне; она сидела к нему спиной, и он не сразу смог привлечь ее внимание. Когда же, наконец, ему это удалось и она к нему обернулась, он с ужасом увидел, что лицо ее обезображено какой-то отвратительной болезнью... Он проснулся в испарине, со странным чувством морального падения, осязая лежащее рядом тяжелое тело и теплое дыхание бродяги на своем незащищенном лице.

II

ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ

80 Проснувшись снова, Рейнард увидел, что в окна барака струится серый и безрадостный дневной свет; повернув голову, он с удивлением обнаружил, что его сосед исчез. Он глянул на часы: четверть девятого – надо было поторапливаться, если он хотел вовремя успеть в банк. Он деревянно встал с импровизированной постели и вышел из барака, отчасти ожидая, что крадущаяся фигура бродяги все еще виднеется в окрестностях лагеря. Тот, однако, пропал, а вернувшись внутрь, Рейнард обнаружил, что он, похоже, уничтожил и все следы своего пребывания.

Утро было зябким и пасмурным, предвещая дождь; когда Рейнард зашагал к шоссе, завеса тумана напозла на высокое плато, скрывая очертания Римского Лагеря и окутывая бараки, так что ночное приключение стало обретать для него нереальный характер сновидения. Вскоре после того, как он наконец вышел к дороге, ему посчастливилось сесть на ранний автобус, идущий в город; его первой заботой по приезде было побриться, и довольно скоро он нашел уже открытую в этот час парикмахерскую. И только после того, как его побрили и он выгреб из карманов всю оставшуюся мелочь, ему пришлось в голову проверить нагрудный карман, чтобы убедиться, на месте ли бумажник.

Карман был пуст.

Потеря удивила его не слишком: неспроста бродяга ушел так рано. Рейнард уныло признал, что винить в этой задаче приходится только себя. Стоя у парик-

махерской, на пустой улице, он вдруг ощутил себя совершенно и безутешно несчастным: не столько из-за кражи денег (с которой он мог легко смириться), сколько из-за более значительной и непоправимой потери. С ясностью озарения ему припомнилась странная встреча в бараке: грубоватое добродушие бродяги, предложенные им «какава» и постель, внезапно зародившееся доверие и краткая, мимолетная приязнь между ними, двумя отверженными. Доверие и даже приязнь были искренними – в этом Рейнард и поныне был глубоко убежден; однако им не суждено было пережить ночь: рассвет принес обман, и преждевременный цветок увял в бутоне.

81

До прихода в банк Рейнард у оставалась еще четверть часа; он воспользовался этим, чтобы позвонить соседу в Прайорсхолт и оставить для матери сообщение о том, что накануне он допоздна задержался в банке и принял предложение переночевать в городе. Мысль о матери, ждавшей его вчера вечером и приготовившей ужин и постель, наполнила его непривычной жалостью к ней, и он решил (как делал уже не раз) впредь уделять больше времени и внимания ее благополучию; однако, не успел он принять это решение, как умом его (безо всякого осознания противоречия) снова завладела проблема грядущей «записи». И опять он обратился мыслями к предыдущему вечеру, припомнив, как специально для своего знакомого изложил вкратце беспорядочные события последних недель; как ни странно, бродяге его история была, казалось, не так уж непонятна; мужчина чуть ли не признал, что ему и самому кое-что известно про загадочный «батальон». Или же он просто потакал своему визитеру, возможно, намереваясь воспользоваться его доверием? Так или иначе, оставался тот факт (более вещественно значимый, чем простые слова), что на руке бродяга носил метку сподвижников Роя – змею и меч.

День прошел, а Рой в банке так и не появился. На следующее утро Рейнард ушло в голову, что есть простой способ разведать, здесь Рой или нет. Всего-то и требовалось выяснить, по-прежнему ли у капитана Арчера есть счет в их банке или же его перевели в другое место.

82 Заговорив об этом невзначай с Тедом Гарнеттом, Рейнард узнал, что капитан Арчер («он ведь теперь майор», – сказал склонный к снобизму молодой клерк) несколько недель назад и правда перевел счет в отделение банка в столице графства. Из этого открытия Рейнард сделал немедленный вывод: если Роя направили в N, представлялось вероятным, что запись первого декабря будет проходить именно там – по-видимому, в объединенном призывном пункте. Что же ему делать? Первое декабря приходилось на вторник – значит нужно просить дневной отгул, что без убедительной причины нелегко. Если действовать в открытую и сообщить о своем намерении управляющему, то потребуются уведомить его официально; а вдруг, сделав это, Рейнард не сумеет разыскать призывной пункт или же его сочтут непригодным? Вся эта затея изобиловала трудностями; Рейнард решил, что лучше всего будет позвонить на работу во вторник утром и сказать больным; тогда он сможет съездить на автобусе в N и, если его попытка окажется неудачной – вернуться в банк на следующий день, избежав лишних распросов.

Однако, по мере того как месяц близился к концу, Рейнард замечал, что ему все меньше и меньше хочется ехать в столицу графства – хотя бы потому, что он по-прежнему не мог вспомнить указания насчет времени и места, объявленные тем вечером в «гимнастическом зале». Предположение о том, что запись будет проходить в N, – поскольку Рой перевел туда свой счет – было чистой воды догадкой. Вспомнить бы только это объявление! Он напрягал голову, но безуспешно; на-

сколько ему запомнилось, выступавший назвал какую-то определенную канцелярию или комнату, обозначив ее чем-то вроде кода или шифра, но сама нужная комбинация от Рейнарда по-прежнему ускользала.

В Глэмбере, по пути в банк и обратно, а также во время обеда, он старательно приглядывался к людям на улицах, надеясь узнать в лицо кого-нибудь из мужчин, с которыми он тренировался в Римском Лагере. Однажды он увидел молодого человека, показавшегося ему знакомым, и какое-то время шел за ним следом, но в последний момент не решился окликнуть. И еще, как-то вечером, проходя мимо открытой двери паба, он готов был поклясться, что увидел силуэт Спайка Мандевилла у стойки, – но робость и на сей раз помешала ему войти и назваться.

83

В следующие несколько дней установилась непривычно холодная и противная погода; может быть, подспудно желая закалиться для армейской жизни – на случай, если он запишется, – Рейнард стал вечерами совершать долгие прогулки, понуждая себя к ним, несмотря на усталость, и стойко игнорируя проливной дождь с ледяным ветром.

Днем в субботу, двадцать восьмого ноября, он отправился на более дальнюю, чем обычно, прогулку. Ветер утих, и дождь на время перестал; стоял странный покой, будто все вымерло: жизнь словно покинула леса и поля, птиц и зверей не было видно и слышно, а поздние растения живых изгородей пожухли и увяли из-за недавних морозов. Припомнив загадочные намеки Роя и вновь отдавшись власти детских воспоминаний, он непроизвольно зашагал на юго-восток, по направлению к местности, не отмеченной на карте и известной как Клэмберкраун. Выйдя из деревни по узкой, окаймленной деревьями дороге, он поднялся к бровке долины, где дорога пошла краем большой буковой рощи. Как всегда, когда его прогулка лежала в этом направлении, он пошел напрямик через лесок

по узкой тропинке, вьющейся среди буков и местами заросшей низким кустарником. Ему то и дело приходилось ступать с осторожностью, так как кусты и ползучие растения кое-где разрослись поверх окопов, вырытых солдатами в войну да так и не засыпанных. Лесок тогда, в сущности, превратился в резервную позицию батареи ПВО, размещенной в доме местного сквайра; укрепления в нем, впрочем, так никто и не обжил, поскольку это предполагалось сделать лишь в случае отступления перед силами захватчиков.

Ближе к центру рощи тропинка расширялась, и здесь, под подлеском, был виден чистый мел. Несколько диковинных холмиков, похожих на курганы, окружали центральную площадку: на самом деле это были землянки, и при более тщательном осмотре можно было обнаружить их входы – отверстия в грудях мела, сейчас полускрытые осенним наносом буковых листьев. Над самой большой землянкой была прибита к буковому стволу табличка с намалеванными краской словами: СПАЛЬНОЕ РАСПОЛОЖ. РЯД. И СЕРЖ. СОСТАВА.

Заброшенный, так и не обжитый «лагерь» выглядел необычайно опустелым, служа напоминанием о катастрофе, которой не суждено было свершиться; в полых холмах, наполовину засыпанных листьями, читалось, несмотря на их опустелость, некое странное ожидание, словно их покинутость была лишь временной. Идя через лесок, Рейнард услышал вверх самолет – его пульсирующий, гипнотический гул словно давил ощутимым весом на неподвижный воздух между буками.

У самой большой землянки Рейнард вдруг приостановился, не впервые охваченный любопытством. Проходя здесь и раньше, он частенько испытывал желание обследовать одно из этих необычных подземных жилищ, но так до сих пор и не сподобился это сделать. В основном, из-за обычной лени: затея казалась едва ли стоящей того, чтобы сходить с тропинки и, согнувшись, пролезать под низкую перемычку «двери», веду-

щей в землянку. В конце концов, там могло не оказаться ничего интересного: нанос буковых листьев под меловым сводом да, быть может, пара жестянок... Однако его любопытство не проходило и сегодня вновь напомнило о себе. Удовлетворить этот каприз было бы легко – всего-то и требовалось сделать пару шагов вбок от тропинки и шаг вниз на кучу палых буковых листьев; но в который раз это поистине ничтожное усилие показалось ему чрезмерным. Глупо, сказал он себе, напрасно пачкать ботинки, чтобы всего-то постоять минуту в этом склепе под меловым подножием рощи.

85

Однако сегодня он задержался у большой землянки дольше обычного. Стоит или не стоит зайти внутрь и обследовать ее? На сей раз вопрос казался исполненным какой-то доходящей до абсурда серьезности. Он стоял у входа, под недвижными, роняющими капли деревьями, сознавая невыносимый конфликт между положительным и отрицательным полюсами своего бытия. Магнетическая тяга каждого из них почти в точности уравнивалась притяжением другого, словно бы для того чтобы совсем парализовать волю Рейнарда. Пока он так стоял, ему казалось, что воли у него и правда не осталось: ему изменила даже способность двигаться, и он прирос к меловому подножию леса так же крепко, как и сами буки. Вот, должно быть, каково, решил он, ощущать себя буковым деревом; и опять почувствовал, как начинается знакомый процесс – центробежное распыление индивидуальности, «разстановление» самого себя. Это повергло его в отчаяние: он подумал, что так и не найдет таинственный призывной пункт и никогда уже, возможно, не увидит Роя; ничего теперь ему больше не оставалось, кроме этой монотонной, ограниченной жизни, которую он ненавидел, но от которой, похоже, не было надежды спастись.

В последнее время Рейnard снова стал регулярно курить и теперь зажег сигарету. Табак, как обычно,

был безвкусным – брезгливым жестом он отбросил окурок и двинулся дальше. Выйдя из рощи, он прошел через луг с росшими кое-где деревьями, пересек железную дорогу и зашагал по тропинке, ведущей меж высоких нестриженных живых изгородей к лесистым холмам, очерчивающим горизонт. Он здесь уже давненько не бывал и теперь отмечал небольшие изменения в пейзаже: тут срубили деревья, а там распахали несколько акров пастбища. Он также заметил пару других новшеств, подыскать объяснение которым было труднее: по краю одного поля выросло хитроумное заграждение из колючей проволоки, а чуть дальше, в рощице, было вырыто несколько траншей. Возможно, траншеи и проволока остались с войны; однако он не помнил, чтобы они были здесь, когда он приходил сюда в прошлый раз.

Рейнард упрямо шагал вперед, через сырые, голые перелески. Самолет, который он слышал в роще, похоже, все еще кружил вверх, невидимый на большой высоте. Его упорное гудение стало неотъемлемой частью дня, и Рейнард спустя какое-то время перестал его замечать. Чуть погодя он миновал маленькую ферму: прислонившись к калитке, там стоял солдат – он настороженно смотрел на Рейнарда, шагавшего мимо. Вид одетой в хаки фигуры слегка встревожил Рейнарда; солдат, несомненно, был в увольнении, однако это объяснение отчего-то казалось не вполне удовлетворительным.

Через полмили лесочки закончились, и тропа вышла на высокое плоскогорье с пастбищами. Поодаль слева вниз уходила долина; за ней лежали лесистые холмы, скрывавшие бесформенную, неопределенную территорию Клэмберкрауна. Чтобы до них добраться, требовалось прошагать еще с час, и Рейнард решил повернуть назад. Почти сразу же его внимание привлекло нечто похожее на скопление круглых палаток рядом с опушкой леса на дальней стороне долины; однако уже поднимался вечерний туман, и на таком расстоя-

нии четко различить предметы было невозможно. «Палатки» могли быть небольшими стогами сена; уж конечно, не имело смысла шагать еще три мили, чтобы рассмотреть их поближе.

Самолет упорно гудел вверху, пока Рейнард возвращался перелесками домой. Когда он проходил мимо фермы, то заметил, что из окна наверху высунулся солдат и смотрит на него все так же настороженно; однако, приглядевшись, он с удивлением обнаружил, что это не тот солдат, которого он видел раньше. И действительно, сходства между ними не наблюдалось: первый был чисто выбрит, а этот носил усы, и волосы у него были разделены прямым пробором. Странно, подумал Рейнард, что двое в семье получили увольнительную одновременно – и все же это казалось единственным разумным объяснением.

87

Прошли выходные, и в понедельник Рейнард вернулся в банк. Работы оказалось необычайно много, и очевидно было, что и вторник выдастся напряженным; вряд ли ему удастся отпроситься на день без действительно неотложной причины. Рейнард заметил, что в мыслях у него возникла знакомая двойственность: он наконец-то осознал, что «запись», назначенная на завтра, была для него неосуществима, – и в то же время продолжал думать и действовать так, словно она была не только возможна, но и неизбежна. Он совершенно не представлял себе, как найти призывной пункт, и к тому же начинал уже склоняться к мысли, что вся эта затея – какой-то хитроумный розыгрыш, устроенный Роем Арчером. И все же, вопреки здравому смыслу, Рейнард упорствовал в своей вере.

В ночь на вторник он спал мало. Казалось, в окрестностях объявилось необычайное количество самолетов: их низкий, вибрирующий гул не утихал всю ночь, преследуя Рейнарда воспоминаниями о его субботней прогулке.

В конце концов наступил рассвет, бессолнечный и унылый, – утро вторника, первое декабря. Рейnard поднялся как обычно, приготовил себе завтрак и отправился в банк. Он ощущал неприятную усталость после бессонной ночи, но ум его был непривычно спокоен. В банке он проработал с обычным успехом до половины первого, когда, как правило, уходил на обед.

88 Сегодня, однако, вместо того, чтобы, по обыкновению, отправиться в «Чайную Шэмрок», он зашагал к мэрии. Если в последний момент его и посетила надежда на возможную встречу с Роем Арчером, то она была обречена на крушение. Пока он стоял у остановки, пришел автобус на Прайорсхолт, и он испытал страстный позыв прогулять работу и удивить мать, приехав домой пораньше. По странности, этот позыв, казалось, имел своим источником и средоточием металлическую пластинку, прикрепленную сзади к автобусу; на ней стояла непонятная надпись в виде официального кода – вероятно, что-то вроде обозначения маршрута автобуса или его местонахождения в Парке Глэмберской Транспортной Компании. Черные знаки почему-то отпечатались в сознании Рейнарда с необычайной яркостью, хотя в тот момент он не мог подобрать этому разумного объяснения. Автобус, как он заметил, был в такой час непривычно набит – в основном, молодыми мужчинами; вероятно, это были рабочие, возвращавшиеся с какой-то ранней смены. Он неохотно повернул назад и пошел в «Чайную Шэмрок». Тот факт, что он устоял перед позывом прогулять работу, поселил в нем ноющее чувство вины. Терзаться было совершенно не из-за чего; более того, ему как раз следовало бы праздновать моральную победу; однако это чувство, нарастая, преследовало его до вечера.

Как он и ожидал, ему пришлось задержаться в банке, и домой он собрался только в пять. Он обнаружил, что теперь может думать о своей «записи» спокойно

и отстраненно; в конце концов, он сделал все, что мог, и если не сумел сдержать «обещание» Рою – как он это все еще иногда про себя называл, – то не из-за недостатка готовности. И все же теперь, почти под конец дня, он невольно испытывал некоторое облегчение, оттого что мог, как и раньше, распоряжаться своей свободой.

Дома все было как обычно. Миссис Лэнгриш готовила ужин, а потом Рейнард сел за пианино и сыграл сонату Моцарта и несколько прелюдий Дебюсси, которые его мать, прежде чем оглохнуть, в особенности любила. Позже, решив подышать свежим воздухом, он пошел прогуляться. Почти машинально он свернул на ту же дорогу, по которой проходил в субботу; стоял безветренный вечер, моросил дождь, и Рейнард снова подумал, каким угрюмо-безжизненным выглядит все вокруг. Природа забылась глубоким сном: через месяц или около того сквозь палые листья бука пробьются первые ростки, в сумерках запоют птицы, но сейчас стоял мертвый сезон, и жизнь затаилась под землей, в скванной льдом темноте, без движения и звука.

На вершине дороги Рейнард, по обыкновению, свернул в лесок – и сразу же несколько болезненных уколов в голени и бедра заставили его отскочить назад; брючная ткань распоролась и порвалась, и, чиркнув спичкой, он увидел, что вошел прямо в свежевоведенную ограду из колючей проволоки. Брюки его были разодраны, царапины на ногах саднили; дрожа от шока и внезапно вспыхнувшего гнева, он отступил на тропу и едва не выругался вслух, но его удержало какое-то странное подозрение: в этот миг он был убежден, что в роще он не один – кто-то или что-то присутствовало, смотря и слушая, среди промокших голых деревьев.

Шагая обратно по дороге, он вновь услышал привычный гул самолета, и где-то далеко на горизонте, к юго-востоку, луч прожектора заскользил по лохма-

90 тым, налитым дождем облакам. Бесшумный, словно вымерший вечер давил на деревню мягким, но ощутимым весом; на улицах ничто не шевелилось, горело лишь несколько огней. Из окон паба «Мотив сменился» струился слабый свет и доносился приглушенный шум голосов. Ужасно устав и ощущая себя отчего-то выдохшимся и еле живым, Рейнард медленно плелся к дому. Вдруг, безо всякой видимой причины, в голове у него сверкнула картинка – явственная и яркая, словно вспышка спички: он опять увидел металлическую пластинку сзади автобуса на Прайорсхолт и на ней закодированную надпись: она, как Рейнард с удивлением обнаружил, припомнилась ему сейчас совершенно четко. И в тот же миг к нему вернулось другое, более давнее воспоминание: он снова слушал объявление в гимнастическом зале у Римского Лагеря... *Годный личный состав должен явиться на призывной пункт, отдел Х.19...*

Несколько минут Рейнард стоял застыв на окутанной тьмой улице – сердце у него колотилось так, что чуть не выскакивало из груди. Отдел Х.19: официальный шифр сзади автобуса, показавшийся ему тогда отчего-то странно значимым, совпадал с кодовым обозначением призывного пункта. Как он мог тогда не догадаться? Теперь же он вспомнил и еще кое-что, будто голос проговорил это снова: должен явиться на призывной пункт, отдел Х.19, до 16:30...

Механически, чувствуя тщетность этого действия, он посмотрел на часы: полдевятого. Даже если бы он смог добраться до центра, теперь было уже слишком поздно: час «Ч» прошел, он упустил свой шанс – свой единственный шанс – спастись.

Медленно, во власти безутешного отчаяния и угрызений совести, которые, как он знал, будут преследовать его до конца жизни, побрел он к освещенным окнам материнского дома.

Кустик смиренный

В последующие недели Рейнард испытал все симптомы, от которых страдает человек, перенесший нервное потрясение: он чрезмерно уставал даже от небольшого усилия и каждый день к вечеру чувствовал себя измотанным, однако ночью не мог уснуть; он становился все более раздражительным с коллегами по банку и даже с матерью; малейшая неудача вызывала у него несоразмерную эмоциональную реакцию, и затерявшегося карандаша или сломавшейся спички было достаточно, чтобы на глазах у него выступили слезы. Пустячные действия исполнились огромного, чреватого мировым потрясением смысла; для него стало почти невозможным принять хоть какое-то решение, сколь бы незначительным оно ни было: даже выбор в обед между чашкой чая и чашкой кофе казался равнозначным выбору между спасением и проклятием.

И все же постепенно, по мере того как шли недели, к нему стало возвращаться спокойствие. Врач, к которому он обратился, пожаловавшись на «разбитость», выписал ему «Сироп Истона»^{*}; к тому же, Рейнард сохранил привычку совершать долгие прогулки по выходным, и к Рождеству начал – по крайней мере физически – чувствовать некоторое улучшение.

^{*} Густой сироп, содержащий фосфаты железа, хинин и стрихнин. Изобретен Дж. А. Истоном (1807–1865); назначался в качестве успокоительного и общеукрепляющего средства при анемии, неврастениях и во время выздоровления после острых заболеваний.

92 Прошло Рождество: в доме Лэнгришей его отпраздновали самым незатейливым образом; наступил январь с первыми подснежниками в саду и первым оперением молодой зелени на живых изгородях. На прогулках Рейнард – возможно, просто из-за недостатка инициативы – все чаще выбирал дорогу, идущую вдоль рощи и пересекавшую рельсы; однако он уже не заходил так далеко, как в тот раз, когда увидел на ферме солдат, – теперь он предпочитал за железной дорогой сворачивать направо и возвращался домой другим путем.

Рощу на вершине дороги огородили колючей проволокой, с которой у него и состоялось болезненное знакомство в тот вечер первого декабря. Ограждение – очевидного объяснения которому, похоже, не имелось – было грозным препятствием, труднопреодолимым для того, кому вздумалось бы нарушить границы территории, ставшей теперь, по-видимому, частной. Рейнарда проволока странно раздражала: не то чтобы он особо любил рощу, но срезать через нее дорогу вошло у него в привычку, и он был возмущен тем, что лишился этой маленькой привилегии. То была одна из множества мелких незадач, которые, при нынешней нервозности Рейнарда, могли чрезмерно его рассердить или огорчить.

Как-то воскресным днем, в начале февраля, он вышел на прогулку раньше обычного. Стояла пасмурная, безветренная погода; под живыми изгородями и вдоль окраин полей все еще лежали полоски снега от случившейся на неделе пурги; крупные капли вяло, с печальной неохотой, падали с не оттаявших до конца деревьев на заледенелую тропу и промокшие растения оград.

Дойдя до вершины узкой дороги, Рейнард остановился и оглянулся на деревню – та лежала прямо под ним, вытянувшись вдоль долины: неправильное, удли-

ненное скопление красных черепичных крыш. В одном конце высилась башня церкви, полускрытая окружающими деревьями; рядом с ней, на небольшой возвышенности, стоял материнский дом – до боли знакомый, непреложный центр его жизни, которую он ненавидел и из которой, как он предполагал, ему никогда не вырваться.

Огибая рощу, Рейнард без особого любопытства глянул на крутой склон, вздымавшийся над тропой: там, среди разрозненных пятен снега, он увидел глянцево-зеленые стрелы аронника, пробившиеся сквозь палые листья, и зазубренные изящные ростки пролесника. Он без малейшего интереса отметил, что зеленые побеги немного выросли с прошлой недели: все же он привык наблюдать за сменой времен года – однако в последнее время эта склонность стала чисто автоматической, и мысль о наступающей весне едва ли доставила ему подлинное, спонтанное удовольствие.

На вершине тропы, там, где она заворачивала за рощу, были ступеньки через изгородь, шедшую по краю поля. Рейнард на минуту прислонился к перильцам, чтобы отдохнуть. Постепенно ему стало казаться, что холодный, безмолвный день словно бы смыкается вокруг него, лишает свободы; он понял, что подступает давний процесс «дробления», ощущение, будто его сознание неумолимо и безудержно рассыпается по периметру большого и все растущего круга.

Он закурил. Табак, как всегда, был безвкусным; может быть, подумал Рейнард, ему уже никогда не суждено снова почувствовать вкус сигареты. Смирившись с неуклонным притуплением ощущений, он выкурил полсигареты и отшвырнул окурки. В этот момент он острее, чем прежде, осознал процесс идущего в нем распада и испытал странный и непривычный порыв ему уступить. К чему бороться, поддерживая равновесие и соразмерность жизни, которую он все больше ненавидел? Он бы предпочел любое бегство, даже

бегство в ничто. Им овладело необычное безрассудство – страстное желание уступить любому порыву, хоть раз отбросить наложенные на себя ограничения, обрекавшие на каждодневную нудную рутину.

94 Разыгралось ли у него воображение, или вдруг стало темнее? Это, конечно, могло произойти в согласии с естественным порядком вещей: в такую погоду сумерки наступали рано. Но было никак не позже полчетвертого, а сейчас, в феврале, небо было еще светлым в полпятого, а то и в пять. Возможно, сгустились облака; так или иначе, и правда потемнело. Роща лежала высоко на бровке долины, но освещение в эту минуту померкло, словно Рейнард оказался в какой-нибудь густо заросшей лесом горной низине, где солнце – редкий гость.

Отбросив это впечатление как чистой воды фантазию, Рейнард собрался было двинуться дальше вдоль границы леса. Внезапно он вспомнил про старую привычную тропу под деревьями, по которой раньше срезал путь, и его охватило яростное раздражение на нелепую помеху из колючей проволоки, преграждавшую ему дорогу. Он решил, что сегодня пойдет напрямик, и принялся довольно неловко штурмовать ограждение. Это оказалось даже труднее, чем он предполагал: проволоку натянули так хитроумно, что почти нигде невозможно было ухватиться за ограду. Тот, кто ее воздвиг, несомненно, преуспел в том, чтобы отвадить нарушителей. Рейнард продолжал упорствовать, и в конце концов ему удалось перелезть на другую сторону: ценой длинной прорехи на брюках, еще одной – на пальто и нескольких болезненных царапин.

И тут на него нахлынул странный восторг и такое чувство легкости, словно он сбросил с себя какой-то тяжкий груз. Он двинулся через лесок, думая о том, какое это приятное место и до чего же нелюбезно со стороны владельца запретить через него ходить. Чуть погодя он дошел до большой землянки, у которой уже

столько раз останавливался и в которую уже столько раз был почти готов зайти. Его внимание привлек кустик ярких лоснящихся листьев у входа: в его восторженном состоянии они показались ему необычайно красивыми. Он узнал растение – это была травка, называемая смирнией; ранние ярко-зеленые листья, свежие и аппетитные, как весенний салат, раскинулись на меловой насыпи под готовыми распусться ветками бузины. Зная, что растение съедобное – по крайней мере, не ядовитое, – он сорвал сочный черешок и быстро его съел, испытывая особое наслаждение от сырого, земного вкуса, чем-то напоминающего сельдерей.

95

Это безотчетное действие словно бы отпустило в нем еще какой-то тормоз – его захлестнуло возродившееся чувство свободы, ощущение, что он внезапно избавился от некоего бремени. В просвет между гладкими серыми стволами буков он мельком увидел далеко в долине материнский дом и понял, что в этот миг его сердце дало окончательный отказ.

Он повернулся ко входу в землянку, которую прежде так и не удосужился обследовать из-за лени или озабоченности другим. Чувствуя, как в нем оживает бывшее любопытство, он шагнул вперед и, ни секунды не колеблясь, нырнул в растрескавшийся проем – вниз по паре-тройке ступенек, на ковер из буковых листьев внутри.

БУТОНЫ НАРЦИССОВ

96 Землянка, когда он в нее вошел, оказалась чуть ли не в точности такой же, как он и ожидал: пол был усыпан толстым слоем листьев, потолок нависал прямо над головой. Мгновение он стоял неподвижно, затем с некоторым удивлением сообразил, что с *другого конца землянки* просачивается дневной свет. Никогда раньше он не замечал, что у нее есть два входа; и действительно, он почти готов был поклясться, что это не так. Тем не менее, свет был виден – к тому же, казалось, что он пробивается снаружи несколько подальше от того места, где стоял Рейнард, словно землянку в свое время расширили, чтобы соорудить проход или крытую тропу.

Он с любопытством двинулся к свету. По мере приближения к нему пол круто пошел вверх – Рейнард вот-вот должен был снова очутиться снаружи. Однако, к его удивлению, источника света он достиг лишь через несколько минут: проход оказался гораздо длиннее, чем он предполагал.

Наконец он достиг проема и довольно неуклюже выбрался из землянки. На миг его охватило кошмарное чувство нависшей опасности, словно в каком-то страшном сне, где он падал в пропасть. Совсем как во сне, этого потрясения оказалось достаточно, чтобы Рейнард полностью очнулся – или, по крайней мере, объективно воспринял окружающее. Несколько секунд он не мог понять, где находится; потом, оглянувшись назад, различил холм землянки и буки над ним; между их стволами он смог мельком разглядеть обнадеживаю-

щие очертания деревенской церкви и высоких холмов за ней.

Он понял, что очутился на противоположном конце рощи: подземный коридор насчитывал из конца в конец как минимум полсотни ярдов. Казалось непостижимым, что на предыдущих прогулках он не заметил другой вход... Рейнард с любопытством двинулся прогулочным шагом вдоль лесной опушки и, войдя в ворота, окаймленные высокими живыми изгородями, ступил на тропу через кое-где поросший деревьями луг между рощей и железной дорогой. Но, едва миновав ворота, он, к своему изумлению, оказался лицом к лицу с солдатом – тот стоял навтыжку со штыком на ружье, словно готовый окрикнуть «Стой! Кто идет?».

97

Рейнард остановился как вкопанный, недоверчиво уставившись на фигуру в хаки. Солдат в ответ уставился на него: Рейнард увидел маленькие невыразительные свинячьи глазки на грубом красном лице.

– Покази-ка увольнительную, кореш, – сказал тот наконец.

Рейнард шагнул вперед.

– Увольнительную? – изумленно переспросил он.

– Так точно, приятель.

– Какая у меня может быть увольнительная – у меня ее нет. Я гражданский.

– Приказ – все увольнительные проверять.

Рейнарда захлестнул самый настоящий ужас: он помедлил, уверяя себя, что это не сон и восприятие ему не изменило. Унылые деревья спокойно высились на фоне зябкого пасмурного неба; в тишине чирикала птица; ничто в пейзаже не выглядело ни в малейшей степени странным. Тем не менее, часовой продолжал стоять перед ним, как скала, – враждебный и властный, преграждающий путь.

– Что за глупости, – запротестовал Рейнард с большей убежденностью в голосе, чем в душе. – Нету у тебя пра-

ва останавливать гражданских на общественной дороге да еще в мирное время.

– А это уж, парень, не мое дело. Давай-ка лучше покажи документ.

98 Тут к солдату подошел капрал и обменялся с ним парой слов. Рейнард остановился в нескольких ярдах от часового и потому не мог расслышать, о чем они говорят. Он увидел, как капрал бросил на него быстрый взгляд и кивнул солдату, затем шагнул к Рейнарду с начальственным видом.

– Придется пройти в караулку, – сказал он. Это был плотно сложенный мужчина со светлыми волосами, лет тридцати; вел он себя резко и официально, но без неприязни.

Рейнард не тронулся с места.

– Я – я не знаю, что все это значит, – пробормотал он. – Бред какой-то – нет у вас никакого права задерживать гражданских без объяснений.

Капрал старательно сохранял на лице начальственное выражение, лишь на миг позволив себе быструю ироничную усмешку.

– Давай, знаешь, без этого обойдемся, – сказал он. – Пройдем-ка лучше со мной тихо-мирно. Мне тут скандалов не надо.

Рейнард чувствовал, как яростно колотится у него сердце. Он на секунду опустил глаза, сделав величайшее усилие, чтобы собраться. Что значит это необычная проверка увольнительных? Что вообще военные здесь делают? По какому праву его хотят задержать? Он снова испытал ужас и глубокую, смутную убежденность в неминувости этой ситуации – чувство, что он *должен был знать*, отчего так случилось. Он напрягал память в поисках какой-нибудь подсказки, вспоминая свои «учения», странные намеки Роя на *тех*, неудачу с записью первого декабря... Неужто память ему отказала? Или все это – какая-то хитроумная шутка?

– Ну что, пойдём по-тихому? – повторил капрал. – Или тебе охота, чтоб я вызвал пикет?

В его тоне слышалась безошибочная властность – чем бы ни была эта история, на простой розыгрыш она точно не походила.

Рейнард собрался с силами и вновь посмотрел кап-ралу в глаза.

– Я хочу знать, по какому праву вы меня берете под стражу, – сказал он. Однако, произнося это, он понимал, что голос его отчего-то звучит не слишком убежденно. Он проклинал свою нервозность, мешавшую говорить твердо и властно, как и требовалось в такой ситуации.

Капрал нетерпеливо прищелкнул языком.

– Слышь, приятель, – повторил он. – Ты себе только жизнь усложняешь. Устав ты не хуже моего знаешь. Мне-то в этом радости мало, но у меня приказ, и препираться тебе тут последнее дело: давай-ка пройдем по-тихому, и всем будет спокойней.

– Понятия не имею, о чем речь, – ответил Рейнард. Сбитый с толку и раздраженный, он тщетно пытался говорить тверже, понимая, однако, что голос его звучит испуганно и пронзительно и что обоим военным это даже слишком хорошо заметно.

Капрал ненадолго погрузился в раздумья: он от природы был явно тугодум, но до крайности добросовестный.

– Слушай, парень, – сказал он, и голос его зазвучал убеждающе, почти доброжелательно, – для тебя же самого гораздо лучше пойти со мной по-тихому... Честно тебе говорю. Сам потом увидишь.

– Я же сказал, – воскликнул Рейнард, и от раздражения голос его зазвучал еще выше. – Не имею ни малейшего понятия, о чем речь. Почему вы мне не можете сказать, в чем дело, – что, трудно объяснить?

Лицо кап-рала внезапно потемнело: он будто внутренне собрался, готовясь перейти к действию. Руку

он протянул к свистку, прикрепленному шнуром к погону.

– Погоди, скоро узнаешь, – сказал он, и в голосе его послышалась новая, жестокая нотка. – Даю тебе еще один шанс: сам пойдешь в караулку или нам тебя отвести?

100 Рейнард молчал; его сознание обморочно валилось в невообразимые бездны. День вдруг словно померк: Рейнард качнулся вперед, будто по нему неожиданно ударили чем-то тяжелым, – и секунду спустя почувствовал, как капрал ухватил его за руку у локтя. В тот же миг он вдруг остро ощутил запах чужого тела: слабый животный душок высохшего пота, табака, застарелой мочи. Он осознал, что, шатаясь, идет через луг, а капрал по-прежнему сжимает его руку; ему стало ясно, что он, против своей воли, поддался какой-то непонятной и, вероятно, не вполне полномочной власти и фактически был уже пленником.

Они медленно шли через луг, минуя знакомый пояс деревьев; тут Рейнард впервые увидел, что широкий участок мелового пастбища, всего лишь в прошлое воскресенье бывший совсем пустынным, занят теперь под военный лагерь. Правильными рядами располагались круглые палатки, а на дальней стороне, у железной дороги, выросли ниссеновские бараки. Рабочая команда рыла траншеи; несколько человек подняли глаза, когда капрал с пленником проходили мимо, и один из них дружески, как сообщник, подмигнул Рейнарду. Солдаты были раздеты по пояс; в этот холодный зимний день их голые руки и плечи смотрелись, как показалось Рейнарду, до странного неуместно, «не по сезону» – словно бутоны нарциссов, слишком рано пробившихся сквозь заледенелую землю.

Рейнарда не оставляло ощущение кошмарного сна – и все же с каждым неуклюжим шагом он все более уверялся в подлинности происходящего. Хватка капрала на его руке и армейский душок, исходивший от

чужого тела, были слишком уж реальными для сна; и такими же, коли на то пошло, были набухшие почками живые изгороди, глыбы кремня, рассеянные по пастбищу, и кустик цветущей пурпурной яснотки на краю тропы. Яснотку он приметил в прошлое воскресенье, и теперь увидел, что за неделю она расцвела еще заметней.

Рейнард решил, что с капралом спорить бесполезно – лучше уж дожидаться случая и изложить свое дело начальству повыше. А может, он и правда страдает «провалами» в памяти? Это было вероятным и даже довольно утешительным объяснением – однако события последних часов да и, собственно, дней и недель предстали перед ним в безупречном порядке. Его не отпускали нестерпимые угрызения совести: какое-то отступничество, глубокое и постыдное упущение в нем самом завело его в этот тупик. Он также смутно ощущал, что течение времени неуловимо нарушилось: ему казалось, что он вошел в землянку месяцы, чуть ли не годы назад. А может, он улегся на кучу листьев и заснул? Путь от одного конца прохода до другого действительно показался ему на удивление долгим – однако он все время (в этом он был уверен) видел свет на другом конце...

Упорные попытки вспомнить крайне его утомили; он едва передвигал ноги и был признателен державшему его капралу. Они приближались к одному из ниссеновских барачков, на двери которого красовалась надпись: караульное помещение. Ко входу прислонился рядовой – бывалый солдат, судя по двойному ряду орденских планок, украшавших его китель. Что-то странно знакомое в его фигуре заставило Рейнарда взглянуть на него еще раз – и тут он неожиданно узнал красное лицо, рыжеватые волосы и рубцеватую шею: это был Спайк Мандевилл!

Спайк, однако, посмотрел на него совершенно незнающим взглядом и обратился к капралу.

– Здорово, капрал. Никак, опять из этих попался?
– Ага – у ворот взяли. Полковой старшина на месте?
– Так точно, капрал. Я ему только что чаю отнес.
– Отлично. Сейчас я этого парня к нему доставлю и оформлю, а ты его потом отведи в каптерку да сообрази ему там обмундировку.
– Сделаем, капрал.

102 Рейнард, парализованный усталостью, мог бы уснуть прямо тут же, стоя без поддержки в дверном проеме. Если бы ему сейчас предложили на выбор: вернуться домой как ни в чем ни бывало или же поспать где-нибудь здесь на кровати, он бы, несомненно, предпочел второе.

– Давай, парень, шагай, – сказал капрал, спускаясь впереди него по короткому проходу. – Слышь, – добавил он потише, – серьезно тебе говорю – не гони ты старшине пургу. Ему это не по нутру, можешь мне поверить.

Сразу же за этим открылась какая-то дверь, и Рейнарда провели в комнатку, обставленную под канцелярию. За столом сидел мощного сложения мужчина средних лет с цепкими голубыми глазами и щетинистыми усами.

– Что, капрал, еще один попался? Ладно, сейчас разберемся.

Старшина взял из боковой стопки чистый машинописный бланк, занес над ним авторучку и безразлично глянул на новоприбывшего.

– Фамилия? – спросил он голосом, не выражающим ничего, кроме желания разделаться с рутинным делом как можно скорее.

На Рейнарда вдруг накатила тошнота, голова у него шла кругом; он сделал последнее, предельное усилие собраться. Он ощущал почти необоримое искушение уступить, без дальнейших протестов сдаться этой власти, перед беспристрастными требованиями которой он был абсолютно беззащитен.

– Язык, что ли, проглотил? – спросил старшина, все еще держа ручку над чистым бланком.

Нетвердо стоя навытяжку, Рейнард помедлил, пару раз сглотнул и наконец заговорил.

– Я хочу знать, по какому праву меня сюда привели и почему меня допрашивают.

Старшина быстро глянул на него и снова устался в стол.

– Лучше б ты, сынок, жизнь себе не усложнял, – сказал он.

103

Рейнард глубоко вдохнул, понимая, что следующие его слова будут решающими: ему придется или окончательно смириться со своим абсурдным положением, или же пробиться в какую-то лазейку среди преград недоразумений и беспочвенных предположений, быстро смыкающихся вокруг него. Он должен высказаться сейчас – иначе будет слишком поздно; но чем отчаяннее искал он слова, чтобы выразить свое возмущенное непонимание, тем бесповоротнее дар речи ему отказывал. Сам язык словно бы обесценился: одно слово, казалось, стоило не больше другого, и ни одно из них не выражало того, что он хотел сказать.

– Послушайте, – выдавил он из себя наконец и поразился резкому, неестественному звуку собственного голоса.

– Ну что еще? – старшина снова бросил на него нетерпеливый взгляд.

– Послушайте, я думаю, что произошла ошибка – очень серьезная ошибка.

Старшина коротко рассмеялся.

– Никаких ошибок, парень, – во всяком случае, не с нашей стороны. Если кто-то и ошибся, так это ты.

– Что вы имеете в виду?

– То, что и говорю, сынок. Какая нынче ситуация, ты знаешь – так что ты здесь только по своей вине. Правда, я-то думаю, тебе оно так и лучше, но дело в том, что

мосты для тебя уже, так сказать, сожжены, и неплохо бы тебе с этим смириться.

– Но я не понимаю... Вы меня не можете заставить записаться: сейчас ведь не война. *Почему вы мне не объясните, из-за чего меня тут держат?*

Старшина цинично усмехнулся.

– Сам должен знать, – сказал он.

Рейнард помедлил.

104 – Послушайте, – сказал он спокойней. – Я хочу знать, почему меня зачисляют против моей воли. Я собирался записаться... первого декабря. Капитан Арчер мне вроде бы обещал – или почти что обещал...

– *Капитан* Арчер? – нетерпеливо перебил его старшина. – Какой такой капитан Арчер?

– Капитан Арчер – Рой Арчер – он...

– *Рой* Арчер?

– Ну да, он, может быть, теперь майор. Он сказал...

– Послушай, парень, единственный Рой Арчер, которого я знаю, это полковник Арчер, исполняющий обязанности командира района, так что думай, что говоришь.

– Но он был моим другом. Он... понимаете, я проходил курс обучения, с новым батальоном... Мы должны были записаться первого декабря, но я болел и...

– Ну теперь-то ты зачислен, – отрубил старшина, – так что кончай пороть чушь про полковника Арчера.

Рейнард снова показалось, что он видит страшный сон. Он смотрел на полное, обветренное лицо, одновременно сознавая, как смыкаются вокруг преграды. За окном, на фоне темнеющего неба спокойно высились голые, неподвижные в безветренном воздухе деревья.

– Но я не понимаю, о чем вы говорите, – пробормотал он утомленно. – Что, вообще, произошло? Почему вы...

Старшина резко его оборвал, сделав знак капралу.

– Достань-ка нам копию той инструкции военного совета – ну ты знаешь: Z – косая – семь – ноль – один.

Капрал шагнул к буфету, вытащил из какой-то папки отпечатанный документ и протянул его через стол.

Почти сразу же старшина принялся читать его вслух; относившийся к делу текст явно был довольно длинным, и он проговаривал его быстро, с особой монотонной интонацией, с какой зачитывал бы присягу или, допустим, предписание нарушителю. Какие-то отдельные фразы достигали сознания Рейнарда: что-то об «обязательной регистрации гражданских кадров... части на оккупированной территории уполномочены зачислять на военную службу или производить мобилизацию... вступающий в силу первого декабря... предписания на период чрезвычайного положения... под охраной армии на неопределенное время... дисциплинарные меры» – но об основном смысле всего отрывка он не мог составить ни малейшего понятия.

105

Наконец старшина закончил.

– Ну что, доволен? – спросил он, глянув на Рейнарда с иронической усмешкой.

Тот, ища опоры, прислонился к столу.

– Я – я желаю побеседовать с офицером, – пробормотал он. Преграды смыкались; во тьме его сознания повторялись все одни и те же слова: *слишком поздно... слишком поздно... слишком поздно*. Старшина откинулся на спинку стула.

– Ты, конечно, можешь просить о беседе с ротным командиром, – сказал он. – Но на твоём месте я бы бодягу разводить не стал. Seriously, не стал бы: ничего хорошего тебе от этого не будет, и, как пить дать, получишь только нагоняй за то, что у армии время отнял.

– Я настаиваю на беседе, – повторил Рейнард внезапно окрепшим голосом.

– Ладно, парень, – но не думай, что это будет сегодня. Я поговорю с ротным командиром завтра утром. А теперь, черт побери, давай-ка закончим с *этим*. – Он опустил глаза к бланку. – Фамилия?

Рейнард покачал головой, с трудом выдавливая слова из пересохшего, сжавшегося горла.

– Я отказываюсь – отвечать – на вопросы – пока мне – не устроят – беседу с офицером.

Старшина пристально на него посмотрел.

– Это твое последнее слово? – спросил он с любопытством.

Рейнард кивнул.

– Ну ладно, парнишка. Извини уж, но ты, знаешь, сам напросился... Ладно, капрал, – отряди-ка двоих в пикет. Нет, лучше четырех. Треугольник* в порядке? И предупреди рядового Мандевилла, пока будешь там разбираться.

Старшина неожиданно поднялся на ноги; он был массивно сложен и походил на боксера-тяжеловеса торсом и стойкой, как у гориллы. Он смотрел сверху вниз на Рейнарда с выражением, казавшимся почти жалостливым.

– Я полагаю, тебе известно, во что ты себя втравил? – спросил он мягко; затем, видя пустой непонимающий взгляд Рейнарда, добавил:

– На случай, если ты не знаешь, – своим поведением ты навлекаешь на себя дисциплинарное взыскание по статье 44 параграфа 6Б предписаний на период чрезвычайки. Теперь тебе ясно?

Рейнард покачал головой.

– Нет? Ну хорошо – я тебе скажу; но боюсь, что это твоё незнание ой как тебе отойдется...

Когда старшина заговорил снова, в его тоне слышалась странная неохота: будто он, из чувства долга, принуждает себя делать нечто, лично ему неприятное.

– Раз уж ты не знаешь, – продолжал он, – нарушителей по этой статье подвергают телесному наказанию в мере, не превышающей, – здесь его голос снова зазвучал монотонно-официально, – не превышающей двести ударов «кошкой».

* Приспособление из трех жердей (или алебард), воткнутых в землю и соединенных сверху, к которому в британской армии прежде привязывали солдат, подвергаемых телесному наказанию.

Рейнард, до которого стало доходить, посмотрел в его бесстрастные глаза.

– Ясно теперь? – буркнул старшина.

Рейнард пошатнулся, вдруг почувствовав дурноту.

– Вы не можете этого сделать, – прошептал он. – Вы не можете этого сделать – в британской армии такого нет – вы не можете...

– Боюсь, что можем, – прервал его старшина на удивление тихим, почти извиняющимся голосом.

В этот момент в комнату снова вошел капрал и с ним четверо мужчин. На них были шинели, ремни от снаряжения и краги, в руках они держали ружья с прижатыми штыками. Когда они, по команде капрала, грохнув каблуками, стали по стойке «смирно», Рейнард показалось, что от глухого стука тяжелых ботинок в его мозгу что-то распалось, словно лопнула последняя прядь каната, предав его в конце концов во власть полной анархии духа. И тут же он испытал необычайный спазм, подобие оргазма, сродни некому позорному и принудительному сексуальному акту. Этот миг прошел, лишив его последних жизненных сил. Голова у него закружилась, ему стало до ужаса дурно. Рядом со столом был стул – Рейнард кое-как его нашарил и сел так неловко, что соскользнул набок и тяжело рухнул на пол.

Поднявшись на ноги с помощью капрала, он ухватился за спинку стула и снова встретился взглядом со старшиной, который теперь смотрел на него вопрошающе, с какой-то сочувственной насмешкой.

– Ну что, хорошенько подумал? – спросил тот.

Рейнард кивнул.

– Ладно, – пробормотал он. – Я отвечу на ваши вопросы.

РАЗДЕТЫЙ ПЕРЕД СХВАТКОЙ

108 Анкета оказалась короткой, и с ней вскоре было покончено: имя-фамилия, адрес, род занятий, день рождения, девичья фамилия матери, адрес ближайшего родственника и так далее. Старшина заполнил последнюю графу со вздохом облегчения.

– Ну все, – буркнул он. – Времени ты у меня отнял черт знает сколько... Ладно, капрал, – заberi его и уладь там все. Смотри, чтобы ему дали нормальное снаряжение: завтра у нас построение в ремнях и крагах. И проверь, чтобы ему в медкабинете уколы сделали в девять ноль-ноль. И (повернувшись к Рейнарду) на случай, если ты, парень, не в курсе, все чины на время чрезвычайки размещаются в казармах. Ладно, с этим все.

Следующие несколько часов протекли для Рейнарда как-то несвязно, словно бы во сне; он невыносимо устал и большую часть времени и впрямь, должно быть, спал на ходу, выполняя требуемые действия с автоматизмом лунатика. Он помнил, что ходил на интендантский склад, где ему выдали обмундирование и одеяла; потом он вроде чего-то поел – ему припомнился котелок, наполненный жирным желтым рагу. В какой-то момент ему выделили койку в одном из ниссеновских барачков, и он обнаружил, что его сосед – не кто иной, как Спайк Мандевилл.

– Здорово, паря, – приветствовал его Спайк с веселым добродушием. – Ну как, обживаешься помалеху?

Рейnard повернулся к нему.

– Твоя фамилия не МанDEVИлл? – спросил он. – Спайк МанDEVИлл?

Спайк довольно кивнул, очевидно ничуть не удивившись тому, что Рейнард его узнал.

– Он самый, – ответил он. – Спайк МанDEVИлл – для друганов Спайк.

Рейнард поколебался, не вполне желая признаваться в знакомстве, о котором мог потом пожалеть.

– Я видел, как ты боксировал, – сказал он осторожно.

– А-а – давненько, небось.

– Несколько месяцев назад, в Ларчестере. Я тогда пришел с... я там был с другом – он меня взял в манеж.

– А, да, старый манеж – знаю его, – эхом откликнулся Спайк. – Как он, все стоит? Я там не бывал с тех пор, как батальон был в учебной части – лет пять уж, по-ди.

– Но я видел, как ты там дрался.

– Не, кореш, это не я. У меня уж пару лет как нормального боя не было.

– Но я тебя точно видел. Я отлично помню.

Спайк покачал головой.

– Чудно – иной раз такая путаница выходит, – сказал он. – Вот тебя я железно раньше видел, только не помню где.

– В бараке – наверху на холмах! – нетерпеливо воскликнул Рейнард. Почему бы, решил он, и не выложить карты на стол.

Спайк выглядел озадаченным.

– В бараке? В каком бараке?

– Ну ты же знаешь – барак, в котором мы тренировались – на глэмберских холмах, у Римского Лагеря. Ты там был одним из инструкторов.

– погоди-ка минутку. Что-то ты меня запутал. Глэмбер, говоришь, – а, да, понял. Это, небось, когда батальон там стоял в сорок первом.

– Да нет – это было-то всего несколько месяцев назад.

– Не, меня там быть не могло – я был в Кеттерике, куда нас сюда не перевели. Но инструктором я работал, это точно: новичков у нас было хоть отбавляй, и старшина полка тоже боксом увлекался, так что я обычно нескольких пацанов по вечерам тренировал.

– Ну да, – быстро откликнулся Рейнард. – А я приезжал с... – Внезапно он осекся, почувствовав, что говорить о Рое на людях, может быть, неразумно. – Я проходил обучение – должен был записаться первого декабря, но заболел.

– А, да? – ободрил его Спайк, не слишком заинтересованный, но явно расположенный быть дружелюбным. – Так вот, небось, где я тебя видел – давно это было, а? Лет десять назад. – Он прищелкнул языком. – Да, давненько.

– Но это было совсем недавно, – упорствовал Рейнард.

– Как время-то идет, а, – продолжал Спайк, казалось, едва замечая недоумение Рейнарда и разглагольствуя в одиночку исключительно для себя. – И война эта – шесть гребанных лет, а как вспомнишь, кажется, всего-то года два или три.

Сбитый с толку, Рейнард решил отложить тему их предыдущего знакомства до того времени, когда Спайк будет в настроении слушать. Речь боксера была довольно нечеткой, и Рейнард заключил, что тот, возможно, выпил. Ничем другим, похоже, нельзя было объяснить странные провалы в его памяти.

Рейнард механически стянул с себя гражданскую одежду и влез в грубую полушерстяную рубашку и штаны из хаки. Затем, по указанию Спайка, отнес свое тесьмянное снаряжение – ремень и краги – в санитарно-бытовую комнату и принялся за грязную работу по его отбеливанию. Усталость уже превратилась у него в своего рода патологическое состояние, которое он мог контролировать и даже в известной степени игнорировать; он, безо всякого разумного основания, связывал это со вспомнившимся ему рисунком на пред-

плечье у Спайка – змеей и мечом. Он был не слишком удивлен, увидев у большинства мужчин в казарме подобную татуировку.

При всей своей самодовольной невразумительности, Спайк был щедр на предложения помощи и без устали изливал поток дружеской, но исполненной раздражающего самомнения болтовни, на которую Рейнард оказался почти не в силах отвечать дружелюбно или – из-за крайней усталости – хотя бы связно. Он решил, что доверится Спайку попозже: уж кто-кто, а тот наверняка сможет объяснить ему фантастичные обстоятельства его пленения и последовавшего за ним «зачисления».

III

А между тем, сидя на корточках в бытовке, он старательно начищал свой новый ремень щеткой с «Бланко»* зеленоватого цвета. Ощущение полной безысходности его положения принесло ему странное облегчение; он снова был в армии – это, по меньшей мере, было фактом; почему и в силу какого необычайного стечения событий он тут оказался, осмыслению не поддавалось; но пока что, как минимум, ему следовало приспособиться к обстоятельствам.

Чуть позже он прилег на койку и, должно быть, на часок задремал; проснувшись, он обнаружил все того же Спайка, сидящего на соседней койке и занятого штопкой носков.

– Ну что, кимарнул? – спросил тот. – Тут с этим блеск: перебора точно у тебя не будет.

Рейнард сел на койке и, внезапно решившись, обратился к соседу; говорил он, однако, понизив голос, чтобы другим в помещении было не слышно.

– Слушай, – начал он, – ты не мог бы мне кое-что объяснить?

– Запросто – чем могу, помогу. Снаряжение собрал как надо?

* Торговая марка средства, использовавшегося в британской армии для отбеливания ремней и другого обмундирования.

– Да, спасибо, – я про другое. Дело в том, что... случилась, кажется... какая-то нелепая ошибка.

Спайк ободряюще кивнул.

– Ничего странного, – сказал он. – В этой долбаной армии чего только не бывает.

112 – Понимаешь, – продолжил Рейнард, – меня сюда доставили сегодня днем – совершенно неожиданно – я просто гулял, всего в полумиле отсюда – и – и – в общем, меня притащили к старшине полка и сказали, что я мобилизован. Все это как-то нелепо – то есть я вообще никаких предупреждений не получал...

Рейнард умолк, видя, что Спайк, озабоченный своей штокпой, слушает его вполуха. Он также сознавал, что излагает свою историю весьма несвязно; казалось почти невозможным найти нужные слова, соответствующие фактам: какое-то странное оцепенение тяготило его ум, превращая саму речь в проблему. Он знал, что его туманный и сбивчивый рассказ звучит, должно быть, фантастично и до смешного наивно.

– Понимаешь, дело в том, – продолжал он, тщетно пытаясь придать своим словам правдоподобное звучание, – дело в том, что все это явная ошибка – они наверняка не того схватили – может, решили, что я дезертир или еще кто. Что ты на это скажешь?

Но теперь Спайк, казалось, вообще перестал слушать, и, когда Рейнард с некоторым нетерпением повторил свои последние слова, тот глянул на него, удивленно вскинувшись, будто бы слегка возмущенный тем, что его потревожили.

Медленно и все более несвязно Рейнард повторил свою историю, заново описав произведенный капралом арест и детали последующего «зачисления».

Спайк, слушавший теперь более внимательно, был этим рассказом, казалось, не слишком удивлен.

– Точно, – сказал он. – Я видел, как ты входил – я тогда у караулки стоял. Они меня предупредили насчет тре-

угольника. Они двух или трех таких поймали за вчера-позавчера.

– Да, но почему? – воскликнул Рейнард. – Вот что я хочу знать. Войны-то нет – или, если есть, я об этом ничего не знал. Они все твердят про «чрезвычайку», но никто ведь не объяснит, что все это значит. А я хочу знать, почему конкретно я вообще здесь оказался.

Спайк пожал плечами и понимающе подмигнул.

– Это нам, кореш, всем бы охота знать. Нынче дела такие, что обычным парням, вроде нас с тобой, ни хрена в них понять не светит. Я тебе скажу, кореш, му- 113
тотня эта у меня уже вот где сидит; только от жалоб толку никакого – сам знаешь не хуже меня, ты ж бывалый. У меня раньше тоже кой-какие претензии были: я в эту хренову канцелярию ходил, бляха-муха, каждое утро по целому месяцу – и чего добился? Да ничего.

– Да, но... – Рейнард поколебался и решил попробовать другой подход. – Ты понимаешь, – начал он, – мне кажется, у меня случилась какая-то болезнь – потеря памяти или не знаю что – и вот я, понимаешь, вроде как проснулся и уже очутился здесь.

Спайк кивнул с сочувственным видом.

– Да уж я-то знаю, – сказал он, – у меня у самого такое бывало. Вдруг, типа, как проснешься – а тебя и сцапали уже. Меня так сцапали, это точно: я в субботу вечером пошел в паб по соседству, а утром, едрит твою, просыпаюсь – хрясь, а я уже в этой долбаной команде. Ну, я еще до того, типа, решил записаться... Но вот как сцапают тебя, так прям понять не можешь, что за хреновень на тебя нашла.

Рейнард молчал. Им овладело тупое, отчаянное чувство тщетности этих расспросов; не имело смысла спорить, протестовать и даже спрашивать в лоб. Так или иначе, все равно он неминуемо наткнулся на твердокаменные преграды непонимания или ложных предположений. Каждое его слово толковалось отлично от вложенного в него смысла, словно люди изъяснялись

каким-то кодом, к которому у него не было ключа, или словно он оказался в некой пещере, где его голос бесконечно отражало одно и то же неизменное эхо.

– Но послушай, – настаивал он без особой надежды, охваченный близким к истерике порывом, с которым был совершенно не в силах совладать, – ты же помнишь – когда ты обучал новобранцев, – тут он снова понизил голос, – я обычно приходил с капитаном Арчером.

114 – С капитаном Арчером? – эхом откликнулся Спайк. – Это который? Случайно, не Билл Арчер, который с нами был на Гибралтаре?

– Рой Арчер – он теперь майор; хотя старшина вроде бы сказал, что он полковник...

– А-а, полковник Арчер? Командир района, вот он кто. Приятель, значит, твой по гражданке?

– Не то чтобы приятель, но...

– Ясное дело, старину Арчера я помню, – перебил Спайк, – за пятнадцать-то лет мы с ним не раз встречались. Он, кстати, парень неплохой, коли с ним поладить.

– Но ты разве не помнишь – в учебном бараке, когда он туда приходил...

– Да уж, он там тогда частенько бывал. Он сам классный боксер: я помню, он дрался как-то с одним черномазым – в Александрии это было – так он его прямо вусмерть измордовал.

В конце концов Рейнард оставил свои явно безнадежные попытки; то ли из хитрости, то ли просто по глупости Спайк упорно продолжал уходить от любого вопроса. Он, казалось, был неспособен сосредоточиться на сути дела: о чем бы не зашла речь, он неизменно находил какой-нибудь способ переиначить все по-своему и завести нескончаемые воспоминания или бессмысленные обобщения про армию. Для него, бывшего солдата, армия была естественной для мужчины стихией: вопросы типа «почему» или «для чего» казались ему, безусловно, непостижимыми и потому не стоящими беспокойств.

Наконец пришло время отбоя, и в помещении погасили свет. Раздевшись до рубашки, Рейнард залез между одеялами. Юный новобранец на соседней койке наклонился к нему через проход и попросил огонька – Рейнард вынул его, заодно закудив и сам.

– Устраиваешься, приятель? – спросил парнишка дружеским тоном.

Рейнард секунду-другую поколебался, отчасти склоняясь к тому, чтобы возобновить расспросы, оказавшиеся столь тщетными в случае со Спайком. В конечном итоге он решил не повторять попытку: парнишка сбоку от него, несомненно, принял ситуацию бездумно – так же, как и Спайк; и, снова поднимая вопрос, не дававший ему покоя, Рейнард просто-напросто рисковал, что его примут за простачка или даже сумасшедшего. Может, он и правда страдал умственным расстройством – но тогда представлялось важным скрывать этот факт. Ему было достаточно хорошо известно, что, покажись он в таких обстоятельствах хоть сколько-нибудь ненормальным, – и положение его только ухудшится... Кроме того, вообразить себя больным – первый шаг к тому, чтоб им стать. Любой ценой он должен *притворяться, что знает, почему он здесь*; пока же он должен принять эту ситуацию – по крайней мере, на людях, – сохраняя между тем силы до того времени, когда, возможно, представится шанс изложить свое дело начальству повыше.

Он обменялся парой дружеских, уклончивых слов с парнишкой на соседней койке, затем потушил сигарету и тут же уснул.

Спал он беспокойно из-за похожего на реальность и никак не кончавшегося сна: за ним гнались по подземным тоннелям, странно напоминавшим заброшенную землянку в роще. Кто за ним гонится, он не знал, но на протяжении всего сна его преследовал тот самый запах, который исходил от капрала, первым его задержавшего, – слабый животный душок пота и мочи. Затем

Рейнард будто бы оказался стоящим на помосте в центре обширного стадиона: он был раздет перед схваткой, и лишь узкие шорты охватывали его талию. На другом конце ринга его противник сгорбился в защитной стойке – и Рейнард снова узнал лицо Спайка МанDEVИЛЛА, в то же время бывшего и бродягой, с которым он провел ночь в ниссеновском бараке у Римского Лагеря. Начало схватки будто бы все время откладывалось; две личности в головных уборах, как у ацтекских жрецов, стояли на противоположных концах ринга и, похоже, были поглощены затянувшимся спором на каком-то неведомом языке. Но, хоть слова и были непонятны, Рейнард обнаружил, что может до некоторой степени вникать в их спор, подобно тому как человек способен уловить «суть» каких-нибудь первобытных письмен, строя догадки по графическим изображениям, описанным примитивными иероглифами.

Он пробудился ото сна с чувством глубокого облегчения из-за того, что ему в конце концов не пришлось участвовать в боксерском матче. Ощущая неприятное прикосновение шероховатой ткани одеял к голым ногам, Рейнард вспомнил, что он опять в армии; однако в полусонном состоянии этот факт показался ему до странности неважным. Он перевернулся на другой бок и на сей раз уснул крепко, до тех пор пока в ярде-другом от ближайшего к его койке открытого окна горн не сыграл побудку. И тут же ночной дежурный сержант – в роли которого оказался не кто иной, как задержавший его капрал, – распахнул дверь и тяжело протопал между койками вдоль казармы.

– Подъем! Подъем! – заорал он. – А ну-ка быстро с коек! Давайте, везунчики, шевелитесь! Ну-ка живо! Вылезай! Построение на плацу через десять минут – шорты и обувь для физподготовки, парусина... А ну, старый вояка, – обратился он к Рейнарду, который уже сел на койке и потянулся за сигаретой, – покажи-ка этим мальчикам, как нужно бодриться.

Десять минут спустя Рейнард и остальные вышли цепочкой из барака, одетые только в трусы и шорты. Рейнардом владело необычное возбуждение: сегодня утром он, впервые за несколько месяцев, почувствовал вкус сигареты. Хорошее самочувствие теплой волной разливалось по телу, и даже леденящее прикосновение промозглого зимнего воздуха к обнаженной коже было в каком-то смысле приятно. Войска построились в три ряда на опушке рощи; позади них голые буковые деревья вырисовывались с холодной ясностью на фоне чистого безоблачного неба... Одна-единственная мысль упорно крутилась в ограниченном пространстве его сознания: «Я почувствовал вкус сигареты». Неспособность ощутить вкус табака за последние недели настолько отождествилась у него с состоянием «недомогания», что внезапное пробуждение нёба к жизни, как ему казалось, предвещало возврат к здоровью и восстановление насыщенной физической формы. Он осознал, что, если бы не раздражающий провал в памяти, мешающий ему дать хоть какую-то логическую оценку своему положению, то он был бы рад, что вернулся в армию.

Физподготовка была интенсивной и бодрящей. Потом все бросились в умывалку, и началась добродушная толкотня у раковин и уборных. Рейнард побрился с трудом: с обеих сторон его толкали сослуживцы. Затем наступил завтрак: очередь у походной кухни, жирные ломтики бекона и порции картофельного пюре, которые повар дежурно шлепал в засаленные от вчерашней еды котелки. Рейнард, как оказалось, ужасно проголодался и, торопливо глотая из кружки обжигающий чай, снова испытал прежнее ощущение физического здоровья... Его личная «проблема» – вся эта история с внезапным арестом и зачислением – фактически уже обособилась в тщательно отграниченном участке его сознания; из средоточия его мыслей она отодвинулась на задний план, уподобившись укрепленной позиции, с которой он пока осуществил

стратегический отход, не ослабив, впрочем, намерения когда-либо в будущем пойти в атаку... Он хорошо понимал, что ему придется тщательно спланировать свою тактику и – самое главное – как можно тщательно скрывать свое неведение. Необходимо будет проявлять хитрость: любой ценой он должен создать впечатление, что принимает свое положение как должное. Только так он, вероятно, сможет побить начальников в их же игре. Он вдруг с затаенной гордостью вспомнил, что его тотем – лис.

Следующее построение было в 8:30, в полной походной форме. Сознывая, что потрудились прошлым вечером не напрасно, Рейнард не без гордости выравнивал на себе начищенное снаряжение. Спайк оказался тут как тут с предложениями помощи.

– Ох уж мне эта мутотень! – воскликнул он. – У тебя хоть вид ничего – получше, чем кой у кого из этих гребаных молокососов. Будь у меня время, я бы уж бляшки-то свои начистил – только у них тут не зажируешь.

Выравнивая Рейнару плечевые ремни, он доверительно спросил вполголоса:

– Пойдешь, значит, к ротному командиру?

Рейнард кивнул.

– Он парень неплохой, – заметил Спайк. – Обойдется с тобой нормально. Только запомни, кореш, – ерунды ему не болтай.

Когда построение закончилось, Рейнард подошел к дневальному сержанту, собираясь просить о беседе с ротным командиром. Смутное и неприятное воспоминание о ночном сне преследовало его, как противный запах: ощущение, что за ним неотступно гонится по бесконечным коридорам какой-то неведомый противник, с которым ему в конце концов придется вступить в поединок – раздетым, в центре огромной арены, под аккомпанемент нескончаемого диалога между двумя фигурами жрецов в пышном облачении из древней Мексики.

ЗНАК ОБНАЖЕННОГО МЕЧА

119

Дневальный сержант оказался кадровым военным с выслугой лет двадцать с гаком – толстяк средних лет в очках без оправы, с близко посаженными глазами и тонкогубым, довольно жестоким ртом.

– С ротным командиром? Сегодня с ним поговорить не выйдет: он в штаб района уехал. Завтра с утра заходи, если хочешь... только *мой* тебе совет – бросал бы ты это дело. У ротного командира и так забот полон рот – некогда ему твое нытье слушать, понял?.. Ну ладно – а сейчас дуй давай в медкабинет на осмотр. И на уколы ты ведь еще не ходил, так? – Близоруко вглядываясь в именной список, он сделал пометку напротив фамилии Рейнарда. – Тебе за утро надо обернуться, – сказал он и загадочно добавил:

– А то если полковой тебя без змеи увидит, считай, ты влип.

У медкабинета уже собиралась очередь. Притиснутый к соседям, Рейнард впервые до отвращения ясно осознал неизбежность грубой близости с сослуживцами, на которую «запись» его обрекла. Он был болезненно чувствителен к физическим контактам, и сейчас им овладело глубокое отвращение к человеческому телу. Рубцы от прыщей, гнойный фурункул, грязная полоса на шее – все эти физиологические подробности, казалось ему, разрослись вдруг до непристойной фантазмагии убожества. У ближайшего соседа – к обнаженной плоти которого было невольно притиснуто его тело – воняло изо рта; вдобавок, конечности и торс

у того обросли ненормальным количеством блестящего черного волоса, в котором Рейнарду почудились (хотя, возможно, он и ошибся) гниды *pediculus corporis**.

Он пассивно ждал, храня молчание, но при этом напряженно вслушиваясь в доносившиеся до него бессвязные разговоры других – старый неизменный армейский треп, до боли знакомый по прошлому опыту:

- 120 – Скорей бы уж получка.
 – Житуха что надо, коли ты не слабак.
 – «Здравствуй, мама, эта армия для ублюдков».
 – «Здравствуй, сынок, ты и сам такой».
 – Скорей бы Рождество – орехов хоть наедемся.

Постепенно очередь начала двигаться; наконец дошел черед и до Рейнарда. Суматошный офицер-медик простучал и выслушал его, сделал анализ мочи на белок и проверил лобковые волосы на вшивость.

– О'кей, годен к строевой, – отрезал он, закончив осмотр. Рейнард хотел было сказать, что его прежде уже комиссовали из армии, – однако понимал, что случай для этого неподходящий: офицер был задерган и переутомлен и, кроме того, только что признал его годным к строевой службе. Бесполезно было бы сейчас требовать к себе особого внимания; быть может, позже ему представится случай добиться осмотра у специалиста. А пока что лучше подождать беседы с ротным командиром.

Выйдя после медосмотра, Рейнард обнаружил, что очередь перестраивается на «уколы». Никто, похоже, не знал, что это конкретно за профилактика: может быть, стандартная прививка от тифа для отправляемых за море или противостолбнячный антитоксин. Однако, приблизившись к голове очереди, Рейнард с изумлением обнаружил, что на столе, у которого должны были делать так называемые уколы, разложен инвентарий татуировщика. Еще он заметил, что каждый,

* Платяная вошь (лат.).

отходя от стола, под благожелательные ухмылки и восклицания товарищей выставлял на обозрение левое предплечье, где нестираемо и с профессиональным умением был запечатлен знак обнаженного меча, спирально обвитого змеей.

Ощущая легкую дурноту, но помня о своем решении не протестовать, Рейнард подвергся той же операции. Она была произведена санитаром, владевшим, похоже, искусством татуировщика.

– Лучше ведь, чем именные знаки, как раньше, а, приятель? Теперь тебе дезертировать потруднее будет... Ладно, приятель, – это не больно: просто укольчик – и еще раз...

121

Процесс был долгим и болезненным; под конец Рейнард почувствовал слабость и дурноту и охотно принял приглашение Спайка сходить в столовую, чтобы «выпить чайку и чего-нибудь перекусить».

– Ну что, заработал себе метку? – хохотнул Спайк, разглядывая клеймо на предплечье Рейнарда. Он доверительно к нему наклонился:

– Приказ видел? Я вот только что копию видел, в канцелярии... Завтра интенсивные учения начинаются... Стало быть, такого нам жару зададут – потерпи только до утра, друган. Вот уж новичкам этим долбаным придется попотеть – долбаные они и есть. Но мы-то, кореш, с тобой что надо, а? Мы-то сдюжим.

День прошел за строевой подготовкой и изучением пулемета «Брен». Рейнард с некоторым удивлением обнаружил, что справляется неплохо: движения на строевых учениях давались ему легко, а лекция по стрелковому оружию была о знакомых вещах. За ужином его охватило теплое, расслабленное ощущение физического здоровья: он почувствовал себя почти счастливым и даже обменялся парой дружеских слов со случайным товарищем. Монотонный армейский говор казался ему уже не чужим и бессмысленным,

а приятным и даже по-своему прекрасным – словно грубый домотканый холст дружелюбия, основа возможной близости. Лица, прежде казавшиеся ему отталкивающими или примитивными, внезапно преобразились под влиянием благодушия, овладевшего им после ужина: они стали дружелюбными, добрыми, исполненными юмора, – а некоторые даже определенно красивыми. Рейнард снова испытал необычное чувство облегчения, какую-то превратную и необъяснимую радость от вынужденной своей неволи.

На следующее утро он снова отправился в помещение дежурного старшины.

– А, опять ты? – неприветливо сказал близорукий капрал. – А я-то уж думал, ты образумишься да завяжешь с этой затеей. Гляди, ничего хорошего тебе от этого не будет.

– Виноват, я все равно хочу побеседовать с ротным командиром, – спокойно сказал Рейнард.

– Ну, дело твое. Только придется тебе сперва к полковому сходить. Погуляй там на улице.

Час Рейнард послушно «гулял» на улице. Полковой старшина, похоже, был занят. Когда он наконец появился и Рейнарда к нему впустили, разговор вышел краткий и не обнадеживающий.

– Сегодня ты командира не увидишь – он опять в штаб района уехал. Завтра можешь зайти, если хочешь; но по совести тебе скажу, ты только время зря теряешь... Ладно, свободен – капрал, проводи.

В этот день началась новая программа интенсивных учений. После двух часов строевой подготовки с оружием последовал час физтренировки, а днем все подразделение получило приказ совершить марш-бросок. В четыре часа было построение в полной походной форме, и все обмундирование должно было быть идеально отбелено, а латунные части надраены до блеска. За любой недочет полагались двухчасовой наряд на

кухню и повторная проверка в восемь вечера. Рейнард оказался в числе невезучих, и, когда наступил отбой, он, после двухчасового корпения над картошкой и повторной чистки и проверки обмундирования едва нашел в себе силы разобрать постель и раздеться. Забравшись под одеяло, он тут же забылся тяжелым сном без сновидений.

На следующий день его ждала все та же учебная рутина: физтренировка в полшестого и стройподготовка до завтрака; после завтрака построение всей части в полной походной форме, затем стрелковые учения и опять стройподготовка. Сходив к дежурному сержанту, Рейнард узнал, что ротный командир все еще в штабе района.

123

Учения продолжались день за днем, становясь все более интенсивными. Чисто по привычке Рейнард ежедневно возобновлял свою просьбу о беседе с ротным командиром, однако начал сознавать, что вряд ли когда-нибудь ее добьется. Каждый день ему под каким-нибудь новым предлогом давали от ворот поворот; утренний визит к дежурному сержанту постепенно превращался чуть ли не в фарсовый ритуал, который даже Рейнард, по сути, перестал воспринимать серьезно. В конце концов, так ли уж было важно, добьется он этой драгоценной беседы или нет? Крайняя усталость, которой он страдал теперь денно и нощно, поселила в нем своего рода тупое, бессмысленное спокойствие: он уже с трудом мог припомнить, зачем ему вообще понадобилась эта беседа и что он собирался сказать, если бы все-таки ее добился. День его «записи» казался теперь до странности далеким, а непосредственно предшествовавшие ему события почти утратили характер реальности: лишь суровая ежедневная рутина теперь представлялась реальной. Временами он продолжал испытывать смутный дискомфорт – чувство вины и какой-то непоправимой потери, которое

не мог и особо не желал анализировать. Слухи о проверке, с которой вскоре должен был приехать командир района, пробудили в Рейнарде слабую надежду на то, что «полковник Арчер», внушавший всей части столь благоговейный трепет, окажется-таки его бывшим другом; однако, это представлялось не особо вероятным и, в любом случае, положение его, видимо, сильно бы не изменило.

124

Он написал матери несколько писем, но ответа не получил. Похоже было, что работа почтовых служб сильно разладилась из-за «кризиса». Он также начал письмо к состоятельному дяде, у которого, судя по всему, в войну имелись крупные связи в военном министерстве. Из-за хронической усталости писать было крайне трудно: даже составление обычной открытки доводило Рейнарда чуть ли не до изнеможения – и с письмом дяде у него никак не ладилось. Он садился за него несколько раз, но намерение Рейнарда изложить свое «дело» как можно лаконичней и объективней всякий раз словно бы затуманивалось и искажалось, прежде чем он успевал довести до конца хотя бы один абзац. Перечитывая написанное, он был неизменно шокирован вкрадшейся в строки истерической или невротической нотой: тон письма становился то оскорбительным, то чересчурраболепным и слишком уж часто переходил раньше времени либо в диатрибу против армии, либо в некое подобострастное выпрашивание льготных для себя условий.

Наконец, как-то утром терпение его было вознаграждено: явившись к дежурному сержанту, он узнал, что ротный командир сможет его принять в девять ноль-ноль.

Сперва его охватило торжество, но, ожидая в полевой форме у ротной канцелярии, он понял, что совершенно не в силах собраться с мыслями. Беседа, которой он так долго ждал, за все эти дни успела стать словно бы абстрактной, превратившись не более чем

в самоцель. Собственно изложение его дела до сих пор представлялось ему самым легким: он знал на память – или так он думал – что точно должен сказать, когда придет время. Однако сейчас, в критический момент, он вдруг столкнулся с той же самой проблемой, что и при попытках написать дяде: как он ни старался отрепетировать спокойно и собранно то, что хотел сказать, слова отказывались подстраиваться под его основной замысел. Стоя в коридоре и дожидаясь от старшины вызова, он понял, что сочиняет какую-то редкостную белиберду, изложение которой лишь поставит на его «деле» жирный крест и к тому же, возможно, повлечет обвинение в дерзости по отношению к командиру.

125

В конце концов старшина сделал ему знак пройти в кабинет. Он вошел строевым шагом и встал навтыжку перед длинным столом, за которым сидел ротный командир. В камине ярко горел огонь, на столе стояла широкая ваза с ранними примулами – помещение было комфортнее и «цивилизованнее» любого из тех, в которых Рейнард довелось побывать со времени своего зачисления.

Сам офицер оказался невысоким молодым мужчиной плотного телосложения, с усиками и темными волосами, разделенными прямым пробором. Рейнарда поразило что-то смутно знакомое в его внешности. Офицер поднял на Рейнарда глаза и располагающе улыбнулся.

– Ну что, Лэнгриш, чем я могу помочь?

Встретившись с ним взглядом, Рейнард вдруг вспомнил, где они виделись раньше: командир был не кем иным, как молодым мужчиной, с которым Рой познакомил его в ларчестерском пабе, в тот вечер боксерского матча!

– Все в порядке, старшина, ждать не надо, – сказал офицер, и старшина вышел. – Ну, – снова обернулся он к Рейнард, – в чем проблема?

Рейнард испытал огромное облегчение; офицер его просто-напросто не узнал, а сам он, по правилам армейского этикета, не мог претендовать на знакомство, бывшее столь шапочным; и все же он чувствовал, что перед ним сравнительно культурный человек, который разумно выслушает его заявление и, безусловно, сможет объяснить из ряда вон выходящие события последних дней. Рейнард энергично отдал честь: он внезапно ощутил уверенность в себе, ум его прояснился, а из сознания исчезли последние признаки невроза и истерии. Несмотря ни на что, он сможет изложить свое «дело» хладнокровно и логично, как хотел это сделать в письмах дяде.

– Понимаете, сэр, – начал Рейнард, уставившись на прямой пробор посередине офицерской головы, – я хотел бы знать – по крайней мере, вы мне, может быть, сможете сказать – то есть почему конкретно... – Он заколебался, проклиная себя за внезапную неуверенность. Секундой раньше он в точности знал, что именно хотел сказать – теперь же дар речи неожиданно его оставил.

– Да? Что вы хотите знать?.. – Офицер говорил с терпеливой доброжелательностью, явно всеми силами желая помочь. Рейнарду подумалось, что тот, кажется, готов при необходимости посвятить его проблеме все утро. Сильной загорелой рукой офицер теребил линейку, дожидаясь, пока Рейнард заговорит; его решительный полногубый рот все еще слегка изгибала улыбка.

– Понимаете, сэр, я считаю, что я здесь оказался по недоразумению – мне кажется, случилась какая-то ошибка.

Офицер выглядел озадаченным; в то же время Рейнард заметил, что его собственный «приличный» разговор произвел впечатление на этого молодого мужчину, явно принадлежащего к высшему обществу; он невольно ощутил слабое и довольно постыдное удовлетворение, в душе отчасти надеясь, – пусть даже офицер его

и не узнал – что сам факт его принадлежности к «благородным» произведет на того хорошее впечатление и даже обеспечит ему какую-никакую поблажку.

– Ошибка? – переспросил офицер. – Какого рода ошибка?

– Я не знаю, сэр. Я знаю только, что вышел днем прогуляться и – и в роще за деревней...

– Да? Продолжайте, – подбодрил его офицер.

– Что-то случилось – я не знаю что именно – я знаю, что это звучит глупо – но меня просто сюда привели и – в общем, у меня спросили увольнительную, а потом сказали, что я в армии.

127

Офицер нахмурил лоб и поглядел на Рейнарда довольно скептически.

– Вы вполне уверены, что вы все правильно рассказали? – спросил он.

– Нет, сэр, в общем – это было не совсем в роще. Это случилось, когда я вышел с другой стороны.

– А, да, понимаю. Но что значит: вам сказали, что вы в армии?

– Старшина мне сказал, сэр. Он мне показал какую-то инструкцию военного совета об обязательной мобилизации.

– И?

– Я не понял – я до сих пор не понимаю, сэр, – как меня могли зачислить без предупреждения и не прислав повестку.

Офицер рассмеялся.

– Да ну, – воскликнул он, – вот уж не могу поверить, что не было предупреждений.

– Но я их не получал, сэр.

– Предписания на период чрезвычайного положения оговаривают все совершенно четко.

– Но я ни о каком чрезвычайном положении не слышал – по крайней мере, за последние месяцы.

Рейnard поколебался, думая, стоит ли упомянуть свои «учения», общение с Роем, неудачу с записью...

Его охватила внезапная усталость, и весь беспорядочный период до «зачисления» вдруг показался ему нереальным.

– Значит, за эти несколько месяцев вы ничего не слышали о чрезвычайном положении? – настойчиво и слегка нетерпеливо переспросил молодой человек.

128 Рейнард встретился с ним взглядом и почувствовал прилив страха; вероятно, лучше было бы, в конце концов, рассказать все. Он секунду помолчал, лишившись дара речи, – затем продолжил, изо всех сил стараясь говорить спокойно и правдоподобно.

– Нет, сэр. Я одно время проходил... курс обучения... и более-менее пообещал капитану Арчеру, что запишусь первого декабря в новый батальон, но я был болен. Капитан Арчер действительно что-то говорил про чрезвычайку, но я решил, что это все довольно неопределенно и что это более-менее военная тайна, и – и я...

Рейнард осекся, заметив, что офицер недоверчиво на него взирает.

– Капитан Арчер? Новый батальон? Извините, Лэнгриш, но то, что вы сейчас сказали, по-моему – полный вздор. Не могли бы вы объяснить четче?

Сбивчиво и путано Рейнард снова стал рассказывать свою странную историю, понимая, что для человека за столом она звучит, должно быть, до крайности неправдоподобно. От многократного повторения рассказ его стал более-менее автоматическим: он помнил нужные слова, но события, которые они описывали, почти утратили реальность даже для него самого. Закончив говорить, он осознал, что офицер теперь смотрит на него гораздо менее благосклонно, чем раньше.

– Короче, Лэнгриш, если честно, то я так ничего и не понял из того, что вы мне наговорили. Я не знаю, кем был ваш капитан Арчер; единственный офицер с такой фамилией, которого я знаю, – это командир района, и я полагаю (тут голос у него зазвучал иронично), вы не станете утверждать, что вы с ним знакомы. Единст-

венное, что, похоже, выяснилось – это то, что вы знали о чрезвычайном положении, и, должен признаться, я не понимаю, по какому делу вы ко мне пришли.

– Но сейчас война, сэр, или что?

Офицер глянул на него пристально и с любопытством, словно бы не веря своим ушам.

– Война? – фыркнул он наконец, будто это слово его позабавило. – Боюсь, вы склонны упрощать ситуацию. Понятие войны, знаете ли, уже довольно-таки устарело – вы ведь согласны? В наше время уж точно нет особой разницы между состоянием войны и состоянием мира.

129

– Но тогда скажите, сэр, – в стране военное положение?

– Военное положение? – Офицер снова фыркнул. – И нравятся же вам эти популярные словечки! Проблема в том, что они ничего не значат: сейчас любое положение военное – впрочем, как оно всегда и было. То есть любое положение поддерживается в конечном итоге силой. С этим вы, я полагаю, согласны? Различие, которое вы делаете между «военным» положением и любым другим положением – это, на мой взгляд, одно буквоедство.

Рейнард молчал, сознавая, как темное непонимание снова смыкается вокруг него. Так же, как и все остальные, офицер исходил из абсурдно ложной предпосылки, что основные факты ситуации должны быть известны всем. Так же, как и остальные, он отказался – возможно, и правда был не в состоянии – точно определить подлинную природу «чрезвычайки». Может, он просто этого не знал; может, этого не знал никто; может, все это было крупномасштабным молчаливым сговором, как в сказке о новом платье короля.

Офицер вдруг выпрямился и положил линейку, которую до этого вертел.

– А теперь послушайте, Лэнгриш, – сказал он дружески-снисходительно, но с некоторым нетерпением

в голосе. – Не знаю, что вас заставило просить об этой беседе; но что бы это ни было, думаю, вы согласитесь, что изложили вы свое дело из рук вон плохо. Вы приходите ко мне и плетете всякие рассказы про рошу и что у вас спросили пропуск, и все в таком духе; затем сообщаете, что *не знаете, почему вы в армии*. А теперь скажите мне – что вы хотите, чтобы я сделал? Я охотно сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь, если у вас действительно проблема. Кроме того, я не думаю, что вы просто-напросто пытаетесь симулировать: вы, похоже, образованный молодой человек, и я бы сказал, что вы слишком умны, чтобы решиться на что-либо в этом роде. Но можете вы мне точно сказать, *чего именно вы от меня хотите?*

Рейнард заколебался: повторять свой изначальный вопрос казалось ему более чем бесполезным, огромный груз усталости снова придавил его своей тяжестью; однако, подумал он, было бы бессмысленно, зайдя так далеко, спустить все на тормозах.

– Сэр, я бы хотел, – наконец сказал он, – изложить свое дело в более высокой инстанции.

Лицо офицера впервые заметно изменилось: он сердито покраснел, и рот под темными усами опасно сжался. С обостренной страхом внимательностью Рейнард заметил, что офицерские запястья покрыты тонкими черными волосками.

– А теперь послушайте, Лэнгриш. До сих пор я был с вами весьма терпелив, но, честное слово, вы бы и ангела вывели из себя. Скажите на милость, чего вы думаете добиться, если явитесь к командиру района и спросите его, *почему вы в армии?* Да он просто подумает, что вы спятили. В конце концов, вы даже не зеленый юнец – судя по возрасту, вы, видимо, служили в войну. Вы же не были отказником, так?

– Нет, сэр.

– Ну тогда я не вижу, какие у вас есть допустимые причины жаловаться... Так или иначе, даже *если б вы*

были отказником, на сей раз у вас бы ничего не вышло: как вы, вероятно, знаете, все это отменено декретами о чрезвычайном положении. Если вы отказник, то попадаете под статью взысканий класса А, а это значит, что вам полагается сто ударов «кошкой» или, в крайнем случае, то, что это дурацкое правительство называет эвтаназией... Но это так, к слову. А речь я веду к тому, чтобы узнать – чего, черт возьми, вы думаете добиться у полковника?

Рейнард не ответил: офицер был прав: абсолютно бесполезно было просить о новой беседе – с полковником или еще кем-то. В нем затеплилась последняя надежда.

131

– Я так думаю, сэр, – сказал он спокойно, – мне лучше подать рапорт о болезни.

– О болезни? – офицер выглядел ошарашенным. – Что с вами такое?

– Это я как раз хочу выяснить, сэр. Я думаю, у меня, вероятно, какое-то умственное расстройство.

Офицер откровенно рассмеялся.

– Так вот оно что? – сказал он. – Думаете, что можно пойти и рассказать о своих горестях душеведу? Ну что же, друг мой, вынужден вас огорчить – этот номер у вас не пройдет. Если вы читали внесенные в устав предписания на период чрезвычайного положения, – а вы, похоже, этим не озаботились, – то узнали бы, что армия больше не признает психотерапию. Если вы хотите записаться в чокнутые, то попадете в защитный изолятор – до тех пор пока не решите снова выздороветь; а если не решите, то вас там так и продержат. И скажу я вам, защитный изолятор – это, черт побери, не пикник на лужайке... Так что не думайте, что вам удастся увильнуть под предлогом умственного расстройства: сейчас это просто невозможно – и не могу сказать, что меня лично это огорчает. Я всегда полагал, что психология и все такое – полная чушь; и мне случайно известно, что полковник Арчер со мной согласен.

Поскольку Рейнард не ответил, офицер протянул руку к звонку на столе.

– Я так понимаю, вы больше ничего не хотите сказать?

– Нет, сэр.

– Ну тогда, Лэнгриш, мой вам совет – взбодритесь и извлеките из ситуации пользу – забудьте вы весь этот бред типа почему вы здесь и война-это-или-не-война и просто постарайтесь быть достойным солдатом.

132 Он снова вел себя располагающе и дружелюбно, и Рейнард невольно ощутил довольно постыдный прилив благодарности. Вдобавок, несмотря на то, что беседа оказалась никчемной и безрезультатной, он все же поневоле испытывал определенное удовлетворение – просто из-за того, что ее добился.

Секундой позже вошел старшина, Рейнард укомандовали выйти и затем «разойдись». Проходя через канцелярию, он встретил дежурного сержанта, глянувшего на него с насмешливой иронией.

– Ну что, получил от жилетки рукава? – спросил тот.

Рейнард, не ответив, поспешно двинулся мимо него к плацу. Это правда, никакой пользы он для себя не добился – но, по крайней мере, подумал он, и явного вреда ему тоже не приключилось.

Кисти миндалевидного молочая

Следующие несколько дней Рейнард продолжал испытывать совершенно нелогичное удовлетворение от воспоминаний о «беседе». Он ничего из нее не узнал, положение его не изменилось – и все же, по крайней мере, он достиг своей цели. Больше ничего он предпринять не мог; и знание того, что в этом деле ему пришлось, так сказать, умыть руки, породило в нем своего рода пассивную безмятежность. Он даже перестал излишне тревожиться по поводу отсутствия почты; если дома что-то и случилось, он все равно был бессилен. Многие другие мужчины в части были в таком же положении. Больше всего его раздражала постоянная невозможность отлучиться из казарм – но правило применялось строго, и исключений не было. Пока что никому в лагере, независимо от звания, не удалось получить увольнительную даже по самым безотлагательным из вызывающих сочувствие причин.

По мере того как шли дни, Рейнард обнаружил, что необычные обстоятельства его принудительного «зачисления» почти перестали его волновать – и, по правде говоря, перестали даже казаться ему необычными. Ощущение свободы от ответственности, вселенное в него «беседой», позволило ему почти окончательно схоронить всю историю на дне памяти. И действительно, попросту игнорируя эту проблему, он в конце концов начал сомневаться, а была ли она когда-либо на самом деле. На людях, среди сослуживцев, он считал уместным, как и они, принимать факт «чрезвычайки»

без сомнений, – и вскоре обнаружил, что за счет самоуверенности стал постепенно с такой же легкостью принимать его и наедине с собой.

Память о гражданской жизни становилась все менее и менее отчетливой; иногда, во время походного марша или кросса, внимание Рейнарда привлекал какой-нибудь знакомый ориентир, и он испытывал приступ ностальгии. Или же, по мере того как проходил Великий Пост, он замечал ту или иную примету близкой весны: золотые звездочки чистотела, сверкающие среди темных глянцевых листьев, кустик ранних примул или юные красноватые кисти миндалевидного молочая... Однажды, трудясь с рабочей командой у опушки рощи, он мельком увидел внизу в долине материнский дом: возможно, из-за какой-то особенности перспективы тот показался ему до странности уменьшенным, словно Рейнард смотрел на него в перевернутую подзорную трубу.

Однако такие моменты возвращения к прошлому случались нечасто и быстро забывались; учебные операции по большей части проходили на территории, лежавшей далеко от его деревни, которая, разумеется, была строго вне пределов доступа всех войск.

Одна из таких операций включала длительный марш походным шагом через лесистую местность к юго-востоку, и Рейнарда весь день преследовало неуловимое, но при этом смутно неприятное воспоминание. Ему припомнилась какая-то бесконечная дневная прогулка – месяцы или, может быть, годы тому назад, – сопровождавшаяся возбуждением и предчувствием чего-то ужасного. Однако воспоминание оставалось туманным: тот канувший в прошлое день мог случиться и за несколько недель до зачисления Рейнарда, а мог с такой же легкостью принадлежать и к его детству.

Прошлое словно бы отступило в густой туман, и даже довольно недавние события стало на удивление

трудно «зафиксировать». Лишь солдатская жизнь казалась теперь совершенно реальной. Это было здоровое, незамысловатое существование, свободное от всякой ответственности и измеряемое ритмом предписанного и простого ритуала, – бывает жизнь и похуже, думал Рейнард. Его предыдущая служба в армии оказалась ему на руку – и вскоре ряд наградных планок, украсивших его китель, принес ему уважение и кое-какие дисциплинарные поблажки. В конце концов он обнаружил, что проявляет к дневному распорядку неподдельный интерес; эту увлеченность, безусловно, заметили и со временем его повысили до младшего капрала.

135

Через несколько дней после повышения Рейнарда в звании, в Приказах Части I было объявлено, что приезд полковника с инспекцией, о котором давно уже шли слухи, состоится на будущей неделе.

– Загоняют нас с марафетом, вот увидишь, – отозвался на это Спайк, и пророчество его оказалось недалеким от истины. Целых два дня они чистили и полировали снаряжение, готовясь к великому дню; проходили дополнительные строевые учения и построения, и ротный командир собственной персоной произнес обращение к части, убеждая солдат в необходимости «показать товар лицом».

Инспекция была назначена на три часа дня; в полвторого часть была уже построена. Стоял солнечный, но очень холодный мартовский день: дрожа в добавочной шеренге вместе с другими служащими сержантского состава и отчаянно желая отойти по малой нужде, Рейнард, навьюченный тяжелым снаряжением, нетерпеливо ждал появления полковника. Вероятность того, что «полковник Арчер» в итоге все же окажется его другом Роем, казалась крайне эфемерной; кроме того, даже если бы так оно и вышло, то вряд ли Рой открыто бы его признал. Тем не менее, вопреки всем доводам рассудка, Рейнард продолжал лелеять слабую

надежду на то, что встреча с Роем как-то изменит его положение. Надежда эта была тем более безрассудной, что, в свете недавних событий и позиции его начальства, Рейнард и правда стал сомневаться в том, что вообще когда-либо был знаком с Роем. Только армия казалась теперь по-настоящему реальной, и случались моменты, когда предыдущий период – с того самого времени, когда его комиссовали, – представлялся ему не более чем сном или галлюцинацией. Может, он действительно все время пробыл в армии; может, все еще шла война. Однако некоторые детали продолжали сохранять безупречную и вовсе не похожую на сон ясность: боксерский матч в Ларчестере, ночь, проведенная с «бродягой», вкус растения, которое он съел в роще.

Наконец прибытие полковника было возведено вновь появившимся старшиной. Вскоре на дальнем конце плаца показалась группа фигур; по мере их приближения стали различимы ротный командир, адъютант, пара низших по званию офицеров и высокая фигура в отороченной красным фуражке. Все стали по стойке «смирно», центральной и замыкающей шеренге скомандовали «вольно»; полковник со свитой начали обход.

Сквозь промежуточные шеренги Рейнард напряженно вглядывался в фигуру командира района. Обзор заслоняли другие, но время от времени ему удавалось мельком увидеть лицо полковника. Был ли это Рой? Рейнарда сковала странная нерешительность: уставившись прямо в приближающееся лицо под фуражкой с красной каймой, он понял, что абсолютно не способен решить, действительно ли это его бывший друг или нет!

Это был Рой, но как будто средних лет – или, возможно, его старший брат; но уж точно не бойкий молодой капитан, с которым Рейнард совершал пробежки и боксировал на глэмберских холмах. И все же, чем ближе подходил полковник, тем больше Рейнард уве-

рялся в том, что это и правда Рой и никто другой; и когда наступил его черед и высокая, крупная фигура на секунду задержалась, чтобы осмотреть его снаряжение, ему хватило одного быстрого взгляда на темные непроницаемые глаза: командир района и бывший клиент Рейнарда в «Юнайтед Мидленд» был одним и тем же человеком.

Рой, само собой, никак не показал, что его узнал: он прошел вдоль шеренги с той же бесстрастностью, какую обычно демонстрировал, когда, обналичив чек у Тэда Гарнетта, молодцеватой походкой направлялся мимо стойки Рейнарда к дверям банка. Когда инспекция закончилась, он, вместе с другими офицерами, исчез в столовой; войскам скомандовали «разойдись», и Рейнард поспешил с товарищами в казарму, мечтая поскорее сбросить с себя снаряжение и успеть до ужина в душ.

Этот эпизод оставил его на удивление равнодушным. Когда-то, возможно, он и знал мужчину по имени Рой Арчер; возможно, этот мужчина был тем же самым человеком, что и полковник, только что проинспектировавший часть; но это было так давно, и слишком много всего случилось со времени тех далеких вечеров у Римского Лагеря – не имело смысла думать о прошлом; и, в конце концов, решил Рейнард, все это, вероятно, никогда особой важности и не имело.

Как-то днем Спайк Мандевилл обратился к Рейнардлу с глазу на глаз.

– Слышь, капрал, – тихо проговорил он и хитро подмигнул, – ты про дамочку-то слыхал – ну, которая к лагерю приходит?

Рейнард покачал головой.

– Вообще-то, старая кошелка – парни говорили. Но шлюха, это точно, и дает в охотку. Один из наших вчера к ней ночью ходил. Она там, за главными воротами ошивается – ну, там где лес этот и землянки – часовому

только подмигни, и все шито-крыто. Может, сходим глянем, а?

138 Рейнард отказался; однако весь остаток дня образ, вызванный словами Спайка, преследовал его, разрастаясь в мозгу, словно какая-то злокачественная опухоль. Как ни странно, этот вызывающий беспокойство образ относился вовсе не к «дамочке», столь услужливо посещавшей лагерь, а превратно ассоциировался с самим Спайком и, более конкретно, с его шеей в рубцах и коротко стриженными рыжеватыми волосами, поскольку этим деталям внешности приятеля случилось запечатлеться в уме Рейнарда в тот самый момент, когда Спайк выложил ему свою непристойную задумку. Под конец дня тот возобновил свое предложение:

– Я, едрит твою, три месяца уже не трахался, – сказал он, – и хрен я буду выбирать да разбирать. Мне хоть какую старую клячу – уж всяко она не хуже кой-каких черных телок в Александрии, а? Ну что – идешь?

В конце концов Рейнард нехотя согласился; они договорились встретиться у казармы в полдесятого вечера. Но прежде чем наступил час вылазки, случилось одно обстоятельство, придавшее всей этой истории – по крайней мере для Рейнарда – гораздо большую важность, чем она бы имела изначально.

За ужином раздали почту – и как раз в этот день Рейнард, к своему удивлению, получил большой, внушительного вида конверт с оттиснутыми буквами служебное. Он, конечно, предпочел бы, чтобы ему из внешнего мира пришла какая-нибудь весточка более личного характера, но даже это официальное послание – что бы оно в себе не заключало – подразумевало по крайней мере то, что существование Рейнарда все еще признается кем-то за пределами лагеря.

Может быть, оттого что Рейнард открыл письмо поспешно, за столом и в присутствии других, содержимое показалось ему до странности невразумительным: пачка скрепленных вместе бланков разного цвета и раз-

мера. Он пробежал взглядом некоторые записи: «Ставка дохода за первый квартал», «Средняя величина для сведенных в таблицу расходов, рассчитанных обратно пропорционально (лунные, а не календарные месяцы)» и еще: «Вариации диапазона (с консолидированными итогами за финансовый год с марта 194... г.)». Рейнард, недоумевая, засомневался, действительно ли вся эта документация вообще имеет к нему отношение, – однако на верхнем листе был полностью приведен вопросник, на который он отвечал в первый свой день в лагере: там стояли его имя и фамилия, адрес, профессия и другие гражданские данные, а также армейский номер вместе с наименованием и местом дислокации его нынешней части. Не связано ли это с подоходным налогом? – подумал он. Вряд ли, так как налог всегда вычитали из его жалованья. Вдруг ему бросилось в глаза наименование, напечатанное под обозначением его части: Клэмберкраунский военный округ. Рука его дрогнула, и им овладело необычайное возбуждение, причину которого он, однако, совершенно не мог определить. Затем из пробелов, которые, по всей видимости, следовало заполнить, его взгляд выхватил следующее:

139

«Болезнь, по причине которой просит пособие по инвалидности.....».

В первом пробеле (после слова «которой») рукой неопытного клерка было вписано одно-единственное слово – мать, а второй пробел заполняло длинное слово, неуклюже втиснутое в отмеченное точками пространство и абсолютно неразборчивое. Оно, похоже, начиналось с «Т» и заканчивалось на «оз» или «ез» и могло с одинаковой вероятностью быть тромбозом, туберкулезом или трипанозомозом.

Весь документ выглядел так невероятно, что Рейнард почувствовал желание не придавать ему большого значения. Но случилось так, что именно в этот момент он заметил, что один из сослуживцев, сидящих

за столом, пристально глядит на его «письмо» с выражением испуганного узнавания.

– Тебе ведь это пришло, да – Б-косая-456-косая-три-четыре? – спросил молодой мужчина, призывник из недавних.

Рейнард глянул на заголовок на верхней странице и согласно кивнул.

– Хотя без плохих новостей-то?

– Похоже, что, может, и с ними.

140 Мужчина прищелкнул языком.

– Ни хрена тут не поделаешь, – сказал он. – У меня вон женка в Ноттингеме от туберкулеза помирает, а меня эти сволочи даже на двое суток не отпускают.

Вспомнив об уговоре со Спайком, Рейнард решил использовать вылазку в иных целях. Похоже, с часовыми на воротах можно было договориться под видом свидания с неведомой *vivandière** из деревни, с одним условием – не пересекать пограничную черту, обозначенную буковой рощей. Впрочем, выйдя за ворота, было бы несложно срезать дорогу через лесок и беглым шагом спуститься к деревне. Другое дело – как попасть обратно; но перспектива грядущих взысканий казалась несущественной в свете более неотложных проблем.

Наметив план действий, Рейнард почувствовал себя на редкость спокойным и собранным; он спрашивал себя, почему же он раньше не обманул бдительность часовых и не сделал попытку добраться домой... Он решил рассказать все Спайку, с которым, в конце концов, ему предстояло разделить риск нарушения границ.

Услышав о плане Рейнарда, Спайк выказал готовность оказать содействие. Он вызвался «подмигнуть» часовому на воротах и по возможности занять того на несколько минут разговором, под тем предлогом, что Рейнард отправится к дамочке первым, – а у Рейнарда тем временем появится шанс углубиться в лесок и пробраться полями к деревне.

* Маркитантка (фр.).

РИМСКИЙ ЛАГЕРЬ

Спайк не замедлил явиться на встречу; по такому случаю он прихорошился, надел свою лучшую походную форму с новехоньким комплектом наградных планок и дивизионных эмблем. Три его шеврона за отличную службу были тщательно отбелены, а короткие гладкие волосы приглажены назад с помощью особо пахучего бриллиантина. Он приветствовал Рейнарда с самодовольной ухмылкой.

– Ну что, все путем? Сегодня Джинджер на воротах – он мой приятель, так что все будет в ажуре. Ну ты готов? Тогда от винта!

Они пересекли лагерь и подошли к главным воротам, которые были открыты; Джинджер, приятель Спайка, сдержанно им подмигнул; больше никого не было видно. Стояла темная безлунная ночь: за пределами лагеря царил полный мрак.

– Ну давай, друган, – прошептал Спайк. – Удачи тебе!

Мгновением позже Рейnard был уже за воротами. Он двинулся вдоль лесной опушки, стараясь держаться поближе к деревьям. Прошагав ярдов пятьдесят, он с изумлением увидел высокую фигуру, по всей видимости женскую, движущуюся по тропинке впереди него. Если это и правда была «дамочка» Спайка, то вела она себя довольно неожиданно: похоже, она со всех ног спешила от лагеря прочь.

На миг потеряв ориентацию (поскольку не видно было ни зги) и стремясь догнать женщину – кем бы

она ни была, – Рейнард торопливо двинулся за ней следом. Вскоре он обнаружил, что она держит путь к тропе в деревню, и, хоть изначальноным его планом было пойти полями, он решил отправиться за ней.

142 Женщина шла быстро, и вскоре они оказались неподалеку от того места, где узкая, окаймленная деревьями дорога, спустившись вниз, вливалась в деревню. На углу стоял паб «Мотив сменился»; затемнение в связи с «чрезвычайкой» здесь, по-видимому, еще не ввели, поскольку окна паба ярко светились. Войдя в освещенную область, женщина внезапно обернулась, и Рейнард испытал странное потрясение, увидев, что голова у нее плотно укутана черным крепом. Он приостановился, и мгновение они стояли, глядя друг на друга. Вдруг резким движением она отвернулась и поспешила за угол паба. Рейнарда поразило что-то неожиданное знакомое в ее фигуре, к которой он приблизился, и в ее движениях: он бы мог поклясться (если бы не знал, что это невозможно), что женщина – его мать.

Зная, что поступает безрассудно, Рейнард бросился вслед за ней по деревенской улице; едва он завернул за угол, как ему в глаза ударил свет и путь преградили два человека в хаки.

– 210171547 младший капрал Лэнгриш? – монотонно-официальным голосом обратился к нему один из них.

Рейнард молча кивнул. Он уже разглядел, что мужчины были капралами военной полиции.

– Вот ты, значит, где? Ну что ж, придется тебе с нами пройти.

Рейнард двинулся вперед. Засада не слишком его удивила. Его отсутствие, несомненно, заметили скорее, чем он ожидал; может, начальник караула видел, как он ускользнул; а может, женщину в крепе использовали в качестве приманки. Попривыкнув к тусклому свету, он снова мельком взглянул на капрала, который обратился к нему первым, – и узнал огрубелое красное

лицо, как у «бродяги», с которым он когда-то провел ночь в ниссеновском бараке на холмах.

Первоначальное удивление быстро сменилось у него спокойным принятием данного факта; в конце концов, не так уж это и удивительно, подумал он. Еще в предыдущую их встречу «бродяга», похоже, кое-что знал о новом «батальоне» и о деятельности Роя Арчера; вдобавок, он уже тогда был помечен клеймом с отличительным знаком части; однако, безо всякого сомнения, в тот вечер у него имелись причины быть скрытным. Рейнард решил, что в нынешних обстоятельствах разумнее будет не заявлять об их знакомстве; капрал же, со своей стороны, никак не выказал, что узнал его. Заняв место между двумя мужчинами, Рейнард покорно дал им отвести себя вверх по дороге к лагерю.

143

Ночь он провел на гауптвахте. Караульные выказывали ненавязчивое сочувствие, глядя на Рейнарда участливо и с некоторым трепетом.

– Эхма, вляпался ты крепко, – пробормотал один из них. – Они тебя так вздрючат, помани мое слово – я слышал, как полковой говорил, чтоб другим nepовaдно было... Эхма, не завидую я тебе, кореш.

И только начальник караула, хам с грубыми чертами лица, отнесся к нему с явной неприязнью. Рейнард не раз ловил его злорадные взгляды и слышал, как он бормочет что-то об «этих гребаных новобранцах» – что они «орава педрил» и (с особой свирепостью) что «хоть бы морду ему подрихтовали».

Улегшись на нарах и завернувшись в единственное одеяло, Рейнард от изнеможения провалился в сон. После пробудки его нарядили драить пол в караулке; насколько он понял, в девять ноль-ноль ему предстояло явиться к ротному командиру.

– Он-то тебя судить не будет, – сообщил Рейнарду один из караульных. – Уж больно серьезное дело – самоволка это ведь нынче как дезертирство, сам пони-

маешь. Он тебя к полковнику пошлет. Вот уж неохота мне так влипнуть.

144 В девять ноль-ноль Рейнарда как положено отконвоировали в ротную канцелярию и после часового ожидания на продуваемой сквозняками веранде ему приказали пройти к ротному командиру. Эпизод был кратким – чистая формальность. Начальник караула и двое арестовавших Рейнарда капралов дали показания; ротный командир, говоря с холодной безличностью, предупредил Рейнарда, что обвинение слишком серьезно для его компетенции и что дело будет передано полковнику.

По возвращении на гауптвахту Рейнарда назначили драить соседние камеры; затем, под конвоем, его отослали в походную кухню чистить картошку. Он исполнил задания с бездумным автоматизмом, ощущая лишь легкий физический дискомфорт и усталость. В перерывах на еду он не смог проглотить ни куска, но за ужином оказался рад кружке обжигающего чая и сигарете, которую его конвоир тайком сунул ему в руку.

И снова он, измученный, уснул на нарах; следующий день прошел точно так же, как и предыдущий, – с утра он драил полы, днем был «на картошке». На третье утро его предупредили, чтобы он оделся как следует: ему предстояло явиться к полковнику для судебного разбирательства.

В полдевятого его спешно загнали в крытую полуторку: разбирательство должно было состояться в штабе района. Поездка в темном и тряскем грузовике длилась, по странности, чуть ли не вечность: расстояния было, вероятно, не больше трех миль, но Рейнард стало казаться, что он провел в пути уже несколько часов, когда грузовик наконец остановился. Рейнарда, вместе с конвоиром, спешно препроводили через пустырь к канцелярии командира района. Без особого удивления он узнал ниссеновский барак, в котором

проходил предварительное «обучение»; дальше лежали земляные укрепления и курганы Римского Лагеря.

Рейнард все еще пребывал в отупении и прострации; недавние события слились в туманную бессмысленную мешанину, будущее было пучиной непроглядной тьмы с призраком грозящей боли. Позже он уже не смог бы сказать, сколько времени прождал у канцелярии полковника – должно быть, не меньше двух часов. Наконец появился уоррент-офицер; подконвойному и конвоиру скомандовали «смирно» и отправили строевым шагом дальше по коридору, мимо непрерывного ряда кабинетов и отделов. Снова потянулось ожидание; Рейнарда терзало мучительное желание справить малую нужду, но он не хотел просить на это разрешения, боясь, что последует очередная проволочка. Наконец, после того, как они прождали еще минут двадцать, уоррент-офицер распахнул дверь, и Рейнард, его конвоиру и свидетелям было приказано войти.

145

За столом сидел Рой Арчер – или тот мужчина, которого Рейнард в прошлый раз за него признал; сейчас Рейнард чувствовал меньшую, чем когда-либо, уверенность в том, что командир района – на самом деле «Рой Арчер», который когда-то был (или так он себе вообразил) его другом.

Официальным тоном полковник зачитал вслух армейские данные Рейнарда и список обвинений; свидетели – начальник караула и двое военных жандармов – по очереди дали показания. Вся процедура оставалась холодно-безличной; слушая капрала, который его арестовал и который несколько месяцев тому назад украл у него бумажник, Рейнард испытал странное ощущение – словно бы он подвис между двумя мирами, ни один из которых, как ему казалось, не имел в действительности никакой истинной опоры. Нынешний кошмар казался ему совершенно нереальным – с минуты на минуту он, конечно же, должен был от него очнуться; в равной мере и прошлое представлялось ему сном, от

которого он уже пробудился, но который все еще преследовал его своими тревожными образами: лицами Роя Арчера и «бродяги», чье жесткое ложе он разделил когда-то темной ноябрьской ночью в том самом месте, где стоял сейчас, ожидая приговора.

146 Но вот нескончаемая процедура подошла к завершению; показания были заслушаны, полковник зашелестел лежащими перед ним бумагами и, словно бы впервые осознав присутствие подсудимого, поднял голову и взглянул на Рейнарда в упор.

– Хотите что-нибудь сказать? – спросил он.

Рейнард опустил голову, вдруг оказавшись не в состоянии выдержать темный испытующий взгляд мужчины, который когда-то, в каком-то другом мире, возможно, был его другом.

– Нет, сэр, – пробормотал он.

– Есть возражения против взыскания?

– Нет, сэр.

Полковник едва заметным жестом выразил удовлетворение, затем передвинул бумаги и снова поднял глаза на Рейнарда.

– Ну что ж, капрал Лэнгриш, мне жаль, что так вышло, – я вижу, что вас недавно повысили в звании, и служба ваша с зачисления была образцовой. И все же я хочу, чтобы вы себе уяснили: предъявленное вам обвинение крайне серьезно. Вы прекрасно знаете о сложности нынешней ситуации; вы должны были понять, что предписания, обязательные в настоящее время для всех званий, были введены только в силу абсолютной необходимости. Я знаю, что эти предписания стали действительно тяжким испытанием – я вполне это понимаю. Но боюсь, что это абсолютно неизбежно. Мы все сейчас в одной лодке и, хочешь не хочешь, приходится с этим смириться; а моя работа – следить, чтобы предписания выполнялись.

Наступила пауза; потом, с заметно более строгой интонацией, голос продолжил:

– В вашем случае, Лэнгриш, я склонен проявить гораздо меньшую суровость, чем ситуация того заслуживает. Могу сказать, что мы уполномочены применять предписания вплоть до границ возможного – а это понятие весьма растяжимое. Однако в данном случае, учитывая вашу карточку взысканий и поощрений, а также то, что это ваше первое нарушение, я налагаю минимальное взыскание, дозволяемое Актом.

Снова наступила пауза; следующие слова, когда они раздались, были произнесены так торопливо и таким тихим голосом, что Рейнард едва их расслышал:

147

– ...сто ударов плетью и четырнадцать дней «полевого взыскания»*.

– Подсудимый, конвой, смирно! Нале-во! Шагом 'арш!

После спокойной, ровной интонации полковника резкий голос уоррент-офицера заставил Рейнарда внезапно осознать окружающее. Следуя за конвоем, он повернулся и строевым шагом вышел из кабинета; через несколько минут он уже снова неловко карабкался в кузов полуторки. Грузовик тронулся с места и тряско двинулся вперед. В полутьме Рейнард услышал голос конвоира:

– ...в дисциплинарные казармы тебя не пошлют – там уже и так народу полно... Будешь отбывать наказание в части... Повезло тебе, парень, – большинству ребят вкатывали по сто восемьдесят дней и по двести ударов...

Грузовик, раскачиваясь, катил вперед – движущийся мирок темноты в беспредельной и еще более глубокой тьме души.

* Вид взыскания, применявшийся в британской армии вплоть до Первой мировой войны; подразделялся на два вида. При полевом взыскании № 1 (известном также как «распятие») виновного заковывали в кандалы и привязывали к неподвижному объекту; наказание не должно было превышать двух часов в день, трех дней из последовательных четырех и двадцати одного дня в общей сложности. При полевом взыскании № 2 виновного не привязывали к неподвижному объекту. В обоих случаях виновного также могли нарядить на тяжелые работы.

Но вот закончилась эта долгая, как вечность, поездка; подконвойный и конвоир, оглушенные и уставшие от тряски, вывалились из грузовика на пустырь перед караулкой. Спрыгивая, Рейнард, с неадекватно острым для ситуации восприятием, заметил у своих ног примятый кустик: молодые, похожие на кружево листья растения, называемого робертова герань. В сознании у него вспыхнуло краткое, неуловимое воспоминание: темнота и деревья, растущий круг, внезапная боязнь распада.

Начальник караула, в сопровождении капрала, выступил вперед.

– Так, – рявкнул он. – В караулку, живо. – Ухмылка нескрываемого удовольствия преобразила его грубое обрюзгшее лицо, а голос звучал так, будто он встречал долгожданного гостя.

В следующие минуты Рейнард словно бы пережил яркую и мучительную галлюцинацию. Мимолетный образ кустика робертовой герани отпечатался в его сознании с особой ясностью, чудясь более реальным, чем события, происходившие в это время на самом деле. Он смутно сознавал, что зашел в караулку, а следом за ним – начкар, непрерывно и отрывисто ревеливший ему в ухо команды, которым Рейнард повиновался с исполнительностью автомата.

– На месте шагом марш! Бегом марш! Бегом марш, я сказал! Ты, что, в жопу, оглох? Ладно, капрал – пускай так в камеры и марширует... Итит твою, тоже мне армия Фреда Карно* – на таких остолопов тут насмотришься, прям как, е-мое, из детсада. Итит твою, у меня-то не забалуешь – я-то уж покажу кой-кому из этих, каково оно быть солдатом. Эй, ты, – «бегом» я сказал! Ты чего это мне тут выделяешь, чечеточник хренов?

* Фред Карно – сценическое имя английского антрепренера Фредерика Джона Уэсткотта (1866–1941). Имя Карно было так популярно в Великобритании, что во время Первой мировой войны среди британских солдат была в ходу ироническая самокритичная песенка «We are Fred Karno's Army» («Мы армия Фреда Карно»).

Рейнарда, все еще маршировавшего беглым шагом, отконвоировали в камеру в прилегающем здании. Вскоре опять явился начкар.

– Снять китель! – заорал он.

Рейнард неловко стянул с себя китель.

– Ты, на месте шагом марш! Никто команду не отменял! Бегом марш!

Китель перекинулся к капралу и рядовому – те опустошили его карманы и выложили на нары личные вещи Рейнарда.

– Снять обувь! – проревел грубый голос. – Живей давай – некогда нам с тобой тут валандаться... Капрал, проверь, не спрятал он там чего... Так, носки снимай – и штаны. Ты слышал, что я сказал, мудака? Трусы снимай, быстро – некого тебе тут стесняться, шлюшки на тебя глазеть не будут. Так, шаг на месте *обозначил*: беглым шагом, я сказал – ты, что, глухой? *Левой-правой, левой-правой!*.. Капрал, вытащи у него все из карманов... *Левой-правой, левой-правой!*.. Рубашку снять!.. Я сказал, обозначить шаг! *Левой-правой, левой-правой, левой-правой!*

С пунцовым от стыда лицом, задыхаясь от изнеможения, Рейнард с грехом пополам стащил с себя одежду, одновременно пытаясь неловко «обозначить» шаг на месте под окрики начкара. Под конец он остался раздетым, все еще чеканя шаг босыми ногами по бетонному полу, между тем как капрал и рядовой обыскивали его карманы и подкладку кителя и брюк, проверяя, нет ли там контрабанды. Действовали они не торопясь; так же, несмотря на изображаемую спешку, вел себя и начкар. Широко расставив ноги, он, полный самодовольства, стоял посреди камеры и пялился на Рейнарда с широкой торжествующей ухмылкой.

– Эй ты! – взревел он. – Не спать! Ничего, тебе полезно – в кои-то веки солдатской выучки наберешься. Во красавчик-то, а? (Тут он повернулся к двум остальным.) Ничего не скажешь – лакомый кусочек высший

класс. Гляньте, какая кожа – красивая да гладкая, совсем как у гребаной шлюхи; ах, жалко – придется нам ее попортить! – заорал он, обернувшись к Рейнарду и шагнув в его сторону.

150 Громадное обрюзгшее лицо вдруг выросло и затопило собой все. С судорогой стыда, сотрясшей его яростным ознобом, Рейнард понял, что рухнул последний оплот его самообладания: поруганное тело в конце концов взяло верх; он увидел, как сержант с внезапной гадливостью отвернулся от краткого и постыдного зрелища его капитуляции. В углу рядом с нарами стояло жестяное ведро: в мучительном усилии Рейнард попытался до него доковылять, но, не успев этого сделать, упал без сознания ничком, на пыльный голый пол.

В КАКОМ-ТО ДРУГОМ МИРЕ

Придя в себя, он обнаружил, что лежит, вытянувшись, на нарах под одеялом. Должно быть, он проспал несколько часов, так как в камере было темно; у него нестерпимо болела голова, во рту пересохло; пару минут он не мог вспомнить, где он и что случилось. Потом к нему вернулась память: грубый рев сержанта эхом раздался у него в ушах; во внезапной панике Рейнард вскочил на ноги. Однако в камере было пусто, и во всем здании застыла странная тишина. В окно проникал лучик лунного света – его едва хватало, чтобы различить очертания нар и углы камеры. Рейнард был в одной рубашке: китель и брюки, как видно, забрали.

Какое-то время он лежал, нервно насторожившись; его томила жажда, и в то же время невыносимо хотелось закурить. Чуть погода в коридоре слышались шаги; дверь потихоньку открылась, и кто-то вошел. В темноте он не мог узнать посетителя: но едва тот заговорил, как Рейнард признал голос Спайка Мандевилла.

– Держи, братан, – тихо проговорил Спайк и поставил что-то на пол – мгновением позже он зажег электрический фонарик, и стали видны котелок с жирным супом, ломоть хлеба и кружка с водой.

Спайк сделал жест в направлении двери и широко ухмыльнулся.

– Эти сволочи меня назначили сторожить, – прошептал он. – Ты знаешь, – добавил он, одним глазом поглядывая на дверь, – меня ведь тоже чуть, едрит твою,

не замели – этот козел О’Райли рыскал по позициям, как раз когда ты свалил. Я тебе и свистнуть-то не успел. Он тебя, видать, узнал: Джинджер, мой кореш, слышал, как он звонил в военную полицию и все данные твои сообщил. – Спайк сочувственно посмотрел на Рейнарда. – Эх, кореш, жалко, что так вышло – не повезло тебе. – Он порылся в карманах и достал две сигареты и несколько спичек. – Держи, братан, – смотри только, с хабариками аккуратней. Ну, мне идти надо, а то этот козел припрется еще проверять, чего я тут делаю. Давай, до скорого, братан.

Спайк исчез, осторожно закрыв за собой дверь. Рейнард выпил воды и попытался съесть хлеб, но почувствовал сильный приступ тошноты. Затем он закурил одну из сигарет Спайка и снова улегся на нары. Табак чудесным образом принес ему облегчение: им овладело восхитительное чувство физического благополучия, и он ощутил себя почти счастливым. Вскоре он опять уснул – как долго это продлилось, сказать он не мог; когда он очнулся, лунный свет из окна стал чуть ярче, и Рейнард заметил, что котелок и кружка исчезли.

Он слез с нар и неслышно прошел к ведру в углу; ночной воздух был холодным, и Рейнарда неудержимо зазнобило. Торопясь вернуться к постели, он задел ногой что-то, издавшее металлический щелчок, – нагнувшись, Рейнард подобрал какой-то тяжелый предмет, но в темноте ему трудно было определить, что это такое. Чтобы убедиться наверняка, он зажег одну из своих драгоценных спичек и с удивлением обнаружил, что держит тяжелый армейский револьвер – такой выдавали офицерам.

Он осторожно исследовал оружие, и обнаружил, что оно полностью заряжено. Недоумевая, Рейнард принялся напрягать усталую голову в попытках выстроить какую-нибудь теорию, объяснившую бы присутствие здесь револьвера; может, его оставил Спайк, когда пришел забирать кружку и котелок? Но у его

приятеля как будто не было никаких возможных причин этого делать; и, в любом случае, как бы Спайк раздобыл такое оружие? Факт оставался фактом: револьвер сюда явно кто-то подложил; его точно здесь не было ни когда Рейнард вошел в камеру, ни в первый визит Спайка (в этом Рейнард был уверен).

С усталым любопытством доискиваясь объяснения, Рейнард вспомнил, как однажды слышал, что офицерам немецкой армии, осужденным за какой-нибудь постыдный проступок, иногда предоставляли такого рода шанс избежать суда. Возможно ли, что револьвер ему оставили с подобной целью? И если да, то кто? Внезапно его пронзило необычное подозрение: лишь один человек мог совершить такой поступок – мужчина, которого он когда-то считал своим другом, но который теперь его не признавал. В конце концов его подозрение переросло почти в уверенность: каким бы невероятным оно не казалось, Рейнард проникся убеждением, что револьвер очутился у него в камере благодаря прямому или косвенному участию Роя Арчера!

153

Сидя на постели с оружием на коленях, Рейнард со странной отрешенностью обдумывал свое положение. Он думал о завтрашнем наказании: о голом грубом натиске боли, о беспросветном унижении, самом по себе уже подобном смерти; он думал о дальнейших, худших унижениях: быть часами привязанным к орудию стволу, выполнять никчемные бесконечные работы, сносить непристойное глумление начкара... Ему дали способ этого избежать – так почему бы им не воспользоваться?

Рейнард осторожно вытащил последнюю сигарету и приготовился уже было зажечь спичку, как что-то отвлекло его внимание. Пригрезилось ему – или он и правда увидел просвет между дверью и стеной? Он пригляделся: не толще соломинки, но видная сверху донизу дверного проема, там явственно была полоска света. Рейнард бесшумно прокрался через камеру и

тихонечко надавил пальцами на дверь – та уступила его нажиму и приоткрылась чуть пошире. У двери был автоматический замок; захлопнулась она – и Рейнард был лишился единственного шанса на спасение.

154 Он сел на нары и, закулив сигарету, взвесил свои шансы. Дверь в конце коридора, обычно открытая, выходила на пустырь позади караулки. Дальше высилось заграждение из колючей проволоки, обозначавшее периметр лагеря, а за колючей проволокой была буковая роща и тропа в деревню. Расстояние от караулки до проволочной ограды не превышало двадцати пяти ярдов, и, кроме того (вспомнил Рейнард), в одном месте ограду примял танк во время недавних маневров; прыгнув с разбега, вероятно, можно будет через нее перемахнуть. Конечно, все будет зависеть от того, удастся ли ему ускользнуть от часовых, патрулирующих окрестности лагеря. Если повезет, то можно пробраться незамеченным – и тогда есть надежда выиграть время, прежде чем его отсутствие заметят и поднимут тревогу.

Рейнард переводил взгляд с револьвера на полоску света и обратно. Наконец он решил рискнуть: если один способ не сработает, остается другой... Внезапно он задался вопросом, а не была ли возможность выбора предоставлена ему сознательно: все же невероятно, чтобы Спайк или любой другой караульный оставил дверь приоткрытой случайно. Если Рой позаботился о револьвере, то не он ли позаботился и об открытой двери?

Рейнард осторожно подкрался к выходу, тихонько приоткрыл дверь на несколько дюймов и бросил взгляд в коридор. Караульных не было видно, а лагерь будто совсем обезлюдел, такая стояла тишина. Он наполовину открыл дверь и бесшумно двинулся по коридору (шел он босиком, поскольку ботинки у него забрали вместе с остальным обмундированием). Как он и ожидал, дверь в конце коридора была открыта; от холод-

ного ночного ветра, хлестнувшего по раздетому телу, Рейнарда пробрал озноб. Сжимая револьвер, он выскользнул за дверь и, пригнувшись как можно ниже, двинулся через пустырь. Чуть погодя он остановился, полускрытый низким кустарником, чтобы разведать обстановку: постовой на воротах как раз обходил границы лагеря. Рейнард наблюдал за его неспешным продвижением, трясаясь на ледяном ветру и проклиная задержку. Наконец часовой, дойдя до конца своего участка, повернул обратно и неспешно, размеренным шагом направился к воротам.

155

Теперь самое время, решил Рейнард; по-прежнему не разгибаясь, он бросился бежать через оставшиеся несколько ярдов открытого пространства к тому месту, где заграждение было примято. Резко остановившись в нескольких ярдах оттуда, он подтянул полу рубашки как можно выше вокруг талии, крепко сжал револьвер и, сделав глубокий вдох, с разбегу прыгнул через ограду.

Приземлившись, он от боли невольно хватил воздух ртом: ему чуть-чуть не достало высоты, и проволока вцепилась в правую ступню и бедро. Корчась от боли, он как можно скорее высвободился; затем, все так же пригибаясь, быстрым шагом двинулся вниз по тропе, идущей краем рощи. Его босые ноги ступали почти неслышно; однако тропа была неровной, ее покрывали острые обломки мела и ползучие плети куманики; каждый шаг превращался в пытку.

Он обогнул рощу, все еще никем не замеченный; потом, оставив всякую осторожность, бросился сломя голову вниз по дороге к деревне. Паб на углу все еще сверкал огнями – значит, было не так поздно, как он предполагал. Рейнард решил, что переходить деревенскую улицу слишком опасно; он застыл, огляделся и свернул на луговую тропинку слева. Он помнил, что она идет через фруктовый сад за домом священника: стоило Рейнарду оказаться за пасторским участком –

и до поворота к материнскому дому осталось бы несколько ярдов.

156 Он скорым шагом двинулся через луг: после болезненной ходьбы по тропе приятно было ощущать под ногами мягкую траву. Внезапно он остановился, увидев впереди слабый свет; затем, вновь обретя осторожность, украдкой продолжил путь и в углу поля различил круглую палатку: полотнище входа было поднято и, приблизившись, он увидел несколько одетых в хаки фигур, чьи силуэты выделялись на фоне падавшего изнутри света. Пока он на них смотрел, один человек отодвинулся вбок, открыв взгляду другого, сидящего за столом. Сидящий мужчина вдруг стал ясно виден в свете лампы, и Рейнард, с упавшим сердцем, разглядел на нем фуражку с красным верхом – это была военная полиция. И тут он увидел, как мужчина поднял голову и устремил взгляд прямо на него – Рейнард бросился ничком в траву и несколько минут лежал так недвижно, изнемогая от страха и глядя на освещенную палатку.

Мужчина, однако, продолжал сидеть; очевидно, он все же не заметил Рейнарда во тьме. Рейнард развернулся и на четвереньках пустился обратно через луг. Вернувшись к дороге, он решил попробовать другой обходной путь, свернув на этот раз вправо и ступив на узкую тропку позади фермерских садов. Тропка должна была вывести его в менее людный конец деревни, и тогда, если ничто больше ему не мешает, он сможет перебежать улицу и скорым шагом добраться в противоположный конец по тропе через огороженные делянки на другой стороне.

Он осторожно двинулся в путь, выставив вперед руки на случай оград или других препятствий. Вскоре он достиг конца тропки и, перебравшись через живую изгородь и срезав угол поля, оказался на погруженной в темноту улице. Он поспешно ее пересек и свернул в калитку, ведущую к участку земли, который когда-

то был общественным выгоном, а теперь состоял из огородных делянок. На задах участка протекал ручей, сейчас пересохший, и Рейнард решил идти дальше по его руслу, что должно было послужить хоть каким-то укрытием от ветра и возможных наблюдателей.

По каменистому руслу было больно и трудно идти. Над протокой нависали деревья и плети куманики, и уже через несколько ярдов Рейнард сильно исцарапал лицо и грудь. Он шел вдоль ручья, пока ему не встретился низкий мостик, который пересекала пешая тропа, ведущая обратно к деревне. Визави мостик, он замер, прислушиваясь. Донесся звук, от которого у него заколотилось сердце, – мерная поступь армейских ботинок по деревенской улице. Может, военные жандармы все-таки его увидели – или же это мог быть обычный патруль. Рейнард подождал несколько минут, слушая, как звук шагов постепенно удаляется. Он решил, что улицу переходить пока не стоит; вместо этого он продолжил путь по руслу за мостом. Дальше оно шло через фруктовый сад, принадлежащий деревенскому плотнику; за садом узкая дорога вела от деревни к шоссе. Рейнард заключил, что безопаснее всего будет притаиться в саду, рядом с дорогой, и выждать, пока путь очистится.

Ковыляя по каменистому руслу, он заметил, что поднимается туман; это было довольно привычное явление в сырой, низко лежащей долине, и Рейнард не обратил на него особого внимания. Однако вскоре он заметил, что туман сгущается необычайно быстро: возможно, подумал он, это один из тех стремительных морских туманов, что нередко перемещались с побережья вглубь страны, смешиваясь с речными испарениями и окутывая деревню мглой на несколько дней подряд. В конечном счете, решил он, туман ему на руку: он скроет его передвижения и задержит преследователей, несомненно, знающих местность хуже его.

Наконец он оказался у сада и, пробравшись сквозь него в густеющем тумане, подошел к лежащей сзади дороге. Туда выходила небольшая калитка – Рейнард открыл ее и готов был уже шагнуть вперед, как перед ним неожиданно обрисовалась высокая фигура и вспыхнул фонарик. Он тут же отступил назад в калитку, но с пароксизмом страха понял, что его заметили. Ретиrowавшись к деревьям, Рейнард замер, видя, как человек с фонариком вошел в калитку и приближается к тому месту, где он стоит. Должно быть, он невольно выдал себя каким-то слабым звуком: свет вдруг повернул в его сторону, и преследователь снова возник из сумрака.

Рейнард инстинктивно отклонился назад – однако не успел он оказаться вне досягаемости, как голос его окликнул:

– Стой! Кто идет? Ко мне, освети лицо!

Мгновенно оценив ситуацию, Рейнард принял решение: если он сейчас попытается бежать, шансы его, возможно, будут равны нулю: сад, без сомнения, окружен. Он шагнул вперед и в направленном вверх ярком свете фонарика узнал капрала военной полиции, арестовавшего его в прошлый раз, – «бродягу», с которым он в незапамятные времена и в каком-то другом мире «ночлежил» на пару в ниссеновском бараке на глэмберских холмах.

– А, опять ты? – глухо проговорил капрал, когда Рейнард, тщательно скрывая револьвер, двинулся ему навстречу. У капрала было ружье с примкнутым штыком; приближаясь, Рейнард увидел, как он переложил винтовку из одной руки в другую и стал торопливо шарить в нагрудном кармане, из которого секундой позже извлек большой полицейский свисток.

Сотрясаемый дрожью, но с неожиданным внутренним спокойствием, Рейнард понял, что должен сделать; капрал уже подносил свисток к губам: стоит ему издать сигнал, как сюда сбежится весь патруль – и тогда конец игре.

Одним прыжком Рейнард бросился на высокую фигуру и, сжав револьвер за ствол, ударил капрала широким концом в лицо. Тот, застигнутый врасплох, споткнулся и упал; Рейнард с отчаянной быстротой вырвал у него винтовку и, крепко придавив ему ногой лицо, вонзил штык прямо во вздымающийся живот. Послышался придушенный крик, и крупное тело перекачилось набок; подняв упавший револьвер, Рейнард изо всех сил ударил капрала в висок; затем, ухватив штык обеими руками, принялся снова и снова втыкать его в податливую плоть. Наконец, конечности лежащего замерли, ступни перестали дрожать, и он затих.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ БОЙ

160 Сидя на корточках рядом с телом, Рейнард выждал несколько минут; он снова услышал, как тяжелые ботинки топают по дороге в его сторону и затем обратно; постепенно шаги вдоль улицы затихли в отдалении, и наступила полная тишина. Никто из сослуживцев капрала явно не заметил, как тот прошел во фруктовый сад; они, вероятно, предположили, что он уже вернулся в жандармскую палатку на лугу у пасторского дома, — если Рейнарду повезет, то пройдет еще некоторое время, прежде чем они поднимут тревогу.

Низко скрючившись над влажной землей, Рейнард снова ощутил, как его пробирает холод. Быстро, без малейших угрызений совести, он принялся раздевать мертвеца: расшнуровал ботинки, стянул порванные, пропитанные кровью брюки и куртку и натянул не подходящую по размеру одежду на свое иззябшее тело. Он также взял ремень и револьверную кобуру капрала, для большей безопасности засунув свой собственный револьвер за пазуху кителя. С некоторым опозданием ему пришла мысль дополнить маскарад — он подобрал с земли фуражку с красным верхом и, хоть она и была ему слишком мала, натянул на голову.

Затем он пошарил в карманах брюк и, довольно крикнув, обнаружил пачку сигарет, коробок спичек и плитку шоколада. Он с жадностью проглотил шоколад и, осторожно прикрыв пламя спички, зажег сигарету. Скорчившись рядом с телом и чувствуя, как табак чудесным образом успокаивает его нервы, он вновь при-

слушался к звукам возможной погони, но в деревне стояла мертвая тишина.

Чуть погодя он отважился встать во весь рост и подойти к калитке, выходящей на дорогу. На сей раз он прошел беспрепятственно. Медленно, размеренным шагом, подходящим к его роли, он направился по дороге к деревне. Здесь туман был как будто даже гуще, чем в саду, – несколько раз Рейнард пришлось резко затормозить, чтобы не налететь на живые изгороди с обеих сторон.

161

Дойдя до конца дороги, он замер: неожиданный звук разорвал туманно-ватную тишину. Звук был отдаленным, но узнаваемым: высокий, резкий свисток. За ним последовали другие, и Рейнард почудилось, что он различает и далекий шум голосов. В тумане было трудно – практически невозможно – определить, с какой стороны доносятся звуки, однако Рейнард, изо всех сил напрягавшему слух, показалось, что они слышатся со стороны лагеря. Его отсутствие несомненно заметили, и охота началась.

Он задержался еще на миг, решая, направиться ли к материнскому дому или укрыться где-нибудь поблизости. В конце концов он свернул в открытую калитку с правой стороны: он вспомнил, что она ведет к заброшенному фермерскому дому, в войну частично разрушенному да так и не отстроенному.

Все более плотные облака тумана кружились между деревьями, пока Рейнард шагал по тропинке к дому. Через несколько минут ему вдруг пришло в голову, что тропинка гораздо длиннее, чем ему помнилось. В конце концов ему стало ясно, что он, очевидно, пошел не туда: фермерского дома не было и в помине. Вокруг Рейнарда вздымалась будто бы купа высоких хвойных деревьев – в их тени мрак казался особенно густым. Деревья были ему незнакомы – и с отвратительным чувством безнадежности он понял, что окончательно заблудился.

По этой неведомой местности Рейнард, казалось, кружил часами; он пытался отыскать какой-нибудь знакомый ориентир, тратил драгоценные спички, краткие вспышки которых ничего не проясняли, наткнулся на стволы деревьев и обдирает голени о неразличимые препятствия. Им начала овладевать невыносимая усталость; вскоре, похоже, ему оставалось только лечь где придется и провалиться в сон: ноги его не слушались, он брел теперь, шатаясь, куда глаза глядят и едва не ронял револьвер, который, с тех пор как подняли тревогу, держал на взводе.

Отдаленные свистки и крики понемногу стихли, и ночь опять окуталась тишиной. Блуждая, Рейнард набрел на узкую тропинку и, пойдя по ней, в конце концов явно оказался на какой-то дороге: он ощутил под ногами твердый и гладкий щебень, и шаги его звучали неожиданно и опасно громко.

Дорога круто шла вниз, изгибаясь влево; стараясь ступать по ней тяжелыми ботинками как можно тише, Рейнард через некоторое время с радостным волнением понял наконец, где он: дорога вела к материнскому дому. Он, должно быть, сделал огромный крюк, обогнув церковный погост и приличный кусок перелесков: теперь-то он сообразил, что вышел на дорогу в противоположном ее конце от деревни, рядом со станцией железной дороги. Уже через несколько ярдов он оказался у дома; калитка была открыта, и он вошел в палисадник.

Здесь его снова смутило нечто странно непривычное: шагая к дому, он чувствовал, как его задевают растения и кусты, а под ногами, мешая ходьбе, попадаются словно бы крупные голыши. Может, он нечаянно сошел с дорожки: туман здесь казался особенно густым, и Рейнард не сразу отыскал парадный вход.

Дверь была не заперта и, более того, приоткрыта – в другое время это обстоятельство его бы удивило. Однако после всех событий этих дней обессиленный Рейнард уже не мог удивляться чему бы то ни было – пусть

даже самым невероятным или фантастичным вещам. Он вошел в прихожую и автоматически попытался нащупать выключатель; не найдя его, зажег спичку и, спотыкаясь, двинулся в гостиную.

Туман, казалось, вторгся даже в дом: комната мимолетно увиделась ему так же смутно и нечетко, как и мир снаружи. Пламя спички померцало, опалив ему пальцы, и угасло. С умирающим огоньком дотлела, казалось, и последняя искра сознания в помраченном разуме Рейнарда; он еле добрел до дивана в углу и, едва успев вытянуть на нем обессиленные ноги, оказался раздавлен грузом смертельной усталости и заснул.

163

Похоже, никогда он не спал так долго; очнувшись со смутным ощущением дневного света, он перевернулся на другой бок и уснул опять – чтобы снова пробудиться много часов спустя, во тьме уже другой ночи. В моменты бодрствования до него приглушенно, но беспрестанно доносился шорох листьев: казалось, их заносит в окна, кружит вокруг дома и даже около дивана. Еще ему чудилось, как где-то шелестит на ветру неопавшая листва; слышался скрип, словно раскачивались громадные деревья, и звук, похожий на хлопанье огромных крыльев. И все то время, пока Рейнард был погружен в затяжное, прерывистое забытие, к нему снова и снова с необычайной живостью возвращался один и тот же сон: он опять был в лагере (неотличимом от Римского Лагеря на глэмберских холмах) и участвовал в нескончаемом тренировочном бое, иногда со Спайком Мандевиллом, а иногда с самим Роем Арчером. Однако он понимал, что на сей раз это больше, чем просто упражнение – на самом деле это был смертельный бой. Схватка казалась бесконечной, продолжаясь раунд за раундом; Рейнард ощущал непомерную, парализующую усталость, но какой-то инстинкт поддерживал его бдительность и способность отвечать противнику ударом на удар.

Наконец проснувшись, он испытал глубокое облегчение, следующее за пробуждением от кошмара. Он снова был дома: нескончаемый бой на холмах ему приснился... Лежа с закрытыми глазами, он продолжал наслаждаться роскошью этого ощущения; и когда образы из сна вернулись к нему в обратном порядке, ему показалось, что схватка с Роем была лишь этапом – притом недавним – в его сновидении. Побег, судебное разбирательство и вся цепочка событий вплоть до его насильственного «зачисления» – все это уже словно подернулось той же дымкой сна, что и бой на холмах. Сохранившийся в памяти опыт слой за слоем отпадал от Рейнарда в пучину кошмара. Он был дома, и все эти абсурдные события в реальности не происходили.

Он открыл глаза: на него лился мутный, тошнотворный свет, но не из окна его спальни, как он ожидал. Быстро перестроив восприятие, он понял, где находится: окно, через которое падал свет, было в гостиной; он пришел домой поздно и, должно быть, уснул на диване; и снова Рейнард испытал громадное облегчение, оттого что с пробуждением наконец-то выбрался из запутанного, двоящегося мира своего кошмара.

Он переменил позу, ставшую неудобной, и впервые до конца осознал окружающее. Комната выглядела странно тусклой, и он заметил, что за окнами все тонуло в пелене непроглядного тумана. В тот же миг взгляду Рейнарда предстало вдруг его собственное неприкрытое тело, раскинувшееся на диване, – и с накатившей дурнотой он увидел, что одет в рваную и грязную походную форму. Он содрогнулся от внезапной тошноты и несколько минут лежал неподвижно, словно разбитый параличом. Под конец, с трепетом человека, боящегося обнаружить на теле первую язву постыдной болезни, он закатал левый рукав – и узнал на предплечье несмываемое клеймо из кошмара: ужасную змею с ядовитыми зубами, обвившую обнаженный меч.

Жизненный миг

165

Прошли минуты или, быть может, часы – вряд ли Рейнард смог бы сказать наверняка, – а он все лежал на диване без сил и почти без сознания. Наконец он нетвердо встал на ноги: первой вещью, попавшей ему на глаза, был его армейский револьвер, как видно, упавший на пол. Тут же нагнувшись, он стиснул его в руке и застыл на миг, вслушиваясь, нет ли погони.

Однако все было тихо. На окна все плотнее давил туман; дневной свет казался мутным и тусклым, что могло с одинаковым успехом означать раннее утро или наступление сумерек. Застыв у дивана, Рейнард постепенно как следует рассмотрел окружающее – и впечатление кошмара у него усилилось.

Комната действительно была гостиной его матери, но как будто после долгих месяцев или даже лет запустения: словно обитатели ее оставили, и она подверглась медленному натиску прибывающей пыли, дождя и речной сырости или древесного грибка и паразитов. С потолка капало, рваные полосы обоев отставали от сырых стен; мохнатая от пыли паутина гирляндами и петлями свисала в каждом углу. Везде лежала пыль, укрывая толстой сероватой пеленой каждый знакомый предмет, и даже дневной свет, просачиваясь сквозь грязные потемневшие окна, тоже, казалось, был окрашен этой мертвенной серостью. На гниющем, покрытом плесенью ковре валялся вперемешку хлам: осыпавшаяся штукатурка, птичий помет, сухие листья;

стекло в одном из окон было разбито, и в комнату проник побег плюща, обвинивший бесцветными усиками дешевую викторианскую статуэтку – ребенка, ласкающего собаку.

166 Рейнард стоял неподвижно, сжимая в руке револьвер; им овладело странное убеждение, что и сам он – неотъемлемая часть царящей в комнате разрухи: всего лишь неодушевленный предмет, столь же незначительный, что и оплетенная плющом статуэтка; еще одна поверхность для птичьего помета и вездесущей пыли. Более реальным, чем сам Рейнард, был, казалось, даже револьвер, который он все еще стискивал в руке, повинаясь некому безотчетному рефлексу, как будто его пальцы, наподобие оторванного хвоста ящерицы, сохраняли независимую, отдельную от тела жизнеспособность.

Прошли минуты или часы: течение времени казалось лишенным смысла и не поддающимся исчислению в этом окутанном туманом мире... Туман льнул к стеклам – неосязаемый и бесформенный, подлинная стихия кошмара. Наконец рефлексивная хватка руки на оружии словно бы послала некий сигнал в околдованное, погруженное в транс сознание Рейнарда, и с деревянной четкостью лунатика он двинулся вперед через комнату. Его взгляд привлекла одна деталь, до сих пор им не замеченная: стол, покрытый толстым слоем пыли и усыпанный кусками штукатурки, был накрыт для еды: Рейнард увидел нож, вилку, чашку, блюдо и тарелку, заботливо прикрытую салфеткой. С бессмысленным, почти животным любопытством он стянул грязный от пыли льняной квадратик в пятнах сырости, и его взгляду предстало полусгнившее месиво пищи: высохшие остатки салата-латука, ломтик плесневелого хлеба, кусок кишашего червями мяса... Рассеянно, словно перед ним была какая-то фактическая подробность ушедших времен – бутылочка для слез, надпись на некой могиле – Рейнард сообразил, что

стол, очевидно, накрыла для него мать, ждавшая его домой, – но как давно?

В нем опять зашевелился ужас: двигаясь все с той же бессознательной осторожностью сомнамбулы, он снова прошел через комнату, очутился в прихожей и стал подниматься вверх. И здесь на стенах и потолке лежала печать запустения; бабочка-крапивница тщетно билась о пыльное лестничное окно; небольшая гравюра с видом приморского бульвара в Глэмбере, отсырев, вылезла из рамки паспарту.

167

Тихо, по-прежнему сжимая револьвер, – словно он боялся внезапно встретиться с врагом – Рейнард толкнул дверь в материнскую спальню. Ему в лицо ударил поток стылого воздуха, насыщенного туманом: окно, похоже, было выбито каким-то взрывом, и пол устилали осколки стекла вперемешку с тонким ковром листьев, облетевших с каштана, что рос напротив окна. В комнате стоял странный запах: тяжелое сладковатое зловоние, словно от цветов боярышника. На кровати высилась груда одеял, обрисовывавших контуры человеческого тела... Сквозняк шевелил запачканные, порванные занавески; проходя через комнату, Рейнард мельком увидел свое отражение в потускневшем зеркале: лицо чужака, нарушившего уединение жилья, право входить в которое он утратил...

Двигаясь воровато, словно взломщик, он быстро прошел через комнату к кровати. Заговорил он с трудом: у него пересохло горло, и, к тому же, привычка молчать почти лишила его дара речи.

– Мам! – позвал он. – Это я, Рейнард. Я вернулся!

Его хриплый каркающий голос, казалось, осквернил застывшую, безукоризненную тишину комнаты. Укрытая фигура на постели оставалась безмолвной и неподвижной; Рейнард в нерешительности помедлил, боясь воочию увидеть то, что, как он уже догадывался, было наихудшим ужасом из всех... Затем быстрым движением откинул покрывала, обнажив

остатки человеческого лица. На костяке непрочно висели последние куски гниющей плоти – как водоросли на скале после отлива; глазные впадины тарасились вверх, отвечая ему слепым, неприличным взглядом в упор; рот был открыт – разъявленная пущота гниения...

168 Оглушительный стук внизу неожиданно вернул Рейнарда к действительности. Он сжал револьвер и, подходя к окну, выходящему на фасад дома, глянул наискось вниз, в направлении парадной двери; однако туман небывало сгустился, и ничего не было видно. Стук раздался снова; Рейnard решил не двигаться с места: пусть выкуривают меня отсюда, думал он, игра окончена, но оба револьвера все еще полностью заряжены. Во всяком случае, решил он, красным фуражкам будет о чем подумать, прежде чем они его схватят...

Стук усилился. Ощувтив внезапное нетерпение и дурноту от тяжелого запаха разложения, Рейnard направился к двери: довольно тянуть, сказал он себе. Они, конечно, выстрелят в ответ, и вскоре все будет кончено. Пока он спускался по лестнице, его пронзило воспоминание о глумливых насмешках начкара. Он подумал о позорной агонии обнаженного тела, о веревке, врезающейся в мягкую плоть, о боли, словно от мук чудовищных родов, о страданиях духа. Но те, за дверью, выстрелят быстро и попадут метко – так будет лучше.

Когда Рейnard вышел в прихожую, стук возобновился. Внезапно он смолк, и Рейnard услышал, как кто-то с шумом дергает дверную ручку – странно, подумалось ему, что они не сделали этого раньше. Секундой позже дверь распахнулась, и Рейnard прицелился; держа палец на курке, он различил высокую фигуру военного в фуражке, смутно видную в тумане. В сознании его вспыхнуло воспоминание о другой фигуре, обрамленной этим же дверным проемом, на

фоне сверкающей завесы дождя... Целясь в невидимое лицо, он выстрелил. Человек тяжело ввалился в проем и с грохотом упал ничком на усыпанный листьями пол.

Мелко дрожа, Рейнард замер настороже в ожидании других. Но никто не появился. Мужчина, как видно, все же пришел один: остальные, вероятно, рассыпались по деревне, обыскивая другие дома. Выждав немного, Рейнард решил подойти к двери; с вялым любопытством он перевернул крупное тело на спину и с удивлением рассмотрел, что на том надета офицерская форма. Он поднял голову мужчины, так что на нее теперь падал слабый свет, и узнал лицо Роя Арчера.

169

Он упал на колени и со внезапным порывом нежности приподнял с пола тяжелое тело, уложив голову Роя к себе на плечо. Свободной рукой он дотронулся до мертвенно-бледного лица и жестких светло-соломенных волос, которые, как он разглядел, тронула седина. Он осторожно растянул Роя китель и рубашку и положил руку на теплую плоть у сердца. Слабый, почти неразличимый пульс трепетал под его пальцами.

– Рой! – позвал он словно через растущую пропасть. – Рой! Ты меня не узнаешь? Ради Бога, скажи что-нибудь! – Его голос оборвался всхлипом облегчения, когда он увидел, что губы Роя слабо шевельнулись. Он нагнулся ниже, так что лицом почти коснулся лица умирающего мужчины.

– Ты меня прикончил... – Голос Роя звучал не громче шепота. – Ты не виноват... передай им в лагере – передай им, что я сказал... ты не виноват...

Голос затих, но слабый трепет все еще ощущался над сердцем. Чуть погодя губы еле заметно дрогнули опять:

– ...скажи им, что те... подтягивают силы... от Блэббина... наступают... через Клэмберкраун... передовой

штаб у них в старом пабе... вот и началась заваруха... а я не увижу...

Рой слабо шевельнул кистью; Рейнард приподнял ее и ощутил легкое пожатие бессильных пальцев.

– Прости, старик... я сделал все, что мог... меньше тебе нельзя было... я знаю, это ужасно... чертов треугольник... боль жуткая... но ты выдержишь... ты правда один из нас... я всегда это знал.

170 Голова Роя откинулась назад, едва ощутимое пожатие ослабло. Неужели конец, подумал Рейнард. Внезапно, сквозь пелену слез он увидел, как губы шевельнулись опять.

– ...Только одно... – послышался шепот, уже еле слышный, – ...обещай мне одно... что ты через это пройдешь...

Рейнард наклонился ниже, приблизив губы к самому уху Роя.

– Обещаю, – сказал он.

Лицо Роя вдруг переменилось; его сотряс придуренный кашель, и изо рта вытекла яркая струйка крови. По рукам и ногам прошла яростная судорога, и голова безвольно упала назад, на плечо Рейнарда. Держа руку на теплой обнаженной груди, Рейнард неподвижно ждал еще несколько минут; но губы уже не шевелились, а глаза глядели незряче; и слабый трепещущий пульс под пальцами Рейнарда наконец затих.

Рейнард тихонько опустил тело на пол и встал на ноги. Теперь он знал, что ему делать: впереди наконец была ясность, и вечная его нерешительность исчезла без следа.

Он неловко оттащил Роя в гостиную и уложил его на диван, где накануне спал сам; это оказалось трудной задачей: Рой весил, должно быть, не меньше пятнадцати стоунов. Потом он достал воды из садового коловдца (водоснабжение в доме, по всей очевидности, не работало) и нежно смыл пятна крови с бледного

лица; затем, сорвав с окна одну из истрепанных занавесок, укрыл ею тело. Напоследок, спохватившись, он подобрал армейский револьвер (ему самому он больше не понадобится) и нежным прощальным жестом возложил его другу на грудь.

Закончив с этим, он достал еще воды и, раздевшись, начисто отмылся от ночной грязи. Затем, бросив последний взгляд на безмолвную фигуру, покинул дом. Туман уже немного рассеялся: идя по деревенской улице, Рейнард различал неясные контуры домов. Вокруг, казалось, никого не было; ни единый звук не тревожил тишину. Вскоре он подошел к повороту у паба и неторопливо зашагал вверх по дороге к лагерю. С каждым шагом воздух становился все чище; приближаясь к буковой роще, Рейнард вышел на солнечный свет. На углу – там, где тропинка поворачивала, – он остановился и оглянулся: деревню все еще окутывал туман, и только башня церкви да пара разрозненных верхушек деревьев представляли взгляду, словно обломки крушения, плывущие по водам всепоглощающего потопа. Стоя здесь, Рейнард уже слышал шумы лагеря; и с той же самой стороны, но еле слышно и в отдалении, из-за лесистых холмов у Клэмберкрауна долетели звуки горнов: от «тех», наступающих и ждущих часа «Ч» – начала «заварухи».

Солнце ярко сияло сквозь набухшие почками буки; насыпи по краям дороги были усеяны звездочками примул, и зеленые ростки пролески вытянулись над ковром палых листьев. Мимо пропорхала бабочка-лимонница, и Рейнард поглядел, как в безветренном воздухе она скользит вниз по дороге, пока в конце концов бабочка не исчезла из вида, проглоченная белым движущимся морем, что схоронило под своим милосердным саваном разрушенный дом, где два тела лежали среди паутины и убогих обломков мира более древнего, чем само время.

Рейнард помедлил еще мгновение, внезапно исполнившись такого безмятежного счастья, какое ему прежде ощущать не доводилось; волевой и целеустремленный, он чувствовал, что прошлое и будущее слились наконец в этом жизненном миге.

Он повернулся и твердым шагом направился к лагерю.

МАРК РОУЛИНСОН
**ДИКИЕ СОЛДАТЫ: ДЖОСЛИН БРУК
И ВОЕНИЗИРОВАННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ**

Хотя Джослин Брук и был ровесником Одена и Спендера, его литературная карьера началась только после войны, и можно считать, что толчком для нее послужило решение записаться добровольцем на сверхсрочную службу. Брук откупился от армии и с 1948 по 1950 гг. опубликовал два романа: «Козел отпущения» (1948) и «Знак обнаженного меча» (1950), одно посредственное сочинение для детей, три тома беллетризованной автобиографии, позже собранные в «Орхидейную трилогию»: «Военная орхидея» (1948), «Змеиный рудник» (1949) и «Гусиный собор» (1950), а также сборник стихов. В 1955 году последовали очередные два тома мемуаров, еще один роман и большой объем критической и редакторской работы (по Фирбенку, Бауэну, Уэлчу и Хаксли).

Творчество Брука конца сороковых годов пронизано солдатской темой – однако, не так, как в военной литературе второй половины этого десятилетия. Его современники писали беллетристику о работе тыла (Элизабет Бауэн, Патрик Гамильтон), Соппротивлении и военнопленных (Чарльз Морган, Нэвил Шют), дне высадки союзников в Нормандии и последующем периоде (Александр Бэрон, Колин Макинз) – или же о происходившем сразу после победы, о демобилизации (Дж. Б. Пристли, Генри Грин) и оккупации союзниками Берлина (Грэм Грин, Джек Эйстроп). Брук же на заре первой «холодной войны» публикует серию связанных между собою прозаических произведений,

где милитаризация гражданской жизни соотносится не с тяготами и триумфом борьбы с нацизмом, а с сексуальным формированием личности. В «Орхидеинной трилогии» служба в военно-медицинских войсках становится комическим разрешением переживаний человека, с детства охваченного противоречивым влечением – эстетической чувственностью в стиле девяностых, жаждущей и страшящейся идеала мужественности, воплощенного в солдате – двойственной фигуре, усиливающей душевный разлад героя. Кроме того, описанные в произведениях Брука тревоги, связанные с маскулинностью и нормативной символикой военных, переплетены с описанием восточного Кента с его приморской полосой и плоскогорьем.

В контексте консервативных сексуальных и гендерных парадигм, неразрывно связанных с национальными и антикоммунистическими установками в период после 1945 года – особенно в литературных и кинематографических произведениях, отображавших завершающую фазу войны, – романы и автобиография Брука покажутся весьма радикальными. Однако объем и разнообразие его опубликованных произведений предполагают наличие готового компромисса с послевоенными правилами. В свете этих наблюдений, непрочное и маргинальное положение Брука в истории литературы xx века (несмотря на значительное число переизданий с начала 1980-х годов) указывает, что писателя ничтоже сумняшеся отождествили с фигурой анахроничного аутсайдера, насмешливо изображенного в «Орхидеинной трилогии». Описание творчества Брука как кафкианского, ставящее его в один ряд с европейской модернистской традицией, в угоду каталогизации преуменьшает и искажает связь его произведений с английской региональной и топографической литературой. Именно в этом направлении, а также определяя, как сексуальное мифотворчество Брука, переплавленное в литературу, военизирует английский

пейзаж, мы и попытаемся в настоящем эссе подобрать для творчества Брука подобающее место.

Удовольствие от автобиографической прозы Брука обусловлено его подспудно саморазоблачительным повествованием о своей инакости и несостоятельности, ироничной прямоотой, с которой он трактует тему ребенка как «полиморфного извращенца», и, в особенности, его однозначно либидозными и мистическими описаниями реальных и вымышленных пейзажей.

175

Хорн-стрит вела не только к Перикарским лесам, но и к загадочной территории, где, как мне говорили, «живут солдаты»; грустный зов горнов разносился над холмами и лесами, и неожиданно-негаданно можно было наткнуться на группы краснолицых мужчин в хаки: когда мы проходили мимо, они порой смеялись над нами или выкрикивали грубые шуточки. Они внушали мне ужас – но только пока оставались в поле зрения; стоило нам благополучно их миновать, как охвативший меня страх уступал место волнующим мечтаниям: мне нравилось воображать себя одним из этих гогочущих, безрассудных героев, живущих на высоком, открытом всем ветрам плато Шорнклиф Кэмп. До скольких же лет нужно дорасти (допытывался я), чтобы стать солдатом? «Хотя бы до восемнадцати» – слышал я в ответ. Мне было семь – значит, ждать еще одиннадцать лет; я чувствовал, что так долго мое желание вряд ли протянет. Кроме того (как я отлично знал), я был не из тех: я был «другим».

Пришлось мне удовлетвориться менее изматывающими фантазиями – и краснолицые развязные герои с Хорн-стрит должным образом преобразились в миниатюрные и более смирные копии самих себя: гнездящиеся на уступе под утесом или же замкнутые в клетках моего личного «зоопарка»: полуживотные-полулюди, гладколицые фавны с ногами в крагах и (торчащими на их задах в хаки)

белыми хвостиками, как у кроликов или зайцев. («Орхидейная трилогия»)

Места, которые изображал Брук (по большей части это холмы Кента и средиземноморские пейзажи времен военной службы), неизменно окутаны чарами присутствия солдат – присутствия, которому он в своем рассказе придает странный и дисгармоничный характер.

176 Джозеф Бристоу великолепно описал пристрастия автора «Орхидейной трилогии»: «все, связанное с солдатской службой, его завораживало. И не только потому, что, как и многих эстетов его социального круга, его привлекали военные. Брук в конечном итоге понял, что способен не только *иметь* мужчину из тех, кого он желал, но и сам *быть* таким».

Собственное творчество также завораживало Брука. По обилию самоповторов его мало с кем можно сравнить. В шести книгах, написанных в сороковые годы, мотивы постоянно перекликаются – если не дословно, то с навязчивой схожестью лексикона, стиля и ритма. Эти многочисленные шаблоны наводят на мысли о навязчивой идее или бесстыдной экономии образовательных средств (в трафаретном романе для детей «Чудесное лето» 1949 года присутствуют те же ботанические и пиротехнические фантазии, что и в написанных примерно в то же время «Военной орхидее» и «Змеином руднике»). Эти два первых тома его беллетризированной автобиографии сами по себе – «два набора вариаций на тему одного и того же или схожего материала». В предисловии к третьему тому Брук написал: «Втиснуть мой материал в форму романа – все равно что уложить тему на прокрустово ложе»; при этом он не упомянул, что именно так и сделал в двух своих предыдущих романах. «Козел отпущения» и «Знак обнаженного меча», действие которых происходит, соответственно, до и после Второй мировой войны,

имеют одинаковую концовку – что равнозначно двойной творческой неудаче – до некоторой степени оправдывая предпочтение Бруком «гибридной» формы трилогии и, возможно, объясняя это упущение. Однако, при этом, каждый его роман представляет собой потрясающую и фантастичную топографическую экстраполяцию сюжетов и фраз из его стихотворений и автобиографии.

Творчеству Брука свойственна некая герметичность или «закрытость», которую, при биографическом прочтении, можно было бы попытаться объяснить его гомосексуальностью, тем, что почти всю жизнь он провел в Восточном Кенте, или же запоздалостью его писательской карьеры, начавшейся, когда ему перевалило за сорок, и не в малой степени посвященной анализу того, почему он не смог стать писателем на двадцать лет раньше. Энтони Пауэлл так отозвался о творчестве Брука: «умение, которое я не встретил ни у одного другого писателя: описанием превращать местность, как реальную, так и вымышленную, в магическое личное королевство». Это мир, лежащий в замкнутых кривых пережитого в детстве и оставшегося в памяти опыта. В пределах концентрически расширяющейся, но эгоцентричной территории контакта с другими людьми самыми насыщенными областями являются окраины пейзажа – там, «где живут солдаты». Но, в особенности там, где эти границы выглядят слабостями его произведений – повторяющаяся география и темы, назойливое самоцитирование – они также являются и источником видения Англии, присущего далеко не одному только Бруку. «Послеполуденный ландшафт» детских воспоминаний в глуши Фолкстоуна (переименованного в беллетристике Брука в Глэмбер) или область, «не отмеченная на подробной карте», вызывают целую смесь ассоциаций с более известными литературными трактовками символической матрицы английской природы и войн XX века. Горны, чей

178 «грустный зов разносился над холмами» – больше, чем просто эхо оуэзовского: «В поля печальных графств зовущая труба»* из «Гимна обреченной молодежи» или цинично-сентиментальных «Честных игроков» Кейта Дугласа, написанных в 1943 году в Тунисе: «Слышишь? / Свист пуль слабее, чем рыдания рожка». Воинственные звуки, разносящиеся по выдуманной Бруком Англии, придают такой насыщенный характер его военной пасторали, что становится просто невозможно не заметить все противоречия последней.

Стихотворение «Ландшафт под Тобруком» Б. Дж. Брука (родился в 1908 г., учился в Бидейлсе и Оксфорде, служил в медицинских войсках в Италии) было опубликовано в поэтическом приложении к альманаху «Современная литература» издательства «Пингвин» за 1944 год. На первый взгляд, участие Брука как писателя военных лет и поэта-фронтовика свелось всего лишь к очередному лирическому стихотворению о кампании в Северной Африке, где пески быстро заматают следы, оставленные войной. Пустыня – «лунная земля», там невозможен душевный комфорт от созерцания привычных и дорогих сердцу пейзажей – «зеленых первозданных полей». Эта «выжженная, твердая земля» – настоящая чужбина, неподвластная тому одомашнивающему восприятию, что превратило Фландрию в «южно-английские края», по выражению Дэвида Джонса. И даже все живое растворяется в этом невыразительном ландшафте:

Солдаты на привале
В сухом, камнями испещренном русле,
Тушканом иль ящеркою с бурой
И безразлично сливаются землей.
Обнажены ль вблизи своих орудий
Или с веселым фырканием звериным

* Пер. О. Мишутина.

На склоне дня плещась в воде солоноватой,
 Телами львиной гладкости и цвета
 Они подобны фауне безвестной
 И девственной страны [...]»²

При таком обилии сюрпризов в пустыне, множеству описывавших ее поэтов-фронтовиков требовалось сделать над собой настоящее усилие, чтобы увидеть в ней поле брани.

Четыре года спустя, в «Козле отпущения» – первом опубликованном романе Брука – действие разворачивается в довоенном Кенте:

179

«Он оперся на калитку и устремил взгляд на дальние леса. Чуть погода с дороги до него донесся тяжелый, мерный топот. Колонна солдат выходила из-за угла: это был один из учебных батальонов из соседних казарм. Сгибаясь под грузом снаряжения, взмокшие от пота, несмотря на холод, с угрюмым выражением на багровых, словно ошпаренных лицах под стальными касками, они тяжело протопали по узкой улочке. Дункану солдаты показались естественной частью пейзажа, туземной фауной неизведанной и недружелюбной страны».

То, что Ливия – «нетронутая страна», к тому времени уже стало трюизмом, а вот недружелюбность Кента звучит более загадочно – до тех пор, пока мы не изучим роль, которую в творчестве Брука играло присутствие реальных и вымышленных солдат. Их «аборигенное» происхождение получает иную трактовку. Кажущаяся туземность солдат в ливийском пейзаже согласуется с иронией, знакомой читателям военной поэзии: природа не просто равнодушна к судьбе воюющих мужчин, но и коварно маскирует их намерение навредить друг другу. А вот ниша, которую они занимают в экологии

2 Пер. О. Гришиной и В. Земских.

Кента, подспудно грозит превратить английскую природу в военизированную зону обитания, одновременно притягательную и внушающую ужас.

180 В этом повторении настораживает и кое-что другое, на чем стоит остановиться и разъяснением чему служит еще одно стихотворение о войне. Часто считают, что обнаженные фигуры в «Купании солдат» Ф. Т. Принса, вошедшем во множество антологий, окунаются в теплые воды Северной Африки. Однако мужчины, которых описал Принс, купались в Северном море, неподалеку от Скарборо. Пусть это привычное смещение места действия и несущественно для толкования стихотворения, но оно все же демонстрирует, до какой степени – не меньше, чем для 1914–18 годов – представления о жестокости Второй мировой войны диктуются ландшафтом и местом. Повторное использование Бруком образа «туземной фауны» наносит удар этой привычке наклеивать географические ярлыки на события 1939–1945 годов (каковая оказалась ключевым фактором в выборочном смещении более масштабных исторических и политических смысловых наполнений в памяти нации о войне). Повторение предстает слишком уж вопиющим устранением контекстов.

О своей военной службе в Италии Брук писал: «Здесь, как и в Африке, цветы были сродни тем, что растут в Северной Европе, и напомнили мне о родине». (В написанном в то же самое время стихотворении «Хвала известняку» Оден также переносит на почву Италии сцены из английского детства). Однако психологическое воздействие этих мест имеет свою особенность: в южных пейзажах «не было и тени той загадочности, того намека на потустороннее, что таится повсюду в английском сельском ландшафте». В отличие от пустыни, сводящей на нет присутствие военных, английская глубинка у Брука предстает поистине военизированным пространством, хранящим неизгладимые следы солдат и армейской службы. Армия не на-

носит ущерба пейзажу (в пику утверждениям тех, кто ратовал за экологию в середине XX столетия) – она является неотъемлемой частью «неуловимой и довольно пугающей, но при этом неестественно притягательной ауры зла». А это значит, что Брук не просто небрежно перенес из-за моря место боевого конфликта, все еще находясь под угнетающей властью военного восприятия жизни. Нет, он переместил военную фауну именно что к себе на родину – в среду, где маскировка ее агрессивных намерений была не тактической необходимостью, а культурно-закодированным видением «английскости». Но, каковы бы ни были мотивы Брука, его книги конца сороковых годов воссоздают и преобразуют провинциальный глянec, наведенный английской культурой на войну двадцатого века. Кроме того, они приглашают нас иначе взглянуть на доставшиеся от той традиции – противоречивые, но ни в коей мере не многословные – вербализированные образы военной и родной земли.

181

Рональд Фирбенк – писатель, у которого Брук узнавал свой собственный атональный контрапункт сентиментальности и самоиронии – имел привычку повторять выражения: «в каком-то смысле он работал небрежно, по невнимательности ставил их два раза подряд». Брук же, эхом повторяя самого себя – нередко слово в слово, делает это сознательно, напоминая тем самым другого «коллекционера фраз» – Джеймса Джойса. «Ландшафт под Тобруком» через шесть лет снова всплывает у Брука в рассказе о событиях, относящихся к периоду сверхсрочной послевоенной службы:

– Что нужно делать? – спросил я.

– Да ни хрена. Вон, пачку 11-50-7 проверить, но это можно и после обеда.

– Нет проблем, – ответил я.

Капрал Брэднум уселся за кроссворд в «Дейли Миррор»; его напарник читал древний номер «Иллюстрейтед».

– Слово из семи букв, начинается на С, «нагревать до высокой температуры», – сказал капрал.

182 Ответ, который, конечно же, может подсказать образованный Брук – *calcine*: кальцинировать, сжигать дотла – алхимический термин, которым он, в бытность свою поэтом, лечащим больных триппером, воспользовался, чтобы описать выжженную землю пустыни. Этот эпизод подчеркивает твердое намерение автора удалиться в добровольную ссылку из мира литературы, в который ему еще только предстоит завоевать доступ, и таким образом избежать карьерного провала. Подобно Т. Э. Лоуренсу, записавшемуся на военную службу под именем «рядового авиации Шоу», он стирает свое «я», осознанно выбрав возврат к безличной дисциплинарной культуре. Свобода от ответственности в армии предпочтена «перспективе стать профессиональным литератором»:

Всю эту «ученую» бодягу я знал наперед: умеренный успех первого романа; рецензирование для литературного приложения к «Таймс», беседа-другая по радио. Потом еще роман – не столь успешный. («Должен признать, что новый роман писателя N меня разочаровал...»); и еще рецензирование, и еще беседы; пара эссе о каком-нибудь Богом забытом писателе для «Корнхилл»; и затем постепенное скольжение по нисходящей: после антологий, введений и литературы «для легкого чтения» – еженедельная болтовня в «Джон О'Лондон» или штатная работа на Би-Би-Си... Нет, только не это, подумал я – уж лучше буду помогать капралу Брэдному решать его кроссворды. («Орхидейная трилогия»)

Скрывая свои собственные опубликованные слова в лаконичных обменах репликами, призванных убить время в батальонной каптерке, за инвентаризацией дем-

бельского обмундирования, Брук делает вид, что сопротивляется карьере беллетриста. Художественная проза, которую он в то время писал, мало сказывается на его самокритичной сдержанности, продемонстрированной этой фантазией. «Зима в Блэкторне» – история неудовлетворенного и непатриотичного гетеросексуального желания – банальна даже для серии «Современная литература» издательства «Пингвин»:

Она села у окна, комкая в руке платок, но глаза ее были сухими; взгляд ее был устремлен за сырые от дождя поля и живые изгороди, с которых облетал цвет, – к ряду опустелых ниссеновских барачков – единственного, что осталось от лагеря.

183

Но не прошло и года, как появился «Козел отпущения» – роман «накоротке с солдатами», о котором романист-гей Питер Кэмерон отозвался уже как о «на редкость подрывном и эксцентричном». Позже, в «Знаке обнаженного меча», эти опустелые ниссеновские бараки перенесутся в таинственную местность, с незапамятных времен несущую следы военных, – эпицентр «чудных дел»: близость между мужчинами загадочно связывается с причудливой, как из-под земли возникшей армейской фантазмагорией, подразумевающей введение военного положения в Кенте. Завораживающие и в то же время тревожащие особенности пейзажа, в который Брук снова и снова вписывает свои личные мифы, – самые поразительные особенности его писательского расцвета. В романе Вулф «Миссис Дэллоуэй» вернувшегося в Англию империалистического чиновника Питера Уолша обгоняет поступь английского милитаризма, «словно шелест листьев в лесу»:

Мальчишки в солдатских мундирах шли с винтовками, выпятив грудь, устремив взоры в пространство, а выражение на лицах у них было как надпись по цоколю

статуи, восхваляющая чувство долга, благодарность, верность, любовь к Англии.³

184 Лица «жопомордых» солдат Брука ассоциируются с другим видом любви, а его проза являет собой сексуальное ниспровержение воинствующего национализма. Возможно, самое мощное свое звучание эти диссонирующие смыслы обретают, будучи как раз укорененными в пейзаже не буколическом, а военизированном – как если бы в каждой долине и на каждой «альпийской» горке вдруг из зубов некой местной гидры произросли вояки в хаки.

В «Козле отпущения» потайные места лежат на кромке перехода от гражданской жизни к военной, и Кент превращается в некое эротизированное пограничное царство. Фантазия находит свое буквальное воплощение в борьбе, которая, на фоне чреватого угрозой пейзажа, приобретает устрашающую безжалостность. Брук жестко сцепляет извращенное воображение отрочества и разочарования зрелости (подспудно сталкиваемые друг с другом в «Орхидейной трилогии») в своего рода войне поколений: «сексуальная аномальность, которая в юности еще может казаться сносной незадачей, для человека средних лет – гораздо более серьезная проблема».

Оставшись сиротой в тринадцать лет, Дункан Кэмерон переселяется из «скругленного и безупречного мира» детства, проведенного в западном графстве, в Кент, чья «мужественная жесткость» усугубляется «по-мужски аскетичной» фермой его дяди Джеральда. Для Дункана, единственного сына вдовы, своеобразный ритуал перехода к юности является логическим завершением детских увлечений ботаникой, фейерверками, «заяцехвостыми солдатами в кустах». Дикие солдаты Дункана вновь появляются в мемуарах Брука

3 Пер. Е. Суриц.

«Частный взгляд» в виде выдуманных обитателей (игрушечных солдатиков, иногда летчиков) «тщательно охраняемых и безымянных «мест» – тех территорий детского еще воображения, которые лежали теперь – далекие и неприступные – по ту сторону Железного Занавеса половой зрелости». В «Козле отпущения» сексуальное пробуждение предстает как вторжение военнизированного пейзажа, который, перестав быть просто фантазией из детской игры, материализуется в виде источника подстрекательских импульсивных желаний. Бруковская метафора «холодной войны» применительно к утраченному раю детства – типичный прием скептического низведения общественных событий до статуса частных оправданий. Однако кумулятивный эффект этого преломления современной военной истории через сохранившиеся в воспоминаниях сельские пейзажи детства странным образом напоминает нам о той легкости, с которой английская литература обратила память о войне в пасторали. Повторяющееся изображение солдата как объекта гомосексуального желания у Брука создает пейзаж одновременно и необычный, и знакомый, обязанный своим подрывным характером не только эротическому подтексту, но и в значительной степени тому, как национальные военные идеологии обретают буквальный смысл. Автохтонные мифы об обороне островного королевства, когда в стихийном порыве воинствующего патриотизма – в отличие от современных пост-наполеоновских регулярных армий на континенте – бойцы Сопротивления появлялись словно из-под земли, таким образом воплотились наяву: почва повсюду словно бы проросла солдатами.

185

Поначалу Дункан не может их избежать, затем начинает искать их сам. По пути к своему новому дому он оказывается в компании солдата, откомандированного в Фолкстоун, родной город Брука. Солдат предлагает Дункану затянуться своей сигаретой, словно

бы репетируя с ним тот обмен, что традиционно скрепляет на редкость семейственное товарищество низших по званию:

И развалившись, распустив ремни,
Дымя Вудбайном, штопаем носки.

186 Сигареты «Вудбайн» («Жимолость»), со своим цветочным названием, у Брука становятся обонятельным дополнением к зову горна, одной из его англизированных версий прустовского бисквита «мадлен»:

Резкий аромат сигареты показался ему концентрированным экстрактом того более слабого, рассеянного запаха, который исходил от самого солдата: чужого, загадочного запаха отчасти табака, отчасти теплых веяний пота и застарелой мочи; Дункан счел его ароматом самого героизма, исходящим от поля брани.

В «Орхидейной трилогии» ощущения описаны без соблюдения хронологии: они не только напоминают об утерянном прошлом, но и символизируют коренные конфликты в жизни взрослого человека. «Козел отпущения» сводит воедино эти распределенные во времени переживания, чтобы вызвать непосредственную конфронтацию между либидо и подавлением чувств. Фабула – конфликт между соблазнительной притягательностью объектов юношеских фантазий Дункана и авторитарностью дяди. Джеральд, стремящийся сделать из Дункана мужчину, сам уже не вполне образец мужественности: в сорок пять лет он физически сдает, может лишь сожалеть о том, что ушел в отставку, а грядущая война предстает для него спасительным решением в ситуации сельскохозяйственного спада и психологической апатии. Он заставляет племянника подчиняться дисциплине, которой подчинился бы сам, но тот уже фактически перешел на сторону противника

в «необъявленной войне». Глядя, как солдаты «в обтягивающих фуфайках» бегут кросс, Дункан испытывает «чувство удовлетворения», осознавая, что они «уже не странная фауна чужой страны, а сожители, товарищи в том мире, к которому он сам теперь безвозвратно принадлежал: нелегкому для жизни, но уже не враждебному миру, территории солдат».

Это чувство причастности охватывает его в «нехорошем месте» – на окаймленной лесами пустоши под названием «Калифорния», чья пугающая загадочность почти до смехотворного усугублена присутствием дольмена (отзвук Стоунхеджа Гарди в «Тесс»), куч дохлых крыс, останков овцы с копошащимися в них червями и вонючей чемерицы. Дункан надеется, что округу захватят его союзники и избавят его от необходимости подчиняться деспотичному дяде. Он крадет у Джеральда и отдает деньги Джиму Тайлору – солдату, встреченному в поезде, – доводя ситуацию на ферме до кризиса. Однако посещения военного лагеря ведут к ужасающей материализации смутного содержания его «тайных фантазий» в вульгарном, телесном, бессознательном и крайне двусмысленном сексуальном заряде сообщества солдат-мужчин. Белая кожа Тайлора с выколотой на ней татуировкой – вариацией знака со змеей, олицетворяющего атавистическую инициацию в военный союз в «Знаке обнаженного меча» – символически предваряет обгаренный кровью труп Дункана в конце романа.

Не столь явные предвидения являются результатом взаимостимулирующего действия воображения и топографии. Робкое вожделение, которое испытывает Дункан, делает его чувствительным к «анормальному» ландшафту, где эхом отдаются еле слышные звуки горна или пения: «солдат *не было* – в тот момент, когда я впервые это услышал». Эти странные симптомы становятся для Джеральда первым свидетельством того, что в окружающей местности что-то кроется; когда

он ставит под сомнение звуки, услышанные Дунканом, создается такое впечатление, будто «их души стыдливо встретились нагишом, сознавая обоюдный и хранимый в тайне упадок». Прежде того Джеральд находит Дункана в «Калифорнии», «без сил от страданий и ужаса», и, доставив его домой, ложится в одну с ним постель (другая насквозь промокла от дождя), где тому снится кошмар, и «Джеральд тоже попал в этот сон». Дядя, сторонясь невольного давления мальчишеского тела и не в силах уснуть, спускается в столовую и сидит там всю ночь, поднимаясь на ноги с «накатывающим отвращением, ощущением упадка», после того как в радионовостях сообщают, что немцы вошли в Прагу. В финале романа он снова встает на рассвете – однако на сей раз «загадочный ландшафт уже выдал свою тайну» в воспоминании о «какой-то чужой стране», чья линия горизонта показалась ему невероятно знакомой. Эта представшая в воспоминаниях таинственность местности ускоряет сбор улики («голосов в лесу и света там, где света быть не могло») и погоню Джеральда за Дунканом, который сбежал от наказания в опустевший лагерь у дольмена. Однако последующая схватка – Дункан, кусающийся, как горностаи, и Джеральд, забивающий его насмерть кнутовищем – задает всей истории тон мелодрамы и уничтожает ее многозначительность ложнопатетическим объяснением:

Издали, от казарм в окрестностях Глэмбера, донесся еле слышный, щемящий напев горна, играющего побудку. Джеральд повернул прочь, увидев наконец всё с полной ясностью, зная, что долгий процесс инициации кончился: обряды соблюдены и цикл завершен.

Это детерминистическое пресечение вопиющих отношений (инцест, педофилия) не может не разочаровать читателей, которые, подобно Питеру Кэмерону, знают, в каком комическом и бытовом ключе представили

гомосексуальность последующие поколения писателей: Кэмерон объясняет эту неудовлетворительную развязку тем, что автор навел тень на плетень из-за самоцензуры. Нельзя отрицать, что в изложении и описании осознанных и бессознательных состояний Дункана и Джеральда присутствуют неясные моменты. Эта проблема вызвана стремлением Брука соотнести непримиримые компоненты личности с персональным и историческим временем и выбрать точку для взгляда на эмоциональную и интеллектуальную жизнь подростка и взрослого. «Орхидейная трилогия» мигрирует между эпохами, по всей видимости разъединенными историческим процессом (сделавшим Брука писателем «не ко времени», реликтом двадцатых годов XX столетия). Извращенность эстетического удовольствия от армейской службы во время войны и после нее объясняется деликатными, весьма завуалированными признаниями о тяге к военным, сопровождавшей его юность. С другой стороны, фигура солдата, вторгающаяся в буколические сцены детства, обретает критически-иронический блеск в соседстве с описанием тупой казарменной жизни и лечения сифилитиков.

189

Однако в «Козле отпущения» взаимосвязь между наивным неосознанным вожделением и сознательным подавлением чувств подается в форме гораздо менее гибкой и скорее зловеще-трагической, а не ироничной. Номинальный символизм искупления греха (Дункан – ритуальная жертва, Джеральд – козел отпущения) предполагает, что в определенном смысле племянник выступает дяде отцом. «Еле слышный, щемящий напев горна», совпадающий с замыканием кольца инициации, обозначает, что Джеральда настиг кризис личности, схожий с тем, что охватил Дункана в его новом окружении. Подступающая война – которая, возможно, избавит Джеральда от тягостных неудач его гражданской жизни – манит его самоотречением армейской дисциплины, однако трудно сказать, чем на самом

деле является тайна окружающей местности, которую он интуитивно постиг: ключом к опасным чарам, завладевшим Дунканом, или же просто средством их схоронить.

В стихотворении «Калифорния» Брук делает явной связь между «пороговым» местом и нарушениями в устоях личности:

190 Тот центр, что, не являясь центром, есть
 Лишь цель подвижная, как грезы о соитье
 Мальчишки...

В «изгнании» взрослости «притягательность и отвратительность безумного королевства» безразлично колеблется между трансцендентным и банальным:

И женщиною древо обернется
И орхидея – воином шотландским
А парень, что сидит на гауптвахте,
Найдет в ухмылке гнусного сержанта
Объект своей любви, и холм Венеры –
В отдраенной до блеска караулке.⁴

В «Военной орхидее» охота за орхидеями становится одним из основных обозначений того, что лежит *по ту сторону*. Ботанические изыскания превращаются в поиски ускользающего символа идеи солдата и чувства неполноценности, которое «солдатские принадлежности» столь саморазрушительно и все же сладостно воплощают. *Orchis militaris*, военная орхидея – «это имя... рог в лесных дебрях», – по всей видимости ставшая ко Второй мировой войне исчезнувшим в Британии видом, снова была обнаружена лишь в мае 1947 года. История о том, как добровольные организации натуралистов вроде «Чилтернской Группы Военной Орхидеи» охраняли эти цветы – с помощью закодиро-

4 Пер. О. Гришиной.

ванных телеграмм, круглосуточного наблюдения, охранников с дробовиками – читается, как история народного ополчения в изложении Ишервуда и Апворда. Это укрывательство продолжалось еще долгое время после того, как Брук перестал писать. В «Военной орхидее» вымирание растения оплакивается наряду с отмиранием «концепции военной службы как рыцарского и благородного призвания»:

Минуя лес и луг,
Минуя жизнь – куда-то.
Под флейту и мерный стук
Идут солдаты.*

191

Бруковские эллипсисы безмолвно изменяют четверостишие Хаусмена: чувство ненадежности, связанное с военизированным бруковским пейзажем – сценой действия двусмысленных поисков и разделения личности, – иного порядка, нежели стародавние терзания и горькая ирония героя «Шропширского паренька» Хаусмена:

Я вижу римского солдата,
Взошедшего на этот холм.
В нем та же кровь текла когда-то
И тех же мыслей был он полн.**

Брук назвал Элизабет Боуэн романисткой «пейзажа с фигурами», любящей описывать растрескивания или вспучивания почвы, на которой эти фигуры ведут свое рискованное существование – но, как часто бывает в критических работах, он, похоже, относит это описание и к самому себе. Его солдаты вызывают психогеографические «вспучивания почвы», которые не оканчиваются «в свободной стране за могилой»,

* Пер. И. Поляковой-Севостьяновой.

** Пер. А. Кокотова.

а выстраиваются по ранжиру в противоречивом подчинении чуждому этосу воплощенной военной дисциплины.

192 Брук пишет о неспособности психоанализа объяснить любовь к цветам, но нам и не требуются разъяснения цветочного символизма из «Толкования сновидений» Фрейда (и анализ его сна об авторстве ботанической монографии), чтобы распознать ту незыблемую связь-ассоциацию с аборигенной флорой, служащую основой для цветочной эмблемы военной фауны у Брука. Орхидея, называемая «военной», или «солдатская мошонка» по обозначению в «Травнике» Джерарда, изданном в 1597 году, – это символ семенников. Антропоморфность клубней (напоминающих крупную мошонку) в случае этого гибрида подчеркивается рельефным розовым лабеллумом в форме пряничного человечка («шотландский воин» из стихотворения «Калифорния»). *O. militaris* символизирует не мир, канувший в Лету, а одну из относящихся к эпохе детства «репетиций, незавершенных или бесплодных попыток пережить все взаправду», что Бруку станет понятно во время его армейской службы в сороковые годы.

«Знак обнаженного меча» – фантастическая вариация на тему эмоциональных связей между мальчишескими фантазиями, романтизирующими милитаристский пейзаж, и добровольным принесением своего «я» на алтарь сверхсрочной службы. На первых страницах место действия не уточняется: это территория за Глэмбером, но описанная скорее с помощью тропов, а не топов – что в духе авторского замысла: по ходу развития событий постепенно вырисовывается конкретная топография, в самом начале представшая как коррелят душевных состояний. В традиции, идущей от Вордсворта через Гарди к Эдварду Томасу, английский пейзаж выступает в роли резонатора личностных поисков, а также в роли экрана, на который проецируются ра-

циональные и моральные стремления. Антропоморфизация природы, находящая свое выражение в патристической прозе и поэзии, описывающей английскую топографию, и подкрепленная «пригоршней английской земли», за которую, по утверждению Томаса, он отправился воевать во Францию, обретает новые смыслы в романе Брука.

Рейнард Лэнгриш переживает начальный этап расщепления личности, что проявляется в смещении ее границ. Это «рассеивание», сродни нарушению proprioцепции, выражается в утечке его четко определенной самости в непостижимый внешний мир: «словно бы отдельные части его самого оказались разбросаны по периметру постепенно растущего круга». Такая незакрепленность в пространстве оказывается одновременно и следствием, и характеристикой его окружения: «он ощутил, как сама сельская местность словно бы незримо, неопишимо на него давит [...] В то же время очертания пейзажа приняли странно нереальный вид, будто он видел их сквозь искажающую линзу или на плохой фотографии».

Это ослабление самости находит ответ в призыве вернуться к роли военнослужащего, которую он играл во время войны. Молодой офицер Рой Арчер, который, заблудившись, объявляется в доме, где Лэнгриш живет с матерью, становится источником эмоционального возбуждения и страха, чуть ли не сверхъестественным идеалом мужественности и средоточием загадочной власти. Военное вторжение в жизнь Лэнгриша на время выводит его из апатии, но и обостряет у него чувство неопределенности, поскольку поведение Арчера предполагает, что тренировки и запись Лэнгриша на сверхсрочную службу – дело решенное, и цель их ясна им обоим. Лэнгриш разрывается между нормальным миром своей работы и попеременно иллюзорным и реальным миром Британии, снова переживающей всеобщую мобилизацию. Изначальная дилемма еще более

обостряется за счет параллелей, которые его сознание проводит между загадкой чрезвычайного положения, на которое доверительно намекает Арчер, и остаточными детскими страхами и вожделениями, тесно связанными с топографией Кента.

194 Главное из мест, «не отмеченных на подробной карте», – это Клэмберкраун, отрезок холмистой территории, в мемуарах Брука предстающий как *terra incognita* на эгоцентричной когнитивной карте расширяющегося мира его детства. В «Знаке обнаженного меча» название местности пробуждает «смутное воспоминание детства», обозначающее не что-то определенное, вроде поселения людей, а «некий участок лесистой местности, без установленных границ». Взрослому Лэнгришу эта «загадочная местность» предстает уже как «ориентир для маневров» в нечаянно подслушанном разговоре об армейских делах. Это не столько случай индивидуума, подпадающего под власть общественного пространства (поскольку картографическое представление Британии исторически явилось в первую очередь военным проектом), а военной жизни, внедрившейся в субъективную, личную топографию. Места, окруженные тайной, являются возможной территорией маневров воинских подразделений, чья подготовка проводится в тайне от общественности. Смысл происходящего шире, чем просто использование Бруком темы армии (мужского сообщества, одобряемого на культурном и официальном уровне), чтобы обеспечить прикрытие для истории, посвященной кризису сексуальной идентичности, или чем объяснение психического срыва героя политической патологией (добровольное подчинение невротика воинствующему авторитаризму).

Изображая сельскую Англию, Брук изменяет соотношение между ее пасторальностью и военизированной. «Двуличность» природы, скрывающей присутствие тех, кто олицетворяет военное насилие, –

признак канона английской военной поэзии двадцатого века, от Оуэна и Дэвида Джонса до Генри Риды и Кейта Дугласа (лишь после Хиросимы война обретет способность изменять климат). Солдаты Брука – не чужаки для пейзажа, в целом безразличного к людям; они – естественные составляющие пространства, представленного в своей культурной и психологической ипостаси и отличимого как от объективизированной природы, так и от объективизирующей картографической сетки. Джеффри Мэтью в стихотворении «Современный обман» (1941) обыгрывает двусмысленность этого типа пейзажа – где цвет хаки колонизирует английскую зелень – с целью поставить под сомнение господствующее влияние патриотического беллицизма на военных. Непостижимый разрыв между военизированной личностью, одетой в солдатскую форму, и ее личными мотивами находит свое соответствие в сцене, где война и природа перетекают друг в друга:

195

Плющом завиты стены фермы, где
Тружусь я. Струйки дыма выются
Вьюнками вверх.
Ни пашни нет, ни хлева,
Стада – обман, скворечники – коробки
Противогазов.⁷

У Брука же эта военная трансформация местности, делающая топографические приметы опасно обманчивыми, не вызвана обстоятельствами военного времени, а предстает неизменной характеристикой пейзажа. Военное присутствие становится естественным или даже основным элементом английской природы, выступающей в роли компоненты культурного своеобразия.

То, что сбитый с толку Лэнгриш примыкает к законспирированному плану тренировок и набора добровольцев, своим вторжением изменяющему прежде

7 Пер. О. Гришиной.

знакомый пейзаж, связано с пробуждением у него воспоминаний о прежних конфронтациях с военизированными границами его родного края. Звук далекого горна напоминает ему о давних бесплодных поисках постоянного двора «Пес» в Клэмберкрауне. Он тогда оказался окружен солдатами и бросился наутек от «багровых, ухмыляющихся рож», преследуемый хохотом и свистом. Невозможность в течение долгих лет вернуться в это место эхом отражается в его нынешнем утаивании «ощущения хорошего самочувствия», порожденного в нем участием в «эзотерическом племенном обряде» – беге и спарринге на площадке Римского Лагеря и чувством «обязательства» записаться на сверхсрочную службу. Этому обязательству невозможно изменить, потому что невозможно проверить его реальность: чем больше Лэнгриш старается его себе уяснить, тем дальше оно трансформирует его личностный кризис на уровне подсознательного побуждения записаться в армию. По мере приближения дня записи противоречивые желания наполняют его то страхом, как перед походом в школу, то возбуждением, «сравнимым со смутным брожением сексуальности у подростка». Арчер его покидает (власть, которую он ненавидит, но которой вынужден подчиняться, не желает его признавать), и это усугубляет процесс, в ходе которого таинственное чрезвычайное положение начинает субъективно им восприниматься как возможность спастись от ощущения распада. Лэнгришу отводится роль подростка из автобиографической прозы Брука, тянувшегося к несвеже пахнущему, мускулистому и жестокому товариществу военных. Его внутренние запреты находят свое отражение в неуловимости конспираторов. Подобно *O. militaris*, эти таинственные силы ускользают от его попыток их обнаружить.

Вернувшись в «гимнастический зал» в Римском Лагере, расположенный на холмах над Глэмбером, Лэнгриш находит там только какого-то бродягу. Хотя этот

старый вояка и помечен татуировкой со змеей, отличающей членов учебного батальона, он мало склонен верить в рассказ Лэнгриша о военных приготовлениях. Снова оказавшись на следующее утро в городе и обнаружив пропажу бумажника, Лэнгриш вспоминает эту встречу – «грубоватое добродушие бродяги, предложенные им «какава» и постель, внезапно зародившееся доверие и краткая, мимолетная приязнь», – сравнивая ее с «преждевременным цветком, увядшим в бутоне». Брук не позволяет своему герою ясно высказаться о той сексуальной притягательности, которую имеет для него неофициальная военная инициатива, явно стремящаяся возродить доблести «старомодного» солдата после ставшей популярной в годы войны «слюнявой чуши» о превосходстве образованного новобранца с «гражданки». Как и в автобиографических текстах Брука, притягательность грубого и мужественного вояки в глазах не уверенного в себе буржуа излагается топографически.

197

Попытки влиться во все более неуловимую армию Арчера в конце концов предстают Лэнгришу упущенной возможностью сбежать от «тусклого и ограниченного существования». Однако Брук продолжает обыгрывать в романе тему внутреннего конфликта, порожденного идеализированными представлениями о военной службе, перенося психологические барьеры и тайные желания Лэнгриша на изменившийся облик Клэмберкрауна – «белого пятна» на карте области. Так никому и не послужившие оборонительные позиции, оставшиеся со времен недавней войны, символизируют «некое странное ожидание, словно их покинутость – лишь временное явление». Тревожное чувство, порожденное попыткой объяснить признаки послевоенной оккупации, симптоматично для утраты собственной воли, сопровождающей улетающую надежду освободиться от обостренного чувства самосознания в мире армейской дисциплины. Но по

прошествии часа «Ч» для записи на сверхсрочную службу именно препятствие из колючей проволоки вызывает у него чувство «безутешного отчаяния», превращающего его из штатского в военного. Обнесенная оградой землянка, которую Лэнгриш исследует из чувства «давнего любопытства», оборачивается туннелем, выходящим на территорию, где царит военное положение. Проникая в достаточно военизированный пейзаж, он безвозвратно попадает в мир хаки.

198 Несмотря на протесты Брука, роман был назван «кафкианским». Однако тщетные попытки Лэнгриша опротестовать свое насильственное зачисление перед лицом военных властей, чьи административные процедуры не допускают существования невоенных привилегий, основаны на естественной реакции людей на мобилизацию и введение военного положения во время Второй мировой войны – процессы, признаки самодовления которых поразили многих своей безотносительностью к какой-либо заявленной или понятной военной цели. Истории из сборника Джулиана Макларена-Росса «К пайку в довесок» (1944) – занимательные и язвительные рассказы современника о зачисленных в армию гражданских, попавших в ловушку предписаний, составленных автономным и полномочным военным режимом. В продолжение рассказа «Армейские коновалы», где Макларен-Росс как нельзя лучше изобразил бесчеловечную атмосферу бюрократии и идиотизма, на которую обречен тот, кто некогда был личностью, а теперь является солдатом, Лэнгришу отказывают в медицинской помощи, потому что «армия больше не признает психотерапию».

Переместив акцент в дилемме Лэнгриша с того, как бы ему записаться в армию, на то, как бы ему из армии вырваться, Брук, прибегая к чередованию состояний покорности и отвращения, доводит своего героя до новой вершины отчаяния, перетасовывая противоречивые мотивы своих собственных зачислений на

военную службу и уподобляя их политическому кошмару. Фантазийная военизация английской флоры и фауны обретает буквальный смысл, а психологическая раздвоенность оборачивается «чрезвычайкой», при которой «любое положение – военное»: «в наше время уж точно нет особой разницы между состоянием войны и состоянием мира». В этих обстоятельствах отвращение Лэнгриша к «грубой близости с сослуживцами», «непристойной фантасмагории убожества» ослабевает по мере его приобщения к регламентированному существованию, «монотонному армейскому говору», похожему на «грубый домотканый холст дружелюбия»; он начинает испытывать «превратную и необъяснимую радость от вынужденной своей неволи».

199

Однако дезориентирующий опыт Лэнгриша по разделению с армией контроля над самим собой неубедительно разрешается в эдиповой схватке. «Знак обнаженного меча», как и «Козел отпущения», теряет в качестве из-за требований романной развязки. Возвращение Лэнгриша в материнский дом – последний акт сопротивления внешней власти. Спасаясь от наказания, он, как ему кажется, освобождается из «запутанного, двоящегося мира» оккупированного Кента. Но оказывается, что и его прошлое тоже исчезло: дом словно бы пережил годы запустения, оставившие «полусгнившее месиво» ужина, некогда приготовленного для него матерью, и ее полуразложившийся труп. Плоть Лэнгриша изменилась тоже: теперь он помечен татуировкой – изображением «ужасной змеи с ядовитыми зубами, обвившей обнаженный меч». Этот знак – клеймо гомосоциального товарищества, упразднившего классовые границы – поскольку им щеголяют даже члены офицерской касты, включая Роя Арчера – и, во временном срезе, напоминающее друидский амулет из Глэмберского музея и портрет отца Лэнгриша, где тот «сжимает рукоять шпаги». «Врожденная нерешительность» Лэнгриша исчезает, как только

завершается его инициация в этот коллектив. Арчер возвращается к дому Лэнгришей с новостями о том, что «те... наступают» и устроили свой штаб в старом клэмберкраунском пабе. Лэнгриш, готовый дать отпор военным, желающим его арестовать, стреляет в своего вербовщика. Убийство человека, воплощавшего для него авторитет, открывшего и затем закрывшего ему вход в мир хаки, в сочетании с требованием обещания «пройти через это» – плачевное сведение на нет всех отточенных и умно проработанных в романе загадок. «Безмятежное счастье» Лэнгриша, когда, «волевой и целеустремленный», он ощущает, как прошлое сливается с будущим в «этом жизненном миге», граничит с пародией на современную Бруку беллетристику о войне – такую, как «За гранью страха» Джека Линдсея (1943) с его одобрением насилия и насильственной смерти. В книге Линдсея идеологические, политические идеи превращают процесс убийства в некий способ перейти в иное состояние. Бруковская версия смерти – в такой же степени неполное и идеализированное разрешение глубинных противоречий, но у него они существуют на уровне физиологической притягательности авторитарной власти.

Не следует истолковывать произведения Брука только лишь как этиологию и таксономию сексуальной маргинальности (хотя он и возвращается к этим темам в своих последующих романах о периферии «гомокоммунистической» литературной культуры 1930-х годов – «Смерть героя» (1953) и «Традиционное оружие» (1961)). Переноса сексуальную притягательность оденовских солдат, что «толпятся в пабах, прелестно одеты» (в соседнем с Фолкстоуном Дувре, сомнительном и опасном), в декорации английского сельского детства, Брук в своей прозе подразумевает комплексные взаимоотношения между идеями английского пейзажа и фантазиями о военных. Он провоцирующе буквально интерпретирует интуитивное заявление поэта о том,

что Дувр не построен человеком, а пророс из какого-то «неопределимого грязного корня в глубине материка».

На поверхностный взгляд, «Знак обнаженного меча» напоминает произведения своего времени, полные озабоченности ненадежной участью индивидуализма в обществе, где военное положение или приход военных к власти становятся обычным делом, как в «Аэродроме» Уорнера (1941) или «1984» Оруэлла (1948). Однако политический сценарий, который Брук придумывает в качестве коррелята подавленных желаний Лэнгриша (а также в качестве вариации своих собственных капитуляций перед военной властью), прочитывается не как пророчество пришествия военного коллективизма. В своей фантастической экстраполяции чего-то, что уже скрыто существует в вымышленной сельской местности, роман преломляет в себе как исторические вторжения в сельскую Англию военных, территориальные потребности которых возросли за счет механизации и массовой мобилизации мировых войн, так и ироническое перенесение высокотехнологичной войны в обстановку пасторальных традиций.

201

«Кент и Сассекс всегда подвергались особому риску вторжений», – пишет Шейла Кей-Смит в 1937 году в своем исследовании притока населения в пригородные районы юго-востока страны в период между Первой и Второй мировой войнами по сравнению с норманнскими нашествиями и эпохой наполеоновских завоеваний. Однако Э. М. Форстер видит в военных орудие урбанизации и индустриализации современного типа:

Боевые войска неизбежно становятся настоящими врагами того, что осталось от Англии. Стоит им обнаружить участок девственной сельской местности, как они, естественно, желают заполнить его под лагеря,

артиллерийские учения, испытания бомб и отравляющих газов. Я помню, какой была равнина Сэлсбери Плейн тридцать лет назад: рак урбанизации начал подтачивать восточную ее часть в окрестностях Балфорда, но, кроме этого, все было нетронутым. Теперь же там и места живого не осталось: пулеметные учения за Хейтесбери, кровавые языки флагов вдоль дорог на Имбер-на-Холмах. Местечко в Дорсетшире – прототип Эгдона у Гарди – атаковали танковые войска, кроме того, изуродовавшие еще и местность у Лулворс Коув.

Эта, по очевидности, неравная схватка может иметь и противоположный исход – как в созданных в годы войны аллегориях фашизма («Аэродром» Уорнера или фильм «Как день прошел?» студии «Илинг», снятый в 1942 году) и Народной войны (фильм «Кентерберийская история» Пауэлла и Прессбергера, снятый в 1944 году). Не столько потому, что опасения Форстера не подтвердились, сколько потому, что вид английской деревни стал символом гражданской и якобы освободительной милитаризации, восславленной в стихотворении С. Дей-Льюиса «Боевая тревога», посвященному добровольческому отряду местной обороны:

Вчера, как стемнело, собрался отряд по тревоге
 Не пустить чтоб врага в деревню к родному порогу.
 Тридцать в строю мужчин, привычных к кирке
 и лопате,
 Народ трудовой – а теперь ополченцы-солдаты.

Возможно, самый удивительный символ послевоенного протеста против военной юрисдикции над просторами Англии (поскольку до того времени традиция защиты сельских территорий была во многом демонстративно маскулинной) – это акция 1980-х годов в Гринэме. Однако в недавно разработанной армией концепции «перехода к сохранению окружающей среды»

стрельбища представлены как охраняемая природная зона, наподобие заповедника. Для Патрика Райта это «сходство между активистской деятельностью «зеленого» толка и военной властью» – признак четкого разрыва с «культурной и не признающей статистов оценкой английской сельской жизни», процветавшей в 1930-е годы.

Рассказ Райта о захвате бронетанковыми войсками дорсетской деревни Тайнэм (к востоку от разрушенной деревни Лулворс Коув, упомянутой Форстером), так и не отмененном со времен Второй мировой войны, выявляет запутанный характер культурного устройства национального наследия. Но, в то время как вторжения военных дали повод для ностальгических восклицаний о поруганной сельской Англии, не стоит забывать и об отпечатке войны на воспроизведении идей сельской традиции. Действовавшие между войнами группировки «деревенщиков», наподобие Уэссекской ассоциации сельскохозяйственной обороны, «Английской тайны» и даже Почвенной ассоциации, своими идеологическими корнями уходили в фашизм и воинствующую патриархальность. Тот факт, что это сочетание деревенских и милитаристских ценностей продолжает оставаться актуальным и в послевоенной Англии, во многом объясняется процессом, при котором английская земля освящается памятью о войнах, которые традиционно велись не на английской территории. Значительную роль в этом сохранении ценностей сыграло творчество Генри Уильямсона и, в особенности, его «роман-река» «Хроника одной семьи» (1951–69), в котором авторитарная политика, рожденная в окопном сообществе, сублимируется за счет описания природы и попыток преодолеть упадок сельскохозяйственной экономики. Для главного героя, Филиппа Мэддисона, «уничтожение ландшафта по соседству с Лондоном» – менее двусмысленное нарушение непрерывности его жизни, чем Первая мировая

война. Его уэссекский *Gartenfeste*, Садовая Крепость, обретает особое символическое значение, когда Уильямсон переносит карту военных действий на ландшафт деревенской Англии: уединенная сельская местность – единственная обстановка, в которой только и можно уберечь от распада видения былого из военного опыта ветерана.

204 Английские пейзажи в литературе и культурные смыслы войн двадцатого века перекликаются, напоминая нам наблюдение Фасселла о том, что «в военных мемуарах есть моменты, когда штрихи иронии, уходящей корнями в деревенский образ жизни, кажутся результатом слияния Гарди и Хаусмена». Этот процесс биполярен: пока образованные армейцы учились преломлять Фландрию едкой поэзией английского ландшафта, последующие поколения читателей присовокупили трагедию Первой мировой к пейзажам, покинутым атлетичными бойцами территориальной армии из «Шропширского паренька». Стихотворение Томаса «Когда латунь уздечки», где описывается плачевное – как следствие войны – положение английского земледелия, символично восприятием войны именно у себя дома, связанным с полным переосмыслением иронических традиций литературы. Война отныне будет вписана в сельскую Англию не только посредством иконографии мемориалов в церквях и на деревенских лужайках, но также и в силу того, что непрочность пейзажа постепенно стала метонимом сгнувшего поколения.

Знаменитый образ Родины, перенесенной в чужую землю, из сонета Руперта Брука «Солдат»: «В каком-нибудь углу чужого поля – вовеки Альбион отныне» перевернут с ног на голову. «Уголок уголка Англии – безграничен», – заметил Хиллэр Баллок: непостижимость пейзажа усугубляется за счет ассоциации его с историческим кризисом. Когда Алун Льюис спустя два года после Дюнкерка посетовал на «пасторальную

английскую армию», он таким образом выразил пренебрежение к сидячей и не проникнутой военным духом гарнизонной службе. Однако, описывая «мнимую травму» армии, для которой все еще продолжается «странная» война, он, таким образом, попутно зафиксировал и необычное родство между идеей военной службы и сельской местностью: здесь, по Льюису, характерная для солдат среда обитания.

Диких солдат Брука можно рассматривать как сверхъестественное воплощение подспудных сил, скрытых в английской литературной топографии. Порочность его фантазии постепенно сама приобретает местный характер, и не потому, что постоянно возвращается к Восточному Кенту, а в силу того, что переплетается с отпечатком, оставленным войной на облике сельской Англии. Но, представляя солдат как местную фауну, Брук предлагает пищу для раздумий, когда рисует провинцию, воплотившую собой бремя милитаристской идеологии, якобы чуждой современной Англии, «традиционно» воевавшей за границы.

Издательства «KOLONNA PUBLICATIONS»
и «МИТИН ЖУРНАЛ» представляют:

206 Эркюлин Барбен **Воспоминания гермафродита**

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868) – мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Габриэль Витткоп **Вечный альманах гарпий**

Гарпии вездесущи и всегда настороже, от них не ускользнуть. Ключ к разгадке кроется в их имени – «похитительницы», «воровки». Они персонифицировали критское божество смерти, представленное в «Одиссее» бушующим ветром. В индуистской теогонии они становятся демонами небосвода, прекрасными, как крупные хищные птицы. Непрестанно меняясь из века в век, они принимают все новые обличья, перетекающие одно в другое в вечном движении. Они стары, как небо и как смерть. Гарпии – образ пожирающей вселенской Матери, которая глотает и извергает в одном вечном двойном движении. Поэтому они родственны бороатым сиренам, богиням-змеям, изрыгающим реки, божествам хтонических глубин.

ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

Кэти Акер **Эвридика в подземном царстве**

207

Главными темами текстов, собранных в этой книге, – от исповеди «Политика» (1972), написанной, когда Кэти Акер работала в секс-шоу на 42-ой улице в Нью-Йорке, до драмы «Эвридика в подземном царстве» (1997), завершенной незадолго до смерти писательницы от неизлечимой болезни, – остаются чувственность, язык, насилие, принуждение, власть. Письмо, безумие, власть, насилие, тело. Чувственность, язык, тело, власть, безумие.

Джереми Рид **Изидор**

Роман знаменитого английского поэта Джереми Рида посвящен Изидору Дюкасу, самому загадочному писателю XIX столетия, писавшему под псевдонимом граф де Лотреамон. Практически никаких свидетельств о жизни Лотреамона, произведения которого стали всемирно известны лишь через полвека после его ранней кончины, не сохранилось, и Джереми Рид реконструирует биографию автора «Песен Мальдорора». Рассказ самого Изидора Дюкасса переплетается с донесениями сыщика, которого отец героя, французский дипломат в Монтевидео, нанял для слежки за распутным отроком.

Книги издательств «Митин Журнал» и «Kolonna Publications» можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездиновский переулок, д. 12/27
 «Москва» ул. Тверская, д. 8
 «Проект оги» Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2
 «Гилея» Нахимовский пр-т, д. 51/21,
 «Молодая гвардия» ул. Б. Полянка, д. 28
 «Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
 «Букбери» сеть книжных супермаркетов
 «Республика» 1-я Тверская-Ямская, д. 10
 «Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
 «Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
 «Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28
 «Буквоед» сеть магазинов
 «Индиго» Невский пр., д. 32-34
 ДК им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
 «Esterum» esterum.ru
 «Petropol» petropol.com
 «Болеро» bolero.ru
 «Чакона» chaconne.ru
 «Международная книга» mkniga.ru
 «Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

По вопросу оптовых продаж обращаться
 в ооо «Берроунз», тел. (495) 104-68-36

Все книги нашего издательства можно заказать наложенным
 платежом в редакции на сайте kolonna.org

Митин Журнал. Россия, Тверь, а/я 2448
 Подписано в печать 30. 09. 2008. Тираж 1000 экз. Заказ №2127
 Формат 70 x 100/32. Объем 6,5 п. л. Гарнитура ITС SNARTER
 Подготовлено на оборудовании APPLE MACINTOSH
 Отпечатано в типографии «Шар»
 300026, Тула, пр. Ленина, 104